

ПОДСКАЗКА ИЗ ПРОШЛОГО

Лисицына Татьяна

Оглавление

ГЛАВА 1	3
ГЛАВА 2	10
ГЛАВА 3	14
ГЛАВА 4	19
ГЛАВА 5	22
ГЛАВА 6	25
ГЛАВА 7	27
ГЛАВА 8	31
ГЛАВА 9	33
ГЛАВА 10	35
ГЛАВА 11	37
ГЛАВА 12	39
ГЛАВА 13	40
ГЛАВА 14	41
ГЛАВА 15	43
ГЛАВА 16	46
ГЛАВА 17	48
ГЛАВА 18	50
ГЛАВА 19	53
ГЛАВА 20	56
ГЛАВА 21	58
ГЛАВА 22	61
ГЛАВА 23	64
ГЛАВА 24	66
ГЛАВА 25	68
ГЛАВА 26	71
ГЛАВА 27	73
ГЛАВА 28	74
ГЛАВА 29	76
ГЛАВА 30	79
ГЛАВА 31	80
ГЛАВА 32	84

ГЛАВА 1

Когда я, послав гордость к черту, позвонила Андрею, его уже не было в этом мире. Знать я тогда этого не могла, поэтому, выслушав серию гудков, отбросила мобильный в сторону и поспешно оделась, решив прогуляться.

Почему Андрей не взял трубку? Не захотел со мной разговаривать? Или не смог? Если не смог, перезвонит. Я проверила входящие и зашагала по Малой Бронной к Патриаршим прудам. Сделав пару кругов, и, ошалев от подвыпившей молодежи оккупировавшей все скамейки, я вернулась к отелю «Марко Поло» и уселась в баре на улице. Здесь было тихо уютно дорого. Так, как я привыкла. Я заказала Уокера и подумала, что, пока пью, Андрей обязательно перезвонит, и я извинюсь за то, что отменила встречу. Не успела я сделать и глоточка, как увидела идущего по улице отца. Тут же захотелось, как маленькой спрятаться под стол, чтобы избежать нотаций, что я сижу в баре и выпиваю в одиночестве. Стоп! Я же большая девочка. Сорокалетняя. И я уже изменилась и решила, что больше никогда не попаду под его влияние. Решить одно, сделать другое. На всякий случай я немного наклонилась к вазону с цветами, чтобы меня не было заметно с улицы. Не хотелось снова выслушивать, что Андрей, в которого я втрескалась по уши, всего лишь охмуривший меня негодяй. Уверенной походкой отец прошагал в холл отеля. Я сделала большой глоток вискаря и попыталась расслабиться.

Проснувшись утром – спала я после Уокера неплохо – снова набрала номер Андрея. Вот не такой он человек, чтобы обидеться настолько, чтобы не отвечать на звонки. Тишина. Уже окончательно запаниковав, позвонила на домашний и узнала от бабы Насти, что Андрея застрелили во время дежурства. Я мгновенно ощутила свою вину, несмотря на то, была далеко от места происшествия. Но именно в этот вечер я не захотела с ним встретиться, и он вышел на замену другого сторожа. Ненавижу себя за то что никакой причины не было. Просто утром приехал отец, и всё как-то помимо моей воли пошло наперекосяк, словно то, чему я думала, что научилась, оказалось лишь моими домыслами. Знакомый пронзительный взгляд отца вновь превратил взрослую женщину в маленькую послушную девочку, которая вместо запланированной встречи с Андреем пошла с отцом в ресторан. Выслушав прерываемый всхлипываниями, рассказ бабы Насти я зарылась в подушку. Воспоминания накатывали так же быстро, как слёзы.

Я оказалась в Москве, чтобы решить вопрос о наследовании принадлежащего еще до революции нашей семье старинного особняка. Гостиница «Марко Поло», в которой мне забронировали номер, оказалась неподалеку. Наскоро приняв душ и переодевшись, я поспешила на улицу. Мне не терпелось увидеть Москву. Город, о котором я столько слышала, читала и в котором родилась и жила в молодости моя обожаемая, так рано ушедшая из жизни, мама. Мне казалось, что я всю свою жизнь стремилась сюда, но стоило мне только заикнуться о поездке, как отец находил десятки предлогов, чтобы её отложить. И вот, наконец, судьба смиростивилась надо мной. У него было назначено слишком много встреч Париже, чтобы поехать самому.

Улица показалась мне смутно знакомой, словно я когда-то здесь бывала. Я непроизвольно ускорила шаг, чувствуя стеснение в груди. Через пару минут застыла перед старинным особняком. "Этого не может быть! - пробормотала я. - Но я уже видела этот дом с узкими окнами и цветными витражами. Он не похож ни на один другой, и его сложно назвать красивым. Разве что необычным и вызывающим". Я обошла его и оказалась возле парадного входа. И тут началось. Словно провалившись в прошлое, я совершенно ясно услышала стук колёс невидимого экипажа и шуршание складок своего длинного платья. Мужчина с бородкой помог мне выйти. Рука об руку мы поднялись по каменным ступеням.

Да что же это такое?! Просто какая-то мистика. Неожиданно мой взгляд упёрся в табличку, которую я до сих пор по непонятным причинам не заметила. "Дом-музей писателя Александра Конькова». Не может быть! Тот самый дом, из-за которого я приехала. Наследство, из-за которого разгорелись споры. Я огляделась. Через дорогу от меня на площади гордо устремлялся в голубое небо одноглавый храм. Ощущение того, что я здесь была, усилилось. Я почти бегом побежала к

церкви и схватилась за тяжелую ручку. Дверь поддалась, и я вошла в полутемный заполненный цветами холл. Только потом я поняла, что нарушила все приличия. Мало того, что я была в брюках, так ещё и с неприкрытой головой. Но даже если кто и смотрел на меня с неодобрением, мне было всё равно, настолько я была поглощена своими ощущениями. Какие-то неясные образы роились в моей голове, которые я пыталась ухватить, но у меня ничего не получалось. Ноги поднесли меня к иконе Богоматери, а губы зашевелились в молитве. Поймав себя на этом, я вновь испытала потрясение. Я не верила в Бога и не знала слов молитвы «Отче наш». Тем более на русском языке. Я наблюдала за собой словно со стороны, и моя рука, отдельно действующая от меня, привычно перекрестилась.

Добравшись до скамьи, я села и почувствовала слёзы на щеках. Не помню, когда я плакала последний раз. Что-то происходило со мной. Но всё это уже было, было когда-то. Тогда здесь было много народу, а сейчас почти никого. Но, собственно, кому сейчас верить в Бога? Да и зачем, если есть новый Бог, за которого схватились русские после перестройки. Золотой телец. И деньги вместо молитвы. Я сама такая. Всегда считала что вера – удел слабых, тех, кто не может справиться с жизнью самостоятельно. Но видимо когда-то я думала иначе. Иначе откуда в моей памяти столько лет хранилась молитва «Отче наш».

- Мы закрываемся, - услышала я голос.

Передо мной старушка в платочке. Захваченная в плен своими новыми ощущениями, я не слышала её шагов. В выцветших голубых глазах светились доброта и понимание. Я почувствовала, что она верит в Бога. Верит по-настоящему.

- Приходи завтра с утра на службу, - тихо сказала она. – А потом на исповедь. Покаешься, легче будет. Только не ешь ничего с утра.

Я молча кивнула, зная, что приду сюда ещё не раз. Вышла на улицу и снова направилась к особняку, пытаюсь разобраться, что же со мной происходит. Зазвонивший телефон вернул меня в реальность.

- Элоиза, ты уже на месте? – услышала я голос отца. Связь была такой хорошей, словно он говорил не из Парижа, а находился на соседней улице. - Как долетела? Как гостиница? Тебя поселили в том люксе, который я заказывал? - Не слушая моих ответов, он как обычно забрасывал меня вопросами, на которые сам и отвечал. Такая форма общения сложилась ещё с детства.

- Да, всё хорошо.

- Хотелось бы мне знать, что там может быть хорошего в этой Москве?- проворчал он. – Номер хотя бы чистый? А то у русских никакого сервиса.

- Да, конечно.

Ненависть моего отца к России меня поражала. Мой дед, Петушинский Фёдор Васильевич, умер, когда отцу было десять лет, и его воспитанием занимался дядя, Петушинский Сергей Фёдорович, который до конца своей жизни сохранил обиду на Степана, к которому был сильно привязан. Он не мог понять, как его младший брат осмелился пойти против семьи и всем сердцем принять революцию.

- Завтра позвони адвокату и постарайся прижать этого подлеца к ногтю. У него нет никаких прав.

- Да, хорошо.

- И будь, пожалуйста, твёрдой. Ты вечно мямлишь. В конце концов, ты моя дочь. Единственная наследница нашей империи. Помни об этом.

Отец бросил трубку, а я, не дождавшись зелёного сигнала, перешла дорогу. Прошлое исчезло. Я снова была Элоизой, знавшей французский лучше своего родного языка. Зато закончилось раздвоение. Отцу, как всегда, удалось вернуть меня с небес на землю, вновь напомнив, какое я ничтожество.

Я подошла к особняку и стала изучать табличку. Музей писателя Алексея Конькова. Часы работы. Конечно, музей давно закрылся, если, вообще, работал. Неожиданно к ограде с той стороны подошёл молодой человек. Наверно, он стоял где-то поблизости, судя по тому, что его сигарета оказалась почти выкурена.

- Здравствуйте, - молодой человек улыбнулся. - Я заметил вас, когда вы подходили сюда еще первый раз. - Я удивилась, не зная, как реагировать на то, что за моим странным поведением кто-то наблюдал. - Куда вы потом пошли?

Он говорил так, словно мы были знакомы, и мне это показалось странным. Я внимательно посмотрела на него. Русые волосы спускались на лоб кудрявой челкой, большой нос правильной формы, легкая, как любят говорить сейчас, сексуальная небритость. Черная выглаженная футболка обтягивала широкие плечи.

- Ходила в церковь, - ответила я.

- Вы откуда приехали? Акцент у вас.

- Из Франции.

- А вы хорошо говорите по-русски. Долго учили язык?

- Нет ... - Я замялась. Не хотелось рассказывать о себе. – Некоторые мои родственники жили в России.

- Простите. Я не буду задавать вопросов. Только один, - он засмеялся, и я почувствовала, как губы против моей воли тоже складываются в улыбку. – Вам, наверно, понравился этот дом, раз вы вернулись.

- Он необычный. Жаль, что закрыто. Я бы с удовольствием зашла внутрь. Ну, может быть, приду завтра.

- А хотите, - в его голубых глазах засветился озорной огонёк, - хотите, я проведу вас сегодня?

- Вы... меня...? Но как?

Он усмехнулся.

- Считайте, что я сторож этого музея, - Он открыл калитку. – Проходите. Только для вас и сегодня: персональная экскурсия.

Я замешкалась. Как-то всё это было странно. Зачем он это предложил? А не убьёт ли он меня в этом доме? У меня кольцо на пальце с бриллиантом и деньги в сумке. Немного денег, но всё равно. Отец предупреждал, что в Москве и за сотню долларов убить могут.

- Да не бойтесь вы, - он слегка коснулся до моей руки. - Давайте познакомимся. Меня зовут Андрей. А вас?

- Элоиза.

- Красивое имя. – Он слегка нахмурил брови, что-то вспоминая. – Ну, конечно. Элоиза и Абеляр. Французские Ромео и Джульетта.

Честно говоря, я удивилась, что сторож музея столь начитан. Даже у моих соотечественников такой ассоциации не возникало. А ведь моя романтическая мамочка назвала меня в честь этой Элоизы. До самой маминой смерти мы жили на набережной цветов рядом с Нотр Дамом. Из наших окон виднелись мрачные башни собора и вечно кружащие над ними черные птицы. Не знаю почему, но эти птицы и башни в детстве пугали меня. А мама часто выходила на маленький французский балкончик и, облокотившись на перила, замирала, глядя вдаль. Мама обожала Париж, знала, кто жил и в каком доме. Я как сейчас слышу ее слегка хриловатый голос, рассказывающий историю любви молодого ученого Абеляра, преподававшего умнице Элоизе не только латынь, но и любовные уроки.

- Уж не знаю, чья история печальнее, - заметил Андрей. – Ромео умер от яда, Абеляра оскотил оскорблённый дядюшка. Вы как думаете?

- Не каждый из мужчин сможет прожить без столь необходимого органа, - заметила я, покраснев от собственной шутки.

Андрей совершенно серьезно посмотрел на меня.

- Я все же предпочел бы жизнь. Уж очень я ее люблю.

- Даже без органа? – зачем-то уточнила я.

Андрей кивнул и рассмеялся.

А я, вдруг почувствовав себя легко и свободно, как давно не чувствовала, заметила:

- Мне всегда казалось, что дядюшка не рассчитывал на приданое Элоизы, как это везде написано, а был в нее влюблен.

Андрей с приторной задумчивостью почесал макушку.

- А знаете, Элоиза, мне кажется, вы правы. Но тогда история приобретает иной смысл. И это обязательно нужно внести в путеводитель. А то несправедливо выходит: останки влюбленных соединили, влюбленные пары совершают паломничества на их могилы, а настоящая история известна только вам.

- Хорошо, когда я вернусь в Париж, обещаю вам это исправить.
- Договорились, Лиза. Ведь вы же позволите мне так вас называть?

Лизой называла меня только мама. И его слова были словно приветом от неё. И эта история тоже. Мамоchка моя говорила, что я обязательно должна тоже прийти на могилы Элоизы и Абеляра с тем, кого по-настоящему люблю. Да вот только как-то до сих пор не сложилась наша встреча.

- Называйте, если вам так больше нравится, - ответила я, заходя в калитку и останавливаясь возле клумбы с лиловыми ирисами.

Андрей принял позу экскурсовода.

- Прежде чем мы войдём, мне бы хотелось вам историю дома.

Боюсь, что историю я могла бы рассказать лучше него, но мне не хотелось обижать нового знакомого. Он начал с того, что в самом конце девятнадцатого века мой заказал знаменитому в то время архитектору построить этот дом. Какое-то время он жил здесь со своей женой. Потом произошла революция, родные мои эмигрировали во Францию

- Вы меня слушаете?

- Да, просто засмотрелась на вас, - вдруг сорвалось с моих губ, прежде чем успела сообразить. «Вот дура, - обругала я себя. Теперь этот симпатичный парень подумает, что я положила на него глаз». - Мне, кажется, вы похожи на Есенина, - сказала я очередную банальную фразу, за которую мысленно себя растерзала.

- Несколько раз слышал об этом. - Он улыбнулся. - Умолкаю, чтобы вас больше не утомлять. Я просто знаете, очень люблю этот дом. Сейчас решается его судьба. И, может быть, через пару лет здесь будет банк или что-нибудь ещё, и он не будет доступен для посещения. Так что вам повезло, что вы можете сюда попасть.

И снова в моём мозгу не произошло никаких ассоциаций. Я должна была догадаться, кто он. Если бы я отказалась войти в музей, позже мы бы встретились у адвоката, и всё было бы иначе. Но судьба исправил ошибку отца, воспитавшего меня материальной потребительницей, она пересекла наши дороги с Андреем и сказала: «Смотри, а ведь можно жить иначе. Можно плевать на деньги, любить жизнь и быть счастливым. Смотри: где ты и где он. Он – человек, а ты бездушное животное, покорно идущее на дорогом поводе своего отца».

Мы зашли в дом. В маленькой комнатке, вероятно, это считалось вотчиной сторожа, был накрыт стол. Нарезка колбасы, солёные огурчики, чёрный хлеб. Типично русская закуска. Ну и, конечно, бутылка водки. У прямоугольного стола, занимавшего больше половины помещения, сидел мужчина лет пятидесяти. Я сделала шаг назад больше от неожиданности, чем от страха.

- Не пугайтесь, - Андрей поймал меня за локоть. - Это и есть сторож музея. Александр Петрович.

Мужчина с поредевшими зачесанными назад волосами чуть приподнялся из-за стола и протянул мне руку. Я ответила на рукопожатие, отметив про себя, что мужчине подавать первым руку даме, неприлично.

- Это Лиза, - представил меня Андрей. - Она только сегодня приехала из Парижа. Я обещал показать ей музей, если ты не против.

Мужчина пожал плечами.

- Конечно, идите. - Он потянулся к бутылке. - Не желаете сначала выпить для храбрости? А то здесь призраки прошлого появляются.

- Не пугай девушку, дядя Саша. - Андрей взял меня за локоть. - Идёмте.

Он подтолкнул меня вперёд, и я, пройдя по коридору, попала в большую гостиную с арочными окнами. Посередине комнаты большой круглый стол, на котором стояла одна чашка. Того самого пролетарского писателя, которому и предложили пожить в этом доме. Кстати, этот дом ему не нравился, он даже никогда не поднимался на второй этаж. Всё это рассказывал мне Андрей.

Я огляделась, и у меня снова возникло это уже пугающее меня дежвю. Я совершенно точно была в этой гостиной. Только тогда здесь всё было по-другому. Интерьер полностью изменён. Я жадно оглядывала обстановку, пытаюсь найти что-то знакомое. Воспоминания витали где-то рядом.

Я прислонилась к стене и закрыла на секунду глаза. Услышала музыку и увидела себя в бальном платье. Мужчина с остроконечной бородкой уверенно вёл меня в туре вальса.

- Что с вами? Вам нехорошо?

- Нет, всё в порядке. Просто со мной что-то странное сегодня происходит. Идёмте дальше.

- Нет, подождите. Скажите, что вы почувствовали. Это важно.

Я посмотрела на Андрея. Его глаза так близко от меня и так участливы. Не так-то просто попробовать притвориться, что ничего не произошло.

- Просто дежавю. Такое бывает. - Я пожалала плечами. - Мне показалось, что я уже была в этом доме. Только тогда здесь была другая мебель. - Андрей не отрывал от меня глаз, никак не комментируя мои слова. - Не смотрите на меня так. Наверно, мне просто показалось.

Так, и не сказав ни слова, он вышел, а я снова стала рассматривать гостиную. Как же тогда здесь всё располагалось?

Андрей вернулся с листком бумаги и ручкой.

- Нарисуйте план дома.

- Но как я могу? Ведь вы мне его ещё не показывали.

- Но вы же были здесь. Садитесь сюда.

Он убрал верёвку, которая была натянута, чтобы любопытные посетители не трогали вещи писателя и не сидели на стульях и диванах.

Я покачала головой, хотя и усаживаясь за стол.

- Попробуйте, прошу вас. Возьмите ручку и рисуйте. Всё, что придёт в голову.

- Но зачем?

Он серьёзно посмотрел на меня.

- Потом объясню.

Я взяла ручку и начала рисовать план этой гостиной, из неё шла другая комната, там располагался камин. Я любила сидеть у него и смотреть на огонь. Здесь же, на первом этаже рабочий кабинет. По витой лестнице мы поднимались на второй этаж. Там ещё две комнаты. Моя рука дрожала, линии получались неровными. Так, кажется всё. Я отложила ручку. Нет, не всё. Здесь ещё что-то было. Я задумалась. Андрей стоял спиной ко мне и смотрел в окно. Другой мужчина когда-то тоже стоял ко мне спиной и смотрел в окно. Кажется, мы тогда поссорились, и я ушла, чтобы помолиться за нас. В этот момент я вспомнила, что было на третьем этаже. Молельная. Комната с куполообразным потолком, как в церкви.

Андрей повернулся ко мне.

- Ну что, получилось?

Я протянула ему листок. Он побледнел и некоторое время молча смотрел на план, потом поднял глаза на меня.

- Но это же точный план дома. А что это такое? – он ткнул пальцем в камин, который я нарисовала прямоугольником.

- Камин.

- Идёмте туда.

Я вскочила со стула и побежала за ним. Тот самый камин. Я не могла ошибиться.

- Это единственная вещь в доме, которая осталась от Петушинских, - глухо сказал Андрей, избегая смотреть мне в глаза. Мне показалось, что ему стало страшно. Я тоже дрожала.

- Как это могло случиться? Сначала церковь, потом этот дом? – я чувствовала, что мой голос звучал жалобно. - Вы хотели объяснить.

- Чуть позже.

Когда мы обошли всё, сомнения исчезли. Я знала этот дом. Но здесь не жила. Здесь жил какой-то человек, который был мне близок. Я приходила сюда в гости.

- Что скажете, Лиза?

- Давайте поднимемся в молельную.

- Ах, да. - Андрей покачал головой. – Я совсем забыл. Там теперь всё изменилось.

Мы поднялись по крутой лестнице, и Андрей открыл передо мной дверь.

- Заходите первой.

Я сделала два шага и остановилась. Все иконы исчезли. Вместо них на стендах развешаны портреты семьи Петушинских. Единственное место в музее, где упоминалось о прежних владельцах. Всё остальное посвящено писателю. Я подошла ближе. Одна фотография упала к моим ногам,

словно кто-то невидимый хотел напомнить о себе. Я так разволновалась, что даже не могла нагнуться, чтобы поднять её. Моё сердце выскакивало из груди.

- Что это такое? – пробормотал Андрей и нагнулся за портретом. – Почему он упал?

Я осмелилась посмотреть на фото. На меня смотрели ЕГО глаза, глаза мужчины, который снился мне по ночам. Сон был один и тот же. Он говорил "иди ко мне" и протягивал руки. Потом я просыпалась. Я думала, что он существует на самом деле, и всю жизнь подсознательно искала ЕГО. Наверно, поэтому и до сих пор не замужем. Как можно встретить мужчину, который уже умер? Только во сне.

- Смотрите, гвоздик отогнулся, - заметил Андрей. - Надо сходить за молотком. Подержите, - он протянул мне фото. - Это Степан, один из сыновей Петушинских. Единственный, кто не уехал во Францию.

Я не могла оторвать глаз от портрета. Степан. Значит, этот тот самый изменник, имя которого старались не упоминать в нашей семье. Мой дядя, посвятивший свою жизнь революции. Я вглядывалась в портрет.

- Схожу за молотком, - сказал мне Андрей.

Оставшись одна, я снова подошла к стенду и стала рассматривать другие фотографии. Здесь оказался портрет моего прадеда и моего деда с первой женой. Я с трепетом вглядывалась в лица, больше знакомые мне по фотографиям в семейном альбоме. Мой дед Фёдор умер, когда моему отцу было всего десять лет, поэтому я его не знала. В моей жизни так сложилось, что я вообще была лишена бабушек и дедушек. Мой отец не любил, когда мама ездила в Москву к своим родным и, в конце концов, она смирилась. Смирилась и через несколько лет ушла из жизни, потому что не видела в ней больше смысла.

Мой взгляд снова упал на портрет Степана, и у меня появилась мысль, что я его знаю не только по моим снам. Я видела разрозненные картины, суть которых никак не могла уловить. Я опустила на стул и закрыла глаза. Нужно всё вспомнить. Воспоминания мелькали слишком быстро. Андрей остановился на пороге. Наверно, я выглядела странно, потому что он снова спросил:

- Вы в порядке?

- Да, вполне.

- Хорошо, давайте мне портрет, я повешу его на место.

Мне бы хотелось оставить его у себя, чтобы попытаться вспомнить это проклятое прошлое, вторгнувшееся в мою такую спокойную и размеренную жизнь. Идея возникла, пока я наблюдала за широкой спиной Андрея, возящегося у стенда.

- Можно я сфотографирую портрет? – спросила я, когда фото Степана висело на месте.

- Конечно, - Андрей улыбнулся. – Нет, подождите. Насколько я помню, фотосъёмка стоит сто рублей.

- Да, пожалуйста.

Я полезла за кошельком. Подумаешь сто рублей? Да я бы и сто долларов заплатила.

- Шутка. Я просто хотел немного отвлечь вас. Вы выглядите очень серьёзной.

- Глупая шутка. - Я всё ещё держала в одной руке фотоаппарат, а в другой сторублёвую купюру.

Андрей зажёл ещё одну лампу.

- Уберите деньги и фотографируйте.

Я бросила сто рублей обратно в сумку. Остряк. Знал бы он, что я чувствую. Какое отношение могла иметь я, родная дочь моего отца, к этому человеку, которого вся наша семья клеймила, как предателя?

- Давайте уйдём отсюда. Этот дом водит меня с ума.

- Не вас одну. - Андрей взял меня за руку. – Если вы когда-нибудь надумаете поделиться своими мыслями, пусть они даже будут казаться вам бредовыми, я вас выслушаю.

Его тёплая ладонь согревала мою. Мне вообще хотелось, чтобы он меня обнял. Обнял и увёл из этого прошлого. Андрей не был призраком, он был реальным человеком, человеком, которому можно рассказать всё. Он всё поймёт. Я видела его душу насквозь, и она была прекрасна. И всё же моё воспитание и природная замкнутость не позволяли откровенничать с незнакомыми людьми.

- Спасибо вам за экскурсию. Мне уже пора.

- Вы торопитесь?

На его лице появилось разочарование.

- На самом деле нет. Но вас там ждёт этот... сторож.

- У меня есть идея. Рюмка водки не повредит вам. Мы посидим с ним полчаса, а потом пойдём гулять или я провожу вас в гостиницу. Где вы остановились?

- В «Марко Поло», - с неохотой сказала я. - Мне не хотелось подчёркивать разницу в нашем материальном положении, я боялась испугать его. Но на Андрея это не произвело никакого впечатления. Позже я поняла: он не делал разницы между богатыми и бедными, если ему кто-то был интересен, он с ним общался. Мы же, чёртовы капиталисты, видим в человеке прежде всего банковский счёт. Сколько ты зарабатываешь? Какой у тебя дом и в каком округе он расположен? В какую школу ходят твои дети?

- «Марко Поло» рядом. У нас ещё будет время пройтись по бульварам и сходить на старый Арбат? Хотите?

- Да.

Мы вернулись в помещение сторожа. К счастью, оно не будило во мне никаких воспоминаний. Пахло колбасой и водкой. Уже изрядно захмелевший Александр Петрович шумно обрадовался нашему появлению.

- Ну, наконец-то. А то я уже было подумал, что вас там этот призрак съел.

- Ну, что ты болтаешь, дядя Саша. Сколько раз я тебе говорил, что никаких призраков здесь нет.

Я вспомнила про упавшую к моим ногам фотографию.

- А вы, мадам, не заметили ничего особенного? - как бы случайно спросил сторож.

- Мне показалось, что я уже здесь была.

- Вы были когда-нибудь в Москве?

В том то и дело, что никогда.

- Александр Петрович удовлетворённо крикнул.

- Вот, видишь, Андрей. Я тебе говорю, в этом доме что-то нечисто.

- Это у тебя от водки, дядя Саша. Ты напиваешься каждое дежурство.

- Ну, не каждое. Просто мне здесь не по себе. Если бы эта работёнка не была так близко к дому, я бы отсюда уволился.

- Ну перестаньте же. Вы Лизу напугали. Давайте лучше выпьем. - Андрей налил всем водки. Мне показалось, что ему не понравилось, что дядя Саша заговорил на эту тему.

- За вас, Лиза. Чтобы ваш приезд в Москву стал незабываемым. Это лучший город во всём мире.

Его тост отвлёк меня. Лучший во всём мире? Слышал бы его мой отец.

Я проглотила водку залпом и задумчиво жевала бутерброд, думая о словах Андрея.

- А почему вы считаете, что этот город лучший? - наконец, решилась спросить я.

- Потому что Андрей у нас блаженный, - ответил за него Александр Петрович. - А на самом деле Москва после перестройки стала настоящей клоакой. Кто только сюда не приехал за бабками.

Андрей посмотрел на меня.

- Не верьте ему. Я покажу вам ту Москву, которую люблю. В центре с каждым домом связана какая-нибудь история.

- Уничтожают твои дома, - бурчал Андрей Петрович. - Строят новые. Хотят денег заработать. Строить на чистом месте выгоднее, чем реконструировать. А то, что детям ничего не останется, никого не волнует. Я вот слышал: в Италии дома не красят современными красками, потому что не хотят разрушать облик вечного города. А у нас всё, что угодно. Везде строительство, как будто после военной разрухи поднимаемся. Все только и думают о деньгах. Только ты у нас такой чудной, что ничего не замечаешь.

- Пусть я чудной, но я счастлив в этом городе и никогда не променяю его ни на какой другой. Я здесь родился и здесь умру. - Он дотронулся до моей руки. - Идёмте, Лиза. Нас ждёт чудесная прогулка. Вы полюбите Москву, я вам это обещаю.

История начинается отсюда. Я решила найти убийцу. И мне нужно найти порядок, то есть последовательность, определить мотивацию и прочее. Но кто я, чтобы заняться этим? Я женщина,

которая его любила. А любовь дает права на все. Кстати, я ни разу не сказала Андрею, что люблю его. Жутко боялась, что узнав об этом, он воспользуется этим и бросит меня.

ГЛАВА 2

Звонок телефона оборвал мои воспоминания. Отец сказал, что зайдет через десять минут, чтобы пойти на завтрак. Я умылась холодной водой и причесалась. Из зеркала на меня смотрело чужое постаревшее лицо с притаившейся в глазах болью. Приводить себя в порядок было некогда. Открыла дверь отцу, посторонилась.

- Что с тобой? – на суровом неприветливом лице отца не было ни тени сочувствия.

Молча прошли в комнату. Я опустилась в кресло. В горле ком, во рту привкус крови не могу ни слова сказать.

- Да что с тобой, наконец?

Прочистила горло, вздохнула.

- Произошло несчастье, кто-то убил Андрея.

- Откуда узнала?

- Не важно, - я почувствовала, что по щекам всё-таки потекли слёзы. Неужели в своей ненависти отец зашёл так далеко, что ему не жаль единственного внука?

- Ну что ж, - Роман Фёдорович сцепил пальцы, - не могу сказать, что я огорчен так же, как и ты. Видимо, этот мерзавец ещё кому-то перешёл дорогу, но надо констатировать факт, что его смерть значительно всё упрощает. Я думаю, что самое лучшее для нас сейчас уехать. В Париже им будет трудно нас достать.

Я с болью посмотрела на отца: он выглядел собранным и деловым, словно во время заседания.

- А ты не считаешь, что мы обязаны помочь следствию? В конце концов, Андрей был твоим единственным внуком. Других у тебя не будет.

Губы отца сжались в тонкую полоску.

- О чём ты говоришь?! У моего брата не было родных детей. Уж не знаю, что тебе натрепал этот ублюдок и почему ты ему поверила?

Я снова всхлипнула и отвернулась. Отец протянул мне чистый носовой платок.

- Да что с тобой, Элоиза? Не знаю, что ты там себе навдумывала, но уверяю тебя: он интересовался тобой только из-за денег. И не будь так глупа, приводи себя в порядок и собирайся. Я иду к себе заказывать билеты.

Голос отца доносился издали. О чём он? Почему не оставит меня в покое? У меня нет сил разговаривать. Мне кажется, что с момента, когда я слышала, что Андрей мёртв, жизнь остановилась.

Настойчивый голос отца пробился через заторможенное сознание, и смысл, наконец, дошёл до меня. Вернуться домой. Зачем? Чтобы снова стать послушной игрушкой в его руках, выполнять бесчисленное количество поручений, организовывать званые обеды и следить принимает ли он прописанное врачом лекарство?

Не выйдет. Я стала другой за это время. Совершенно не преследуя такой цели, Андрей научил меня жить. К тому же я должна найти убийцу. Кому, вообще, понадобилось его убивать? У него не было врагов.

- Я не вернусь домой, отец, - тихо, но уверенно говорю я.

- Что, значит, ты не вернёшься домой?

- То и значит, - я смело встретила его стальной взгляд, перед которым с детства трепетала. Надо же, перестала бояться. Хватило двух месяцев, чтобы избавиться от его влияния. – Я хочу остаться в Москве.

- А как же твоя работа? Твои друзья? Я не смогу обходиться без тебя. Ты не можешь так поступить!

Я усмехнулась.

- Это твоя работа, я всего лишь выполняла функции твоего личного помощника. Ты всегда говорил, что я хороший исполнитель, но не имею своих мозгов. Исполнителей сколько угодно.

Легко найдёшь замену. А на счёт друзей? Это твои друзья, с которыми я вынуждена общаться, ну а тебе, - скользнула взглядом по его наглаженной рубашке, дорогим запонкам и часам, стоящим целое состояние и добавила то, о чём не могла бы сказать раньше, но часто думала, - тебе давно пора жениться. Я не могу всю жизнь ухаживать за тобой.

Мне показалось, что отец задохнётся от гнева. Во всяком случае, из его горла слышались булькающие звуки. Тема личной жизни находилась под запретом ни один десяток лет. После смерти матери, мы жили вдвоём, и, насколько я знаю, у него не было увлечений, несмотря на то, что многие женщины пытались понравиться ему. Но он казался холодным, как льдина, о которую разбивались даже самые красивые и уверенные в себе. Было бы забавно взглянуть на женщину, которой увлёкся бы мой отец.

- Что ты себе позволяешь?! – наконец, выкрикнул он.

- Почему за тридцать лет, которые мы прожили вдвоём, у тебя не появилось желания создать новую семью? Я бы хотела, чтобы кто-нибудь научил тебя улыбаться.

- Ты же знаешь, что я не выношу...- уголок его рта задёргался, и мне стало его жаль. В конце концов, у меня никого нет, кроме этого пожилого мужчины, который по-своему любит меня.

- Знаю, извини, - я дотронулась до его руки, но он поспешно отдернул её. В наших отношениях не было места прикосновениям. Он никогда не целовал меня. И раньше мне бы не пришло в голову взять его за руку. Просто Андрей сумел растопить мою ледяную холодность. Общаясь с ним, я изменилась и сейчас, глядя на отца, ужаснулась, что была точной копией своего родителя. Совершенно правильно, что у меня нет детей. Таким, как я и мой отец, лучше не оставлять потомства. Несмотря на наше фамильное богатство и прекрасное образование, мы всего лишь душевные уродцы, не любящие никого и ничего, в том числе и себя. Пройдёт ни один десяток лет, пока я научусь любить людей. А мне уже сорок, возраст, больше подходящий для воспитания внуков, чем для вынашивания отпрысков.

- И что ты будешь делать в Москве? – презрительно-насмешливый голос отца отвлек меня от грустной философии.

- Не знаю. - Я не успела подумать, чем буду заниматься. Смешно сказать, но, несмотря на работу в компании отца я, кажется, ничего не умею.

- Ты так себя так ведёшь, потому что считаешь, что у тебя есть деньги. А если, я скажу, что лишу тебя наследства? - в голосе отца зазвучали металлические нотки. – Ты же знаешь, что у тебя нет своих счетов. Всегда боялся, что какой-нибудь олух воспользуется твоей доверчивостью и охмурит тебя.

Сейчас он затронул тему, которую не выносила я. В свои сорок лет ни разу не была замужем, да и уж, наверно, и не выйду. Слишком поздно, чтобы приноровиться к другому человеку. К тому же вряд ли судьба ещё порадует меня встречей с кем-то подобным Андрею.

- Ну, как видишь, олуха не нашлось, - как можно спокойнее сказала я.

- Но у тебя нет своих денег, Элоиза. Не думай, что если ты решишь остаться в Москве и бросить меня, я буду содержать тебя. Сама, значит, сама.

Я рассмеялась, хотя, наверно, мой смех прозвучал сродни рыданию. Кажется, к сорока годам женщине положено реализовать себя на работе, иметь взрослых детей и солидного мужа. Конечно, что-то может отсутствовать, но чтобы, как я, не иметь абсолютно ничего? Даже денег, в наличии которых мне бы и в голову не пришло когда-либо сомневаться. Какая же я дура, что позволяла отцу контролировать мою жизнь.

- Не понимаю причины твоего смеха?

Я встала с кресла. Откуда-то у меня появились силы, и я твёрдо решила, что останусь здесь и найду убийцу Андрея.

- Мне, кажется, нам уже не о чем разговаривать, отец. Ты уезжаешь, я остаюсь.

- Какая же ты идиотка! Впрочем, счастливо оставаться.

Отец вышел из комнаты с прямой спиной, не удостоив меня даже взглядом, словно я была одним из его партнёров, с которыми он безжалостно расставался, стоило им совершить какой-нибудь промах.

Наскоро одевшись, я свернула в ближайший переулок, еле сдерживаясь, чтобы не побежать бегом. Впервые осмелилась послушаться своего родителя, впервые сделала свой выбор. Вы можете смеяться. Кто-то умеет поступать по-своему с малолетства, а кто-то проживает лучшие годы под гнётом отца. Ну что ж?! Говорят, что в сорок лет жизнь только начинается. И некоторое время назад я могла бы с этим согласиться, но сейчас, когда Андрея нет, все кажется бессмысленным и пустым.

Андрей! До сих пор не верится, что это могло произойти с тобой. С тобой, так любящим жизнь, как дай бог каждому. Как правило, люди редко довольны. Мы всегда хотим большего: больше денег, больше любви, больше развлечений. Нам не приходит в голову, что счастье вовсе не в этом. Мы не умеем получать удовольствие от начала нового дня, не обращать внимания на погоду или на то, есть ли с тобой рядом кто-то, разделяющий твоё одиночество. Это не главное. Наступило утро - и ты живёшь. Слишком просто, чтобы говорить об этом, и слишком сложно, чтобы однажды проснуться и почувствовать себя счастливым, несмотря ни на что.

Мысль, что я когда-нибудь останусь без денег, никогда не приходила мне в голову. Моя семья, ещё с позапрошлого века считалась состоятельной. Когда в России произошла революция, дед успел переправить свои капиталы во Францию. Мама мечтала вернуться в Москву. Отец, считая себя французом, потому что родился в Париже, ненавидел Россию всем своим сердцем, и для этого была особая причина. Причина, из-за которой в нашей, известной своим первым в России банкирским домом, в семье Петушинских произошёл раскол.

Я огляделась. Куда же я иду, не разбирая дороги? Меня не покидало ощущение, что я должна что-то сделать. Высветившаяся передо мной вывеска «Райффайзен банк» направила мои мысли в нужное русло. Деньги. Я должна снять оставшиеся деньги с кредитной карточки, пока её не заблокировал мой отец. Нисколько не сомневалась, что он сделает это в надежде на то, что я вернусь исполнять его поручения, как побитая собачонка.

Я не вернусь. Если не ошибаюсь, на моём счету должна оказаться солидная сумма, которую отец перечислил на расходы адвокату. А деньги сейчас мне очень пригодятся, чтобы прожить в Москве, пока я буду проводить собственное расследование.

Я подошла к окошку и протянула кредитную карточку симпатичной девушке.

- Я бы хотела снять некоторую сумму.

- На входе есть банкомат, - равнодушно заметила она, ткнув куда-то за окно длинным ногтем, покрытым красным лаком.

- Мне бы не хотелось делать это на улице, - тихо сказала я.

Она с неудовольствием посмотрела на меня и взяла карточку.

- Какую сумму вы желаете снять?

- Всю, - выдохнула я, мысленно подгоняя её. Мой отец мог в любой момент заблокировать счет.

После некоторых манипуляций с картой на её кукольном, накрашенном личике отразилось нечто, похожее на уважение, впрочем, быстро сменившееся завистью. Она внимательно посмотрела на меня, что-то прикидывая.

- В нашем банке нет столько наличности. Нужно заказывать заранее.

- Хорошо, тогда откройте новый счёт на моё имя и перегоните туда деньги. Это вы можете сделать? И побыстрее, я тороплюсь.

- Да, сейчас.

У неё на столе зазвонил телефон, и она с кем-то долго разговаривала, а я чувствовала, что начинаю терять терпение.

И всё-таки бог оказался на моей стороне, и мы успели перевести деньги на мой новый счёт. Я выбросила карточку в урну и испытала тайное злорадство, что в этот самый момент отец получил сообщение о том, что с моей, а точнее с его карты, перечислены все деньги.

Я вышла на улицу и вновь бесцельно побрела по улице, пока не оказалась на Патриарших прудах. Боль от утраты вновь захватила меня. Больше никогда мы с Андреем не придём сюда и не посидим здесь на скамейке.

Я вытерла скатившуюся по щеке слезу. Куда же мне пойти? В отель возвращаться не хотелось. Мой взгляд упал на открытое кафе рядом с рестораном. Спустилась по ступенькам к самому пруду, села за столик и заказала пиво. Официант принёс запотевший бокал. Было ещё слишком рано для посетителей, я сидела совершенно одна и думала, что делать дальше. А потом мои мысли вернулись к тому дню, когда отец отправил меня в Москву.

Когда Роман Фёдорович вошёл в кабинет, где я работала, мой взгляд метнулся на часы, висевшие на стене. Неужели уже пришло время ланча? Только я могла сварить ему тот кофе, который ему нравился. Ещё одна почётная обязанность, которую навесил на меня отец, несмотря на то, что это могла сделать секретарша.

- Будешь кофе?- я привычно метнулась к кофеварке.

- Сядь. - Он махнул рукой. - Нужно поговорить.

- Да? - Я послушно опустила на стул, быстро перебирая в уме те просчёты в работе, которые могла допустить. Неужели это из-за нашего нового клиента, с которым была недостаточно внимательна? Или я не успела проверить оплату счетов?

- Элоиза, ты едешь в Москву.

- В Москву? - как попугай повторила я, потому что много лет мечтала об этом, но каждый раз у отца находилась веская причина, чтобы меня не отпустить. Я читала всё, что могла достать о России. Эта странная огромная страна будоражила моё воображение. Возможно, в этом виновата моя мать с её рассказами. Моя бедная мамочка, которая так и не смогла прижиться в чопорном Париже. Слишком часто я заставляла её за рассматриванием старых фотографий, слишком часто ей снились сны, после которых она плакала. Конечно, она задыхалась с моим деспотичным отцом, который всю жизнь считал, что благодетельствовал её. Всю жизнь, до тех пор, пока не нашёл её мёртвой в их супружеской кровати. Она выпила упаковку снотворного.

Думаю, отец чувствовал себя виноватым. После её смерти он совсем замкнулся и стал обращаться со мной ещё строже, чем раньше.

Роман Фёдорович сел напротив меня и нетерпеливо застучал пальцами по столу, это означало, что он волновался.

- Конечно, было бы лучше поехать мне, - наконец, начал он. - Но ты знаешь, сколько у меня переговоров. Надеюсь, ты справишься. Имей в виду, это дело чести нашей семьи. Сейчас, когда Борис умер, надо заявить о своих правах на наследство. Иначе это сделает его гадёныш, которого он усыновил.

- Зачем ты так, отец? - удивилась я.

- Надеюсь, ты помнишь, что мой братец Степан опозорил нашу семью и примкнул к революционерам? Он, видите ли, считал, что иметь капитал неприлично, верил в эти бредовые идеи марксизма-ленинизма о братстве-равенстве. В общем, эта история глубоко ранила моего отца. Я уже не говорю о его матери, которая не смогла пережить такого предательства. Я хорошо помнила эту давнюю историю, хотя в моей семье о ней говорили редко. Но уж если вспоминали, то каждый раз с ненавистью, несмотря на прошедшие годы.

- Неужели вы так и не встречались с братом? - осмелилась спросить я.

- С кем? С этим подонком? О чём ты, Элоиза? Я ненавижу эту страну за то, что она сделала с нашей семьёй.

Я вздохнула, думая о том, что наша семья, несмотря на революцию, осталась богата.

- Ладно, объясняю суть дела. Борис, уж не знаю какими путями, смог оформить на себя особняк, который строил ещё твой дед Фёдор для своей семьи. Как только в России случилась перестройка, я всеми путями пытался вернуть наш дом. Мои люди работали над этим вопросом. И вот однажды мне сообщили, что особняк выкуплен какой-то фирмой. Я продолжил расследование и обнаружил, что учредителем этой фирмы является Борис. Ты можешь представить себе весь цинизм положения?

- Может быть, Степан пожалел, что связался с революционерами и поссорился с семьёй?

- Не выдумывай! - оборвал меня отец. - Ты просто начиталась книг. Стёпка был ещё щенком, когда всё это произошло. Он и понимать ничего не мог в то время. Да и с годами не поумнел. Но это

не важно. Наша задача вернуть семейный дом. Они там музей какого-то писателя, кстати, тоже революционера, устроили. В нашем-то доме?!

Тогда нас прервали. Отец ушёл на переговоры, а я стала готовиться к отъезду.

ГЛАВА 3

После изумительной прогулки по ночной Москве, Андрей привёл меня к отелю «Марко Поло». Мне не хотелось уходить, несмотря на усталость. Казалось, никогда в жизни я не была так счастлива. Мне понравилась Москва, и, к своему ужасу, я осознала, что за несколько часов успела влюбиться в Андрея. И это было так не похоже на меня и так опрометчиво, что я чувствовала, я даже не могла бы описать, что чувствовала.

- До свидания, Лиза, - его мягкий голос обволакивал и успокаивал. - Надеюсь, мы ещё встретимся. Что ты делаешь завтра?

- Завтра, - повторила я, словно старалась что-то припомнить, хотя на самом деле просто пыталась скрыть радость: ведь я понравилась ему, если он хочет со мной встретиться. – Завтра у меня деловая встреча днём, а потом свободна.

- Ты здесь в командировке?

Весь вечер у меня чесался язык, рассказать Андрею какое отношение я имею к особняку Петушинских. Я вздохнула. Дольше скрывать не имело смысла.

- Мне нужно кое в чём признаться. Дело в том, что Фёдор Петушинский мой дедушка, - начала я. - По лицу Андрея сразу пробежала тень, он выпустил мою руку и отшатнулся, словно он получил пощёчину.

- О Господи, я должен был догадаться: Элоиза, Париж. Какой же я дурак. А я ведь подумал, что вы и на самом деле заинтересовались музеем. - Андрей снова перешёл на «вы», словно и не было вечера, проведённого вместе. – Так, неужели всё это было игрой? Зачем вы это сделали?

Я молчала: тоненькая ниточка симпатии между нами порвалась, и после моего признания новый знакомый видел во мне только врага, который хотел лишить его наследства.

- Но это же вы пригласили меня осмотреть дом. Знаете, мне даже не пришло в голову, что вы и есть тот самый человек, который ... - я замялась. - Я даже имени вашего не знала.

- Неужели? – Андрей прищурился. – Вы не знали моего имени?! Ваш отец никогда не упоминал его в разговоре.

- Нет.

- Не врите.

- Я не вру.

На самом деле мой отец называл его обычно «подонок» или «урод».

Андрей покачал головой. Он избегал смотреть мне в глаза, вид у него был, как у обиженного ребёнка, - он хотел сделать приятное, а его обманули, но я ни в коей мере не хотела его обидеть. Но нужные слова не шли у меня с языка. Я, в общем-то, чёрствый человек, жалеть не умею. Извиняюсь с трудом, - отец внушил мысль, что мы особенные. Пауза затянулась, и когда я начала, было уже поздно.

- Поверьте, Андрей, я...

Он поднял голову и посмотрел мне прямо в глаза.

- Не надо, Элоиза. Я всё понял. Вы приняли меня за дурака. Ваша роль была сыграна мастерски. Хотя не знаю, зачем вы так старались. С вашими-то деньгами вы можете устанавливать собственные правила. Возможно, правда, что вам, как и многим богатым дамочкам стало скучно, и вы решили развлечься. Всего вам хорошего. Увидимся у адвоката.

Он повернулся и исчез в темноте, прежде чем я успела что-то сказать. Вздёрнув подбородок, я вошла в отель, стараясь не расплакаться. Ещё не хватало, чтобы кто-нибудь увидел слёзы «богатой дамочки».

Я проснулась от звонка. Женский любезный голос, сообщил, что меня ждут в вестибюле.

- Кто? – удивилась я.

Она прикрыла трубку и спросила:

- Как вас представить? Андрей?

- Скажите, что я сейчас спущусь, - бросила я в трубку и бегом побежала в ванную. Сборы заняли у меня всего пять минут. Так я боялась, что он уйдёт.

- Лиза!

- Андрей!

- Простите меня. Я не спал всю ночь. Я думал о вас, о нашем вечере. Я понял, что вы не смогли бы притворяться.

- Мы уже решили, что будем на «ты», - мягко сказала я, стараясь не смотреть на него слишком преданно и не улыбаться так глупо.

- Да, но тогда я не знал, кто вы.

- А мне показалось, что вы не делаете различий между людьми.

- Это так. Но ведь мы оказались врагами. А я меньше всего хотел бы этого. Зачем Роман Фёдорович послал вас?

- Вы жалеете, что встретились со мной?

Наверно, мой голос звучал так жалобно, что его лицо просветлело, а губы дрогнули в мальчишеской улыбке.

- Мы условились на «ты».

- Но я тогда не знала, что мы враги.

Андрей засмеялся, взял мою руку и поцеловал.

- А, знаешь что, Лиза, к чёрту всё это. Сегодня хороший день, светит солнце. Пойдём завтракать. Здесь рядом есть кафе, где варят чудесный кофе. А пирожные просто восхитительны.

В этом был весь Андрей. Он всегда старался решить проблему мирным путём.

- Конечно. Я только поднимусь за сумкой. Ты не исчезнешь так же внезапно, как появился?

Он покачал головой и уселся на диван.

Проходя мимо девушки за стойкой, я поймала её взгляд, устремлённый на Андрея, - она не сводила с него глаз. Девушка показалась мне хорошенькой и молодой, и я вдруг почувствовала себя старой. В номере перед зеркалом я рассматривала своё лицо и не находила в нём ни одной привлекательной черты. Ну, может, только глаза. Я вздохнула: и в молодости не была красавицей, а уж теперь-то и вовсе. Пригладила выбившийся из пучка завиток и поправила лацкан строго пиджака кремового цвета. Посмотрела ещё раз на своё отражение: пожалуй, единственный плюс в том, что с возрастом я не поправилась.

Конечно, когда я вышла, Андрей стоял у стойки, и девушка кокетничала с ним. Он улыбался и с интересом слушал её болтовню. Я подумала, что она уже сунула ему свой телефон. Они казались мне такими молодыми и беззаботно-счастливыми. Как бы хотела я отдать свои сорок лет скучной обеспеченной жизни и начать всё заново. Если бы кто-то знал, как я завидовала этой девчужке, которая с завистью бросила взгляд на моё дорогое кольцо, когда я отдавала ей ключ от номера. Эх, милая, если бы ты знала, как ценна молодость и свобода. И если бы ты лучше узнала мою жизнь, то перестала бы завидовать.

Мы допивали по второй чашке кофе, когда мне позвонил адвокат, с которым вел дела мой отец, и с которым я должна была встретиться в Москве и сообщил, что заболел. Он очень просил дождаться его выздоровления, потому что потратил столько времени на наше дело и точно знал, как его выиграть. Он говорил что-то ещё, но я его не слушала. Задержка давало мне время разобраться и сделать собственные выводы.

Я заверила адвоката, что мы обязательно его дождёмся. Возможно, мой отец будет искать кого-то другого, но за это время я смогу провести собственное расследование. Андрей оказался мне совсем не таким, как утверждал отец. Он совершенно не был похож на человека, который обманым путём решил завладеть чужой недвижимостью. И, вообще, во всей этой истории что-то не сходилось. К тому же я по-прежнему не понимала, зачем нам этот особняк в Москве, - семейный дом, в котором ни я, ни мой отец никогда не жили и жить не собирались, - у нас двоих итак слишком много недвижимости.

Я бросила телефон в сумку и посмотрела на Андрея, деликатно отвернувшегося к окну.

- Звонил Владимир Иванович, наш адвокат - начала я.

Андрей нахмурился.

- Во сколько встречаемся?

- Владимир Петрович сломал ногу, поэтому встреча откладывается.

- Мне жаль, но передышка нам кстати, правда? - Он коснулся моей руки. – Нам нужно узнать друг друга лучше.

Бог знает, что он вкладывал в эти слова, но моё глупое сердце уже забилося. Я отхлебнула кофе, чтобы он не заметил моего смущения.

- Лиза, я не хочу бороться с тобой. И, тем не менее, я не могу позволить твоему отцу выиграть это дело. Ведь если он получит этот дом, он продаст или сдаст в аренду какому-нибудь банку и здесь больше не будет музея.

Я знала, что Андрей прав, хотя мой отец терпеть не мог подобные заведения. Он всегда говорил, что только чудаки ходят смотреть на чужие носки, выставленные на всеобщее обозрение. И, вообще, какое дело в какой постели спал, например, Лев Толстой? Читайте его книги и не лезьте в личную жизнь.

- А если, предположить, что особняк достанется тебе, что ты с ним сделаешь?- спросила я, впиваясь глазами в лицо Андрея, чтобы не пропустить ни малейшей

- Оставлю всё как есть. Единственное, что хотелось бы оставить за собой право присматривать за особняком. Возможно, я нашёл бы спонсоров, здание давно не ремонтировалось.

- Ты хочешь оставить в нём музей?

- Конечно. Хочу, чтобы учителя по-прежнему приводили туда школьников. Я бы даже отменил входную плату. Кроме того, я бы поставил ещё несколько стендов, чтобы рассказать об истории дома, о семье Петушинских, о которой сейчас очень мало информации. Наверно, здесь мне бы потребовалась твоя помощь. Ну и, конечно, мне бы очень хотелось рассказать историю Степана.

- В нашей семье Степана, твоего деда, считали предателем и старались о нём не говорить. Хотя я уверена, что он верил в то, что делал, если решился пойти против своей семьи, к которой был привязан.

- Степан жил этим, - грустно подтвердил Андрей, - он не сомневался, что революция изменит мир и до конца дней сожалел, что так и не смог найти способ попросить прощения у родных. После перестройки дед понял, что ошибся в революции, мы вернулись к капитализму, с которым он боролся. Он говорил об этом чуть ли не со слезами, считал, что ему была отпущена такая длинная жизнь, чтобы он испил свою чашу страданий до дна. Когда в девяностые годы оказалось, что можно чуть ли не за копейки приобретать недвижимость, отец смог оформить, чтобы особняк числился за его фирмой, а потом и вовсе переоформил право собственности на себя.

Я молча слушала его, думая о Степане. Откуда же у меня всё-таки это чувство, что я его знала.

- Андрей, а Степан когда-нибудь приезжал в Париж?

- Конечно, нет. До перестройки у нас был «железный занавес».

- Но некоторые же ездили, например, в командировки?

- Его бы никогда не выпустили, потому что у него были родственники за границей. В тридцатые годы он всё время боялся, что за ним придут, но всё обошлось.

Я верила каждому слову Андрея, - не был Степан ни подонком, ни предателем. Жаль, что его постигло такое разочарование в деле, ради которого он стольким пожертвовал.

Андрей отвлёкся на звонок мобильного телефона, а я вновь вспомнила то странное ощущение, которое испытала в музее: расположение комнат, которое я без труда нарисовала, потому что знала, фотографию Степана, упавшая мне под ноги. Вечером я долго вглядывалась в его лицо, напрягая память, но, видимо, обстановка в номере гостиницы мало способствовала этому. Возможно, что-то я смогу понять, если ещё раз приду туда. От одной мысли об этом я почувствовала, что, несмотря на тёплый день, покрываюсь мурашками. Андрей положил телефон в карман и пристально взглянул на меня:

- Что ты почувствовала вчера, когда мы вчера были в доме? Сейчас ты можешь об этом рассказать?

- Я уже тебе говорила – у меня возникло дежавю, - нервно улыбнулась я. – Мне показалось, что я очень часто бывала в этом доме, приходила к Степану. Когда я увидела его портрет, сразу поняла, что знаю его. Я уже начинаю думать, что потихонечку схожу с ума.

- Лиза, с тобой всё в порядке. Просто Степан, как бы это тебе сказать, он существует. – Чашка с остатками капучино выпала из моей руки и разбилась на полу. К нам быстро подскочила уборщица и начала вытирать коричневую лужицу.

- Существует?! – почти выкрикнула я, не обращая никакого внимания, что на посетители за соседним столиком поглядывают в нашу сторону. - Что ты имеешь в виду? Ты же сказал, что он умер.

- Я имею в виду его душу.

- Душу?

- Да, душу. - Андрей смотрел на меня с вызовом. – Его душа осталась там, в этом доме. И вполне возможно, поэтому и упала его фотография, когда ты вошла. Наверно, дед хотел показать тебе, что он здесь. Возможно, он ждёт тебя, чтобы объясниться. Ведь ты Петушинская.

Ждёт, чтобы объясниться? Да как такое может произойти? Я почувствовала, что мне не хватает воздуха и поднялась из-за стола.

- Мне нужно на воздух, – пробормотала я и, выскочив из кафе, почти бегом побежала в сторону гостиницы.

Андрей догнал меня уже на углу. Я хотела убежать от него, от себя, от всего того, что мучило меня и не давало покоя. Я привыкла жить обычной жизнью. Мой каждый день был похож на предыдущий: работа, дом, забота об отце. В Москве со мной начали происходить вещи, суть которых я не могла уловить и боялась в них разбираться.

- Лиза, я не хотел вас напугать, - когда Андрей волновался, он всегда переходил на «вы». – Я не должен был об этом говорить. Вы должны сами прийти к этому.

Я резко остановилась, и он чуть не налетел на меня.

- Прийти к чему?

- К тому, что Степан существует, и что вы с ним связаны. Ваш приезд не случаен. Я почти уверен, что дедуля хочет что-то сказать.

- Да что ты несёшь?

- Поверь мне, Лиза. Просто поверь.

Вид у Андрея был несчастный, но он не сдавался, хотел меня убедить.

- Послушайте, Андрей. Мне кажется, что мы не должны затрагивать эту тему. Если вы хотите, чтобы мы общались.

Внезапно я поняла, что именно сейчас была копией своего отца. Точно таким же холодным тоном, он запрещал мне говорить о матери. Именно поэтому я тоже стала обращаться к Андрею на «вы». Хотела поставить его на место.

Андрей с удивлением смотрел на меня.

- Знаете, Лиза, я никак не пойму: какая же вы настоящая. Впадаете из искренности в надменность так легко, словно в вас борются два человека. Будьте сама собой.

- Держите при себе ваши дурацкие советы! – холодно заметила я.

- Ладно. Я вам надоел?

Я сразу пришла в себя – он выглядел обиженным.

- Господи, конечно, нет, - на моих глазах выступили слёзы. Кажется, в этом городе я превращаюсь в истеричку. – Я просто не могу сейчас думать об этом. Я материалистка. Я тело. Я не верю, что душа существует. Есть только эта жизнь, а после – ничего. А ты вгоняешь меня в разлад с самой собой.

- Прости, - Андрей достал из кармана платок и протянул мне. А потом сделал именно то, что я хотела: он обнял меня. – Я не буду говорить об этом, пока ты сама не захочешь. Пойдём, посидим на скамейке на Патриках. Я люблю Пруды по утрам – в это время там почти никого не бывает.

Я уже не помнила, о чём мы разговаривали, когда сидели у самой воды, наблюдая за парочкой белых лебедей, окружённых свитой рыжих уток. Помню лишь, что спросила его, почему, если всё-таки дом достанется ему, он не будет его продавать.

Андрей улыбнулся.

- Меня не интересуют деньги.

- Не интересуют деньги? – удивилась я. - По его одежде я уже могла предсказать, что он далеко не богат.

- Ты хотя бы представляешь, сколько может стоить этот особняк в центре Москвы? Ты мог бы обеспечить себя и свою семью на всю жизнь.

- Зачем мне это? У меня нет семьи, а мне самому вполне хватает того, что я зарабатываю.

- Но ведь когда-нибудь ты захочешь иметь семью, детей. Ты нравишься женщинам. Я видела, как они на тебя смотрят. – От вылетевшего помимо моей воли комплимента пришлось прикусить язык. Веду себя так, словно имею на него какие-то права. Да что он может подумать?

- У меня была когда-то семья. Но моя жена не захотела жить в коммуналке.

- Это ерунда. С тобой можно жить где угодно.

Я сказала это так горячо, что Андрей недоверчиво покосился на меня, подумав, не издеваюсь ли я над ним.

- И всё-таки единственная женщина, которую я любил, не смогла. Она стала настаивать на размене, а я не мог это сделать из-за соседей.

- Они были против разъезда?

- Я не стал и никогда не стану их спрашивать, я считаю их своей семьёй. К тому же они уже старенькие и скоро за ними понадобится уход.

- То есть ты хочешь, чтобы потом после их смерти тебе досталась вся квартира? Ну что ж, это разумно.

Андрей посмотрел на меня с таким презрением, что я опять пожалела о своих словах.

- Да как ты могла такое подумать?! Я же сказал, что они моя семья.

- Прости. Ты связался не с тем человеком, я слишком эгоистична.

Он взял в ладони моё лицо и долго смотрел на него. В этом жесте не было ничего сексуального. Скорее он хотел заглянуть внутрь меня. Понять меня. Понять, почему я стала такой.

- Ты хорошая, - сказал он, наконец, отпуская меня. - Просто не знаешь себя. И, извини меня, прожить всю жизнь с таким чудовищем, как твой отец и не перенять что-то у него, невозможно.

Я хотела бы обидеться на его слова, но не могла: знала, что он прав. Именно поэтому и ушла из жизни моя мать. Она не смогла найти в себе сил, чтобы жить. Даже ради меня. И я её не обвиняю.

- И всё же, Андрей, неужели ты не смог найти какой-нибудь компромисс с женой? Объяснил бы ей, как тебе дороги эти люди.

Андрей грустно улыбнулся.

- Ты разве не знаешь, что теперь творится с женщинами? То, что происходит сейчас совершенно неправильно. Женщины потеряли самое ценное, что у них было.

- И что это?

- Желание быть матерью.

- Мне кажется, ты преувеличиваешь.

- Нисколько. Как правило, каждая хочет выгодно выйти замуж, проводить время в салонах красоты, тусоваться среди себе подобных и путешествовать. Речь о детях даже не встаёт. А если они и рожают детей, то нанимают гувернанток и нянь. Современным женщинам некогда воспитывать детей: у них фитнес, массаж и прочая ерунда. Ах да, совсем забыл, некоторая из них часть пытается каким-то образом сделать карьеру, а точнее научиться зарабатывать денег.

- Но что в этом плохого?

- А что хорошего? Женщины обрастают вещами, квартирами, дачами, драгоценностями и сами становятся подобием вещи. От них нет тепла, они не могут его отдавать, внутри них пусто. Вот, Лиза, скажи, почему ты не родила ребёнка?

- Я... Не знаю. У меня не было мужа.

- Ну и что? Насколько, я знаю, у тебя нет финансовых проблем. Ты можешь позволить себе не работать. Во всяком случае какое-то время. Может, дело в том, что ты не хотела себя связывать?

Какое-то время я молчала, раздумывая над его словами. Действительно почему всю жизнь я принимала противозачаточные таблетки, опасаясь беременности, как огня?

- Знаешь, наверно, ты прав. Я не хотела детей.

Андрей горячо продолжил:

- Когда Люба забеременела, я просил её оставить ребёнка. К тому времени, мы уже оба поняли, что не сможем жить вместе. Я умолял её не совершать поступка, о котором она пожалеет. Я бы вырастил малыша и один. Она могла оставить за собой право появляться, когда захочет или

забыть о нашем существовании. Я готов был на всё. Но Люба сказала, что не хочет, чтобы нашего малыша воспитывал такой сумасшедший, как я. Мужчины в этом случае бесправны.

Он посмотрел на меня с такой грустью, что у меня заныло сердце. Я сжала его руку.

- Мне жаль.

- Ничего, - он отвернулся, вытащил сигарету из пачки. Молча курил, думая о прошлом. Казалось, он почти забыл о моём существовании, а я не находила слов, чтобы его утешить.

Я обрадовалась, когда у Андрея зазвонил мобильный, и он, разговаривая с кем-то, отвлёкся от своих мыслей.

После разговора он повернулся ко мне с улыбкой, его лицо вновь стало светлым и безмятежным:

- Есть хорошее предложение. Баба Настя, - у меня же бабушек не было, вот я её так и прозвал, - испекла блинов и приглашает нас позавтракать. Пойдём?

Я молча кивнула. Честно говоря, я сгорала от желания увидеть ту самую коммуналку, где он жил. Да и, вообще, была готова идти с Андреем куда угодно.

- Видишь, они тоже заботятся обо мне. Как я могу поднять вопрос о размене?

- А у тебя много соседей?

- Одного ты уже видела - сторож музея, дядя Саша, баба Настя его жена. У них нет своих детей, поэтому они и приняли меня, как родного с самого первого дня. Хотя, конечно, как рассказывал отец, я частенько не давал им спать по ночам – такой вот был беспокойный ребёнок.

ГЛАВА 4

Баба Настя оказалась приятной женщиной с круглым розовощёким лицом и дородным телом, придававшим ей солидность. Андрей нас познакомил, и они оба сразу начала хлопотать у стола, пока я, предоставленная самой себе, разглядывала обстановку: отмытая до блеска маленькая кухонька, на бежевых крашенных стенах дешёвые шкафчики для посуды, в углу старенький шумный холодильник. Развернуться негде, всё свободное место занимает квадратный стол, вокруг которого уютно расположен мягкий угловой диванчик, на который меня посадили.

Сначала баба Настя посматривала в мою сторону с опаской, пока Андрей не перехватил её взгляда и не пояснил.

- Баба Настя, не смотрите на Лизу, как на врага. Она вовсе не думает претендовать на меня. В тех кругах, где она вращается в Париже, совершенно другие мужчины. Я по сравнению с ними выгляжу похожим на конюха. - Он рассмеялся своей шутке.

Пожилая женщина вытерла руки об фартук и недовольно покачала головой, с любовью оглядывая Андрея.

- Говорила тебе, что надо другую рубашку одеть. А ты не стал ждать. Я бы погладила.

- Баба Настя, причём здесь рубашка? Какую ни надевай, всё равно рядом с Лизой, я нищий.

- Ты не нищий, а очень приличный жених. - Баба Настя посмотрела на мой кремовый костюм с неодобрением. – Может вам, полотенецко постелить, а то не ровен час, испортите. Костюмчик-то небось сотню баксов стоит.

Костюмчик стоил порядка трёх тысяч евро, но я не стала об этом говорить. На самом деле мне он не очень-то нравился, сама бы я его не купила. Моим имиджем занималась одна из папиных знакомых дизайнеров, в этой области отец был непреклонен. «Ты должна выглядеть сообразно своему статусу и положению», - твердил он и я, в конце концов, смирилась.

- Успокойся, баба Настя, лучше садись с нами, - услышала я спокойный голос Андрея. - А то ты всё суетишься. - Он посмотрел на меня с лёгкой извиняющей улыбкой.

Я вовсе не сердилась, наоборот, ругнула себя, что вырядилась.

Блины оказались замечательными и, оставив по примеру Андрея, нож и вилку, я ела их руками, сворачивая в трубочку и щедро поливая домашним клубничным вареньем.

Мы с Андреем о чём-то говорили, а Баба Настя, всё-таки расстелив полотенце на моих коленях, помалкивала, не сводя с меня выцветших голубых глаз. Думаю, что позже она потребует у Андрея объяснений, кто я такая и каким образом оказалась у них в гостях.

После выпитой третьей чашки крепко заваренного чая, Андрей поднялся.

- Спасибо, баба Настя. Всё было отлично, как всегда. Мы пойдём ко мне. Кстати, Варвара дома, мне надо ей кое-что сказать? - Баба Настя посмотрела на часы и вдруг всплеснула руками.

- Ах ты, батюшки, а ведь она меня просила её разбудить ещё час назад. А у меня с вашим приходом из головы-то и вылетело. Ну всё, теперь она на экзамен опоздает.

- Я сам её разбужу. - Андрей вышел в длинный коридор и постучал в закрытую дверь по левую сторону. Сама не знаю почему, я последовала за ним.

- Варя, можешь не вставать, экзамен ты проспала.

Через секунду в дверях появилась заспанная девушка с распущенными волосами в розовой пижамке. Тонкая бретелька съехала с округлого плеча, а короткие шортики открывали стройные загорелые ноги. Она протирала заспанные глаза, совершенно не стесняясь своего откровенного наряда.

- Андрей, не шути так. Сколько сейчас время?

- Достаточно много, чтобы выпить шампанского вместо экзамена.

Девушка, а к моему разочарованию, она была прехорошенькая, ткнула его кулачком в грудь.

- Какое шампанское?! Сегодня матан сдаём.

- Тогда поспеши, баба Настя время опять перепутала. Твой экзамен, наверно, уже закончился.

Девушка ойкнула и захлопнула дверь перед нашим носом.

- Варька - студентка МГУ, - зашептал мне Андрей. - Приехала из Воронежа. Поступила без всякого блата и репетиторов на математический факультет. Не голова, а компьютер, но как все математики, крайне не собрана. Зачем было просить разбудить бабу Настю, если можно поставить будильник на мобильном? - Он пожал плечами. - Я её не понимаю. И всё-равно ведь, несмотря на всю свою рассеянность, одни пятёрки получает.

Андрей остановился ещё перед одной закрытой дверью.

- Сюда заходить не будем - дядя Саша ещё спит после ночного дежурства. А вот и моя комната, - он распахнул дверь. - Милости прошу.

Я вошла и замерла посередине. Книжный шкаф занимал целую стену, у окна письменный, полированный стол, в нише приютился низенький диванчик с подушками. Представила, как Андрей спит, подложив руку под щеку, и покраснела. В воздухе ещё витал аромат его туалетной воды. Я жадно смотрела по сторонам, пытаюсь делать выводы: он аккуратен, любит читать. Прошла к окну: передо мной во всей красе предстала площадь Никитских ворот и та самая церковь, в которую я заходила. Вспомнила, как вчера неожиданно для себя, я опустилась на колени перед иконой Божьей матери и прочитала «Отче наш»: молитву, которую, до сих пор была убеждена в том, что не знаю наизусть. И там опять на меня нахлынуло это непонятное ощущение, что я здесь была. Я отшатнулась от окна.

- Что с тобой? Голова закружилась?

- Никак не могу понять, что со мной происходит в этом городе.

- Присядь. - Андрей подвел меня к дивану, сам примостился напротив на вращающемся кресле. - Ну, вот ты и увидела почти всю мою семью, - начал он после небольшой паузы. - Теперь ты понимаешь, почему я не смог поставить вопрос о размене?

- Да, понимаю. Баба Настя любит тебя.

- Как я уже говорил, она помогала отцу и деду меня растить. Моя мать умерла при родах, и отец воспитывал меня один с пелёнок. Трудно сказать, что было бы, если бы не помощь бабы Насти. Я рос болезненным ребёнком, часто простужался, не ходил в сад. Она сидела со мной.

- Расскажи мне о своей семье, - попросила я.

- О своей? - Андрей улыбнулся. - О нашей, Лиза. - Хотя ты, пожалуй, права, это не моя семья по крови. Когда родители познакомились, мать была уже беременна от другого. Она не хотела рассказывать отцу и собиралась сделать аборт, но он догадался и убедил её оставить ребёнка. Для него это не имело большого значения, в конце концов, это прошлая история, и он был готов принять меня, как родного сына. К тому же, они собирались иметь ещё детей, но роды оказались очень тяжёлые, и врачи не смогли её спасти. Моё рождение стоило жизни моей матери и счастья моего отца: он так больше и не женился. И поверь мне, я никогда не забываю об этом, - лицо Андрея стало мрачным и почему-то ещё более красивым.

- Ты не виноват. Такое случается, - выдавила я из себя.

- Знаю и тем не менее. Может быть, поэтому я так и люблю жизнь, потому что, если бы не благородство моего отца, я так бы и не увидел этот мир. Или вполне мог увидеть его в детском доме. Отец вовсе не обязан был посвящать свою жизнь чужому ребёнку.

- Странно, что он рассказал тебе об этом.

- Он рассказал мне об этом незадолго до смерти. Вероятно, предполагал, что когда возникнет вопрос о наследстве, его брат, твой отец, может докопаться до сути. Одна грамотно сделанная экспертиза и всё станет ясно.

- Но ведь по документам, он является твоим родным отцом.

- Да.

- Тогда в чём же дело?

- Адвокат, который занимается этим делом, разыскал каких-то общих знакомых, которые и подтвердили тот факт, что моя мать забеременела ещё до встречи с моим отцом.

- Закон одинаков и для родных детей и для усыновлённых.

- А ты думаешь, зачем твой отец нанял адвоката? Чтобы доказать, что мой покойный отец оказался подло обманутым моей матерью и прожил всю жизнь, не зная, что он воспитывает чужого ребёнка.

- Но он же всё знал и пошёл на это по доброй воле?

- Сейчас он уже не сможет ничего подтвердить. А им будет выгоднее доказать, что его одурачили. Во всяком случае, мне так адвокат рассказал.

- Но неужели мой отец будет вытаскивать всю эту историю на суде?

- Конечно, будет. Ты забываешь, что речь идёт об уникальном особняке, построенном одним из лучших архитекторов, и стоящем миллионы. В конце концов, это культурное наследие, которое не оставят в руках незаконнорожденного. Так что у меня нет голубой крови Петушинских, - усмехнулся Андрей. – И мы с тобой родственники только по бумагам, и соответственно, можем без осуждения вступать в любые отношения.

Я покраснела. Сама не знаю почему, но тоже обрадовалась. Мысль о том, что меня переполняет страстное желание обнять моего племянника, заставляла меня чувствовать себя старой развратницей. Итак, мы не кровные родственники, а просто мужчина и женщина. Осталась лишь маленькая разница в десяток лет.

- Почему ты рассказал мне об этом?

- Хотел, чтобы ты узнала обо всём от меня, а не от адвоката. Да и потом, когда я тебя увидел, почувствовал... - Андрей посмотрел мне в глаза. – Лиза, мне сложно говорить об этом, но ты... Если бы я знал, что ты правильно всё поймёшь...

Возникла неловкая пауза. Больше всего на свете мне хотелось, чтобы он пересел ко мне на диван и поцеловал меня. И так же ясно я понимала, что если он это сделает, я пропала. Мы молча смотрели друг на друга, не решаясь и не поощряя друг друга. Слишком многое стояло между нами, чтобы просто отдаться своему чувству. Стук в дверь стал для нас разочарованием и освобождением.

Хорошенькая Варька, одетая в футболку и брючки, сидящие на ней, как вторая кожа возникла на пороге комнаты. С фигуркой, надо признаться, ей очень повезло.

- Извините, я не помешала? Представляешь, Андрюш, экзамен перенесли. Староста позвонил, оказывается, препода заболел.

- Значит, хорошо, что ты выпалась. Заходи, что ты стоишь там?

Варька кинула на меня враждебный взгляд и не двинулась с места.

- Мне надо идти, - она помедлила, поправила пушистые распущенные волосы, стрельнула подкрашенными глазками в Андрея. - Ты будешь вечером дома?

- Пока не знаю. А что ты хотела?

- Просто так. Ладно, пока. - Она убежала, но один взгляд, брошенный на неё, вновь заставил меня почувствовать себя старой. Вот с кем надо встречаться Андрею. Девушка, вне всякого сомнения, влюблена в него.

Андрей прикрыл дверь и нерешительно повернулся ко мне. Я поспешно встала с дивана.

- Пожалуй, будет лучше, если я тоже пойду.

- Пойдём вместе. - Он посмотрел на часы. – Ох, я уже опаздываю на урок.

- На урок?

- Да, на урок. Я же не сказал тебе, что подрабатываю тем, что даю уроки. А точнее живу уроками.

- И что же ты преподаёшь?

- Алгебру, геометрию, физику. Готовлю к поступлению в институты.

- Тебе это нравится?

- Да, вполне. Это лучше, чем сидеть с утра до вечера в офисе. К тому же мне нравится видеть результаты своей работы. Мои ученики всегда поступают туда, куда хотят.

Мы вышли на Большую Никитскую.

- Чем займёшься? – спросил Андрей.

- Просто погуляю.

- Постарайся не очень устать. Вечером я хотел бы сводить тебя в одно местечко.

- Вечером тебя ждёт Варя, - напомнила я и чуть не прикусила себе язык.

- Мы с Варькой просто друзья.

- Меня это не касается, - холодно произнесла я.

- Почему-то мне так не показалось, - он улыбнулся. – Так я позвоню тебе?

- Позвони. - Я круто развернулась на каблуках и прошла несколько шагов, пока не заметила, что он идёт за мной.

- Лиза, мне тоже в эту сторону. - Его глаза смеялись, он понимал, что ужасно мне нравится, и что я злюсь на себя за это. – И ещё: у меня нет номера твоего телефона.

Мы дошли вместе до метро и обменялись мобильными телефонами. Некоторое время я стояла и смотрела ему вслед, пока он спускался в переход. Честно говоря, я не представляла, что делать без него до вечера.

ГЛАВА 5

В ожидании звонка я бродила по Москве, как потерянная. Мне нравился этот шумный бестолковый, но очень красивый город с его церквями в византийском стиле и старинными, чисто русскими особняками. Единственное, что мешало мне наслаждаться новым знакомством, так это неизвестно откуда взявшаяся моя любовь к этому симпатичному парню на добрый десяток лет моложе меня, которому предопределено было стать моим врагом.

Звонок мобильного прервал мои размышления. После нескольких мелодичных трелей и сомнений я всё же взяла трубку, зная по опыту, что отец не оставит меня в покое.

- Здравствуй, Элоиза.

- Здравствуй, отец.

- Как твои дела?

«Пытаюсь справиться с нахлынувшим на меня чувством», - подумала я, но нарочито бодрым голосом, отец терпеть не мог, когда я мямлила, сказала:

- Всё хорошо.

- Ты встретила с адвокатом?

- Он сломал ногу и лежит в больнице.

- Идиот. Именно в тот момент, когда нужно действовать, - раздражённо произнёс отец, судя по всему, не испытывая никакого сочувствия, к травме нанятого им работника. Впрочем, сочувствием отец никого не баловал. Считал, что во всех своих несчастьях люди сами виноваты. – Если у тебя нет дел, тогда чем ты там занимаешься?

«А вот это лучше тебе не знать», - усмехнулась я про себя.

- Осматриваю достопримечательности.

- А-а, - протянул отец. – Собственно говоря, там не на что смотреть, кроме кремля.

- А мне здесь нравится.

- Ты это.. Будь там осторожна. Знаешь, там, сколько всякого сброда шляется.

- Я не маленькая, чтобы меня предупреждали, - разозлилась я.

- Знаю, но слишком доверчивая. И вечно влипаешь в неприятности.

С этим я была готова согласиться. То, что со мной происходило, явно выходило за рамки здравого смысла. И всё же отцу можно было не тыкать меня носом. Кроме нескольких романов никаких неприятностей я ему не доставляла.

- Послушай, - вдруг решила я, - как получилось, что твой родной брат жил в Москве в коммунальной квартире?

- Как получилось? - Отец замаялся. - Слушай, а откуда ты об этом узнала?

- Не важно. Просто узнала и теперь интересуюсь фамильной историей семьи Петушинских.

- Я знаю, кто мог тебе об этом рассказать! Элоиза, это старая история. И я бы не хотел говорить об этом. Это не твоё дело. Держись подальше от этого подонка.

То, что он назвал Андрея подонком, больно резануло мне уши. Мне он казался одним из самых бескорыстных людей, которых я когда-либо встречала.

- Понять не могу, почему ты его всё время оскорбляешь. Ты же его никогда не видел!

- А зачем мне на него смотреть? - разозлился отец. - Достаточно того, что его отец был обманут, воспитал по своей дурости чужого ребёнка, который теперь имеет наглость претендовать на наше фамильное наследство. Но пусть не обольщается. Я докажу, что он не имеет никакого отношения к семье Петушинских. И не важно, во сколько мне это обойдётся.

- Зачем тебе это? У нас полно недвижимости. Андрей хотел бы оставить там музей, он...

- Элоиза, ты дура. Вижу, что наш так называемый родственничек подобрался к тебе слишком близко. Не исключено, что это он и организовал несчастный случай с адвокатом, чтобы воспользоваться передышкой и перетянуть тебя на свою сторону. Ещё раз повторяю - держись от него подальше. Я сообщу тебе дальнейшие инструкции сегодня же. Всё, ко мне пришли.

Отец дал отбой, а я с трудом удержалась, чтобы не швырнуть мобильный об асфальт. «Он даст мне инструкции». Нет, папа. Наверно, впервые в жизни я не собираюсь быть марионеткой, которую ты дёргаешь за ниточки. Я собираюсь разобраться во всём сама. Но, к сожалению, отец был прав в одном: мне следовало держаться от Андрея подальше, но это было выше моих сил.

Андрей не звонил так долго, что, совершенно устав от бесконечной ходьбы, я решила поехать в гостиницу, чтобы передохнуть. Я чувствовала себя школьницей: боялась его звонка и боялась, что он не позвонит, в последний момент предпочтёт что-нибудь более интересное, чем провести ещё одну экскурсию по Москве великовозрастной даме. Я, наверно, сотню раз проверяла, не пропустила ли я звонок и ругала себя последними словами.

Андрей позвонил, когда совершенно обессиленная, я лежала в постели и пыталась читать.

- Лиза, как ты смотришь, чтобы прогуляться?

- Я бы с удовольствием, но...

- Что-то случилось?

- Не думаю, что я смогу влезть, хотя бы в одни туфли.

- Надень джинсы и кроссовки.

- Я их не ношу.

- Не носишь джинсы? - в его голосе прозвучало удивление. - Но это самая удобная одежда на свете.

- Возможно.

- Жаль, а я хотел показать тебе вечернюю Москву.

- Звучит заманчиво. Может быть, сначала поужинаем? В «Марко Поло» неплохой ресторан. Я приглашаю.

- Извини, Лиза, но я не могу позволить себе посещать подобные рестораны. Но если ты не против, я отведу тебя в неплохое место, где можно вкусно поужинать. Можем добраться туда на мотоцикле.

- На мотоцикле?

- Да.

- Наверно, лучше взять такси или поехать на метро.

- Не нужно бояться, я буду у тебя через пятнадцать минут. Успеешь одеться?

- Нет.... Да.

Он бросил трубку, а я в ужасе села на кровати. Наверно, он сумасшедший. Я в жизни не ездила на мотоцикле, тем более в Москве. Это ужасно опасно. Я ни за что не смогу на него сесть. О

Господи! Надо отказаться немедленно. Сказать ему, чтобы он делал такой глупости. Я судорожно схватила мобильный.

- Андрей, пожалуйста. Не надо мотоцикла. Я... я боюсь.

Он рассмеялся.

- Не бойся, Лиза. Тебе понравится. Страшно только вначале. Уверю тебя, это лучшее передвижение по московским пробкам.

Я бросила мобильный на кровать и стала быстро вытаскивать одежду из чемодана. К сожалению, у меня не было ничего подходящего для такого времяпровождения. Потом, я всё же нашла свободные брюки и свитер. Хуже всего было то, что все туфли, которые я взяла с собой, были на каблуке. О чём я только думала? Наверно, волновалась. Андрей ждал меня на улице. Увидев его железного сверкающего коня, я почувствовала дрожь в коленках и нерешительно остановилась.

- Ну же, Лиза. Не бойся. Садись сзади и крепко держись за спину. - Он улыбнулся по-мальчишески задорно. - Можешь даже прижаться ко мне.

- Спасибо за разрешение. - Чувствуя себя неуклюжей коровой, я перекинула ногу через сидение и ухватилась за Андрея.

- Держись крепче. Сейчас я покажу тебе Москву.

Мотор оглушительно взревел, и мы свернули на относительно тихую Малую Бронную. Пока машин было не много, это было не так страшно, но когда мы поехали по Садовке, мне казалось, что я умру от страха, такой незащищённой я себе казалась, пока Андрей «вышивал» между машинами, объезжая пробки. Одно неосторожное движение - и мы окажемся под колёсами. Я вжалась в его спину и сцепила крепче руки на поясе. «Господи, если ты не дашь мне погибнуть, я клянусь тебе, что больше никогда не сяду на этот драндулет».

- Ну как ты, Лиза? – повернулся он ко мне на светофоре.

- Умираю от страха, - еле выговорила я.

- Не надо. Мы почти на месте.

Он припарковался на тротуаре и легко соскочил на землю. Я повисла на его руке, еле живая от пережитого стресса.

- Прости. Я ехал слишком быстро. - Он обнял меня за плечи, и я вновь почувствовало проклятое влечение, но в мой мозг не поступило никаких предупреждающих сигналов. Наоборот, после пережитого страха, мне жутко захотелось любить, вопреки всему.

Не знаю, кто из нас потянулся друг к другу, но я почувствовала несмелое прикосновение его губ. Он быстро отстранился.

- Извини. Забылся и осмелел. Не так часто приходится ездить возить девушку на мотоцикле.

Мне бы хотелось, что он осмелел ещё больше и впился в меня губами, а бы могла запустить руку в его растрепанные волосы, чтобы проверить действительно ли они мягкие на ощупь, прижаться к нему, чтобы весь остальной мир провалился к чертям собачим. Наверно, так сильно я не желала ни одного мужчину. А я-то ещё всегда считала себя холодной.

Я слабо улыбнулась, с трудом возвращаясь к действительности.

- Будем считать, что ничего не было. Наверно, ты просто перепутал меня с кем-нибудь из своих очаровательных подружек.

Он взял меня за плечи и приблизил своё лицо к моему.

- Ты можешь хотя бы иногда расслабиться и не контролировать себя?

- Нет, - выдохнула я из последних сил, борясь с искушением закрыть глаза и снова потянуться к его губам.

Он так резко опустил руки, что я почувствовала себя брошенной. Даже покачнулась от неожиданности. В груди поднялась волна боли. Не надо навязываться. Всё напрасно. Не нужна я ему. Будет ещё больнее, если не справлюсь собой. И у меня получилось. Наваждение ушло. Я сфокусировала взгляд, пытаясь прочитать горящие неоновые буквы: «Серая ворона». Ну и название.

- Нам сюда? – мой голос уже не дрожал, чему я искренне порадовалась.

ГЛАВА 6

Третий бокал вина примирил меня с самой собой, и я даже решилась вновь вернуться к истории нашей семьи. Я задала Андрею тот же самый вопрос, на который не ответил мой отец.

Андрей рассматривал вино в бокале на свет и не спешил отвечать. Я разозлилась.

- Ну, почему ты тоже не отвечаешь? – не выдержала я.

- А кого ты ещё спрашивала?

- Отца.

- Понятно. Он не расскажет. А то, что могу рассказать я, тебе не понравится.

- Почему ты так об этом заботишься?

- Не знаю. - Он пожал плечами. - Я сегодня пришёл к выводу, что у нас странные отношения, тебе так не кажется? – Андрей смотрел на меня в упор, на тарелке остывал жареный цыплёнок, до которого он даже не дотрагивался.

- Ты считаешь, что у нас есть какие-то отношения? – не знаю, что заставило меня произнести эту фразу, но как только она вырвалась, я уже пожалела.

Однако, Андрея это, к моему счастью, - а ведь я безумно хотела, чтобы у нас возникли отношения, и злилась на себя за это, - не смутило.

- Мне так кажется. Ты и твой отец мои враги, но я не могу бороться с тобой.

Наверно, я покраснела, моя природная сдержанность мешала мне сказать: «И я тоже не могу бороться с тобой», но вместо этого я задала вопрос, который мучил меня целый день и на который я так и не получила ответа от отца.

- Что произошло между твоим дедом и моим отцом? Неужели они так и не встретились из-за того, что Степана считали предателем? Предпринимал ли твой дед какие-то попытки, чтобы помириться с семьёй?

- Будет лучше, если я расскажу тебе об этом там, в нашем доме. Если ты, конечно, готова снова переступить его порог.

Я замолчала, раздумывая. По спине пробежал лёгкий холодок, а сердце тревожно забилось. Вернуться туда, прикоснуться к тайне и снова сходить с ума? Весь этот длинный день я только и старалась выбросить из головы мои ощущения, мои страхи. Я вновь видела себя на коленях в церкви, а к моим ногам падала фотография Степана. Я попробовала взять себя в руки. Возможно, всё это мне показалось, а Степан мне просто кого-нибудь напоминает.

- Хорошо, - согласилась я.

Нам принесли счёт, я машинально протянула руку к сумке.

- Нет, Лиза, ни в коем случае. Не знаю, как у вас во Франции, но у нас принято, что мужчина платит за даму, которую пригласил.

Я пожалала плечами, не желая спорить. В Париже мои знакомые вовсе не возражали, когда я предлагала заплатить. Вероятно, считали, что я не обеднею и были, конечно, правы.

Тем более, оказалось приятно, что Андрей вёл себя иначе. Возможно, если бы я жила в Москве, моя личная жизнь сложилась бы. При условии, что мои знакомые были бы похожи на него.

Мы вышли на улицу, я поёжилась: после душного кафе на улице казалось свежо. Андрей достал из багажника мотоцикла потёртую кожаную куртку и протянул мне. Я с благодарностью надела её на мой костюм, стараясь не думать о том, что выгляжу нелепо. Куртка хранила запах туалетной воды Андрея, и мне стало уютно. Бог мой, я влюбилась окончательно и бесповоротно. И где же мне найти силы, чтобы держать всё в себе?

- Ты готова? – Андрей обернулся через плечо.

- Да, - я обхватила его руками, стараясь не обращать внимания на поднявшееся внутри предательское желание.

Мы подъехали к нашему особняку очень быстро – дороги освободились, и Андрей гнал, как сумасшедший. Я крепко прижалась к его спине, обхватив за талию. Я списала всё на выпитое за ужином вино, но на этот раз страх исчез.

Особняк освещался только фонарем с улицы. Даже в комнате сторожа на первом этаже не светило маленькое окошко.

- А что там сегодня никого нет?

- У Тимура неожиданно оказались неотложные дела, и он позвонил мне, чтобы я попросил дядю Сашу выйти вместо него.

- И...

- Я не передал ему этого.

- Почему?

- Потому что хочу, чтобы мы пришли туда вдвоём, и чтобы нам никто не мешал. Понимаешь? К тому же дядя Саша всё равно уехал на дачу. Так что придётся мне сегодня дежурить.

- То есть мы будем там одни?

Андрей усмехнулся.

- Наверно.

Я снова почувствовала, как беспокойно забилося сердце. На этот раз не от предчувствия того, что мы останемся там вдвоём, а от его странного «наверно». Что он имел в виду? Степана- призрака? Я зябко передёрнула плечами, вспомнив упавшую фотографию.

Андрей включил свет и снял сигнализацию.

- Ну что, пройдемся по дому или будем сидеть здесь? - Он кивнул на старенький диванчик, где спали сторожа. - Или, может, выпьем для храбрости? У дяди Саши в заглазнике есть водка.

- Не стоит. - Я первой шагнула из маленькой затхлой комнаты в темный коридор. За спиной раздался смешок Андрея.

- Я знал, что тебя снова потянет сюда.

- Не трудно догадаться, - съязвила я, входя в темную комнату. Свет с улицы проникал сквозь незанавешенные арочные окна, на потолке плясали тени от проезжающих автомобилей.

Андрей включил свет, и гостиная, обнажив нециклеванный паркет и старую потертую мебель, сразу потеряла свое очарование.

И вдруг я вспомнила свой сон. Но этого не может быть! Я потрясла головой, отгоняя навязчивую мысль. В том сне я спрятала письмо в тайнике. Какое письмо? Зачем? Я попыталась подумать о другом. Но у меня ничего не вышло. Невидимая сила меня влекла в другую комнату.

В конце концов, я сдалась. Ничего не случится, если проверить. Подошла к камину и, присев на корточки, стала шарить рукой вниз. Одна из мраморных плиток, которой был облицован камин, отошла, я засунула руку в образовавшееся отверстие и вытащила конверт.

Медленно поднялась. Андрей смотрел на меня, и я могла бы поклясться, что в его глазах промелькнул страх.

- Откуда ты узнала об этом? - почему-то шёпотом произнёс он.

- Сегодня мне приснился сон, - также тихо ответила я. Мои руки дрожали: конверт упал на пол. Андрей поднял его и протянул мне. Письмо из прошлого.

Я развернула листок. На нём не было слов, лишь чертёж, а точнее план. В левом верхнем углу стоял крестик. Больше ничего.

Андрей взял план у меня из рук и стал внимательно рассматривать.

- Как ты думаешь, что это? - спросила я.

- Наверно, тайник Петушинских. Ничего другого мне не приходит в голову.

- Правильно, тайник, - подтвердила я его предположение. - Но где может быть это место?

- Похоже на подвал, - предположил Андрей. - Вот, смотри, здесь нарисовано что-то похожее на трубы.

- Ты был в подвале?

- Да, однажды, когда прорвало батарею.

- Мы можем сейчас пойти туда?

- Если там не заперто.

- Даже если заперто, придётся сломать замок. Другого такого удобного случая может не представиться.

- Ты знаешь, что в этом тайнике?

- Нет. Но если хорошо подумать, там должны быть драгоценности. Что обычно прятали богатые во времена революции, опасаясь раскулачивания?

- Звучит убедительно. Где-то здесь в подсобке должен быть фонарь. - Андрей быстро вышел, а я закрыла глаза, стараясь ни о чём не думать. Тихий мелодичный звон привлёк моё внимание. Я

прислушалась. Звон доносился со стороны обеденного стола. Я подошла ближе. В комнате никого не было, кроме меня. На старинной скатерти на месте писателя стояла маленькая фарфоровая чашка, которая дрожала, словно по ней кто-то постукивал серебряной ложечкой.

- Кто здесь?

Ответом мне было лёгкое дуновение ветерка, которое в пустом доме с закрытыми окнами показалось мне крайне странным.

- Кто здесь? – повторила я ещё громче, оглядываясь по сторонам.

Чашка перестала дрожать, в комнате погас свет. Я закричала и бросилась к выходу, наткнувшись на Андрея. Моё тело сотрясала дрожь, и я была готова убежать подальше от этого дома с привидениями. Андрей быстро включил свет и прижал меня к себе. Всклипывая, рассказала ему, что произошло.

- Лиз, я тебе уже говорил... Но ты не хотела верить. Похоже, ему не очень-то нравится, что мы затеяли, и он пытается нас предупредить. Может, нам лучше отставить эту идею?

Я стиснула зубы и отстранилась.

- И всё же надо проверить существует ли этот тайник? Иначе не успокоюсь. Как можно остановиться на полпути?

- Хорошо. - Андрей подошёл к столу. – Где план?

- Я положила его на стол.

Андрей посмотрел на стол, нагнулся и посмотрел под ним.

- Здесь нет. Ты точно положила на стол?

- Точно.

На всякий случай мы тщательно обследовали комнату, но листка нигде не было.

- Все это странно! Здесь же никого, кроме меня не было, – раздражённо сказала я. – Наверно, его сдуло. Здесь был какой-то ветерок. - От одного воспоминания я покрылась мурашками. Меня не оставляло ощущение, что мы не одни.

- Значит, это был снова он. Пытается нас предупредить.

- Да был ли, вообще, этот конверт или мне всё почудилось? – вскрикнула я, не обращая внимания на слова Андрея.

- Лиза, всё в порядке. Просто дедушка не хочет, чтобы мы обнаружили тайник.

- Дедушка не хочет, - повторила я. - Но почему? Он-то уж вряд ли сможет воспользоваться этими драгоценностями.

- Не будь циничной. Возможно, он не хочет, чтобы мы ворошили прошлое. Вдруг там есть какое-нибудь письмо или что-нибудь в этом роде, - Андрей не смотрел мне в глаза. Мне казалось, что он что-то знал и не договаривал.

- Да что за глупости?! – Мы пойдём в этот подвал или нет? Или будем обращать внимание на всякие глупости? – взвилась я. - Хотя... Честно говоря, я не помню, где стоял этот крестик.

- Я помню.

- Хорошо. Тогда давай спустимся вниз и проверим, иначе я поверю в то, что сошла с ума.

Мы шагнули из дома в темноту сада. Андрей шёл первым, освещая путь фонариком. Замок на подвале висел лишь для вида, и Андрей легко открыл дверь. Ещё раз оглянувшись на меня, словно хотел спросить, стоит ли ворошить прошлое, и медленно начал спускаться вниз.

ГЛАВА 7

- Извините, вы не знаете, где дом Булгакова? - услышала я женский голос.

Несколько секунд ушло на то, чтобы вернуться в реальность. Оказывается, я до сих пор сижу и вспоминаю. Так погрузилась в прошлое, что забыла обо всём. Я медленно повернула голову и обнаружила на краешке скамейки девушку лет семнадцати. Интересно, когда она села рядом со мной? Я этого не заметила.

- Что вы спросили?

- Дом Булгакова...

Ах, да. Здесь есть дом Булгакова. Андрей мне его показывал. Мы собирались его посетить.

- Большая Садовая, дом десять, - машинально ответила я.

Сколько же я просидела здесь? Достала из сумки мобильный. Всего два часа. Надо как-то жить, что-то делать. Меня вновь охватило чувство утраты, к которому теперь примешалась ненависть. Кто мог убить Андрея? Кому была выгодна его смерть?

Встала со скамейки и сделала два больших круга вокруг пруда, продолжая думать. Внезапно поняла, что мне нужно сделать. Нужно срочно бежать на квартиру Андрея и переговорить с бабой Настей. Возможно, я узнаю что-то новое. Вытащила из кармана мобильный телефон, чтобы предупредить о своём визите, но передумала: если я позвоню в дверь, она не сможет меня не пустить.

Я быстрым шагом шла по Малой Никитской, когда в голову мне пришла одна мысль. В своей теории я исходила из того, что у Андрея не было ничего ценного, из-за чего он мог стать жертвой. Не было до тех пор, пока мы не нашли тот тайник в подвале. Я вздрогнула. Возможно, кто-то узнал о старинных драгоценностях. Или Андрей, несмотря на то, что мы договорились держать это в тайне, поделился с кем-нибудь? Меня до сих пор охватывает трепет, когда я вспоминаю, как мы достали тот небольшой сундучок и открыли его: кольца с бриллиантами, золотые браслеты, ожерелья из драгоценных камней. Похоже, здесь были собраны фамильные драгоценности всех женщин династии Петушинских, которые пролежали под землёй с рокового семнадцатого года. За ними так никто и не вернулся.

Дверь открыла баба Настя. Почему-то мне показалось, что, увидев меня, она хотела захлопнуть дверь, но передумала. Но так и не пригласила меня войти.

- Мне очень нужно с вами поговорить, - тихо сказала я и добавила: - Это касается Андрея.

- Господи, ну кому же понадобилось убивать его? - запричитала она, когда мы оказались на кухне.

- Вот поэтому я и здесь.

- Ты? - баба Настя вытерла глаза краем фартука и уставилась на меня. - Почему ты?

- Для меня это важно. И к тому же, вы можете не поверить, но я ... - здесь я запнулась, признания мне всегда нелегко давались, - я любила Андрея. И я скорблю вместе с вами. Но сейчас не время. Пока здесь не было обыска, я хочу поискать какие-нибудь доказательства в его вещах, бумагах. Возможно, найдётся какая-нибудь ниточка. Разрешите мне посмотреть его комнату.

Баба Настя удивлённо смотрела на меня.

- Ты любила Андрея? Но ты и он... Он же рассказывал, что твой отец...

- Да, всё верно. Но между нами с Андреем не было вражды. Мы вместе хотели разобраться в истории нашей семьи, - я понизила голос. - Пожалуйста, поверьте мне. Я всё объясню.

Баба Настя пропустила меня вперёд. Я сняла туфли и пошла знакомым коридором, кусая губы, чтобы не расплакаться. Мне так и казалось, что Андрей сейчас выйдет меня встречать.

Я вошла в комнату Андрея и огляделась. Всё было так, словно он вышел ненадолго и сейчас вернётся. Знакомый запах его одеколона. Услышала за спиной слабый стон. Баба Настя прислонилась к стене и закрыла глаза. Испугавшись, я подвела её к дивану и усадила.

- Где у вас валокордин или что-то успокоительное? Я принесу.

- Не надо. Сейчас пройдёт. Сердце болит. За что нам такое горе? Андрюшеньке ведь только тридцать исполнилось. Мы его день рождения отмечали месяц назад. Я пирог испекла. Его любимый. С вишней.

Баба Настя снова расплакалась, а я, усадив её на диван, стала выдвигать ящики стола. На самом деле, я не знала, что ищу, просто надеялась на то, что какие-нибудь записи натолкнут меня на след. Необходимо узнать, говорил ли кому-нибудь Андрей о нашей находке.

Моё внимание привлек небольшой коричневый блокнот. Я быстро перелистала его. Обычный блокнот, где мелким каллиграфическим почерком Андрея выписаны цитаты из разных книг. Наверно, я закрыла бы его, если бы в середине не был вложен листок. Я открыла его и к своему удивлению обнаружила письмо, адресованное ко мне.

Милая Лиза!

Даже не знаю, зачем я пишу. Всё равно никогда не рискну отдать тебе это письмо, но мне нужно выразить свои чувства хотя бы на бумаге. Лиза! Сколько нежности в твоём имени, наверно,

поэтому я так люблю называть тебя так. И мне всё равно, что по паспорту ты Элоиза Петушинская. И так, Лиза, я всё понимаю, между нами пропасть и старая семейная история. Ты богата, а я беден. Ты воспитана во Франции, а я в России. И я могу себе представить тот круг, в котором ты привыкла общаться. Я не гожусь для тебя по всем статьям. Кто я? Бедный учитель математики, претендующий на наследство Петушинских, к которому, не имею прямого отношения. Но я любил своего отца и делаю это ради него. Мне самому ничего не нужно. Если только для тебя. Помнишь, как у Высоцкого «Дом хрустальный на горе для неё...». Но я ничего не могу тебе предложить. Кроме себя. Кроме любви. И так, я осмеливаюсь написать: Лиза, я люблю тебя, хотя точнее будет: Элоиза, я люблю вас.

И всё-таки Лиза лучше. Роднее. Но тебе не нужна моя любовь. Ты боишься любви и бежишь от неё всю свою жизнь. Знаешь, а ты, вообще, трусиха. Прости меня, любимая, за такую фамильярность. Но ты боишься быть красивой, боишься выражать свои чувства и мысли. В тебе есть какая-то внутренняя несвобода, вот почему я всеми силами стараюсь раскрепостить тебя. Когда ты уедешь из России, мне будет приятно осознавать, что хотя бы в чём-то оказался полезным.

Ты уедешь, а я останусь. И всё будет кончено. Не буду врать, что ты – моя первая любовь, не первая, но от этого не менее сильная. Ты не любишь меня. Хотя иногда мне кажется, что я тебе нравлюсь, и ты могла бы завести со мной роман. Но я не гожусь для романов. Я хочу просыпаться с тобой и обнимать тебя во сне. Но никогда не буду. Потому что признание моё, нелепое и высокопарное, так и останется на этом листке.

Бог знает, сколько раз с моих губ готовы были сорваться любви, но в последний момент я видел РАЗНИЦУ между нами. Выхода нет, даже, если ты меня полюбишь. Я не смогу жить на твои деньги, а ты не сможешь жить со мной в коммуналке.

Итак, Элоиза. Лиза. Я люблю тебя. И что же мне делать? Иногда, когда ты случайно прикасаешься ко мне, я схожу с ума. Как мне хочется пойти в твою гостиницу и подсунуть под дверь это письмо. И пусть будет то, что будет, но ты будешь это знать. Но я, конечно, этого не сделаю.. Единственное, о чём я осмеливаюсь молить Бога, - пусть он задержит тебя в Москве подольше.

Мне хотелось бы подписаться - твой Андрей, но я не твой и никогда им не буду.

Поэтому просто - Андрей.

Письмо выпало у меня из рук, и я зарыдала. Теперь уже баба Настя прыгала вокруг меня, пытаясь напоить меня-то водой, то валерианкой. Я отталкивала стакан, мне не хотелось успокаиваться. Как глупо. Оказывается, Андрей тоже любил меня. И мы могли быть счастливы. Могли, если бы я не оказалась такой трусихой. Я не позволила нам быть счастливой. Заметив, что он пытался мне что-то сказать, намеренно уходила от разговора. Боялась его слов, губ, взглядов. И самое страшное - боялась показаться смешной. Наверно, умерла бы от стыда в тот же миг, если бы узнала, что он изменяет мне с какой-нибудь девчонкой вроде Варьки. И далась же мне эта Варька. Я вздохнула и вытерла слёзы. Наверно, всё-таки подействовало то питьё, которое я всё-таки выпила. Повисла пауза. Баба Настя, сложив большие красные морщинистые руки на коленях, тоже ушла в свои мысли. В конце концов, я решила отдать ей письмо. Почему-то вдруг мне захотелось поделиться с ней тем, что Андрей любил меня.

- Прочтите, - я протянула ей листок из блокнота, исписанный мелким красивым почерком Андрея.

Старушка затрясла головой, отодвигаясь.

- Пожалуйста. Прочтите. Тогда вы всё поймёте.

Она вытащила из кармана цветастого застиранного, но чистого халата очки и начала читать. Потом мы сидели с ней вдвоём и молча вспоминали того, кого мы любили и потеряли. И я снова дала себе слово, что найду убийцу Андрея. Такой, как Андрей, должен был жить, чтобы приносить в этот жестокий мир тепло и счастье.

- Баба Настя, я понимаю, вам тяжело говорить об этом, но я вынуждена просить вас о помощи. Я должна найти того, кто это сделал.

- Но, наверно, милиция... Или как там это называется...

- Ваша милиция ничего не будет делать, - перебила её я. - Она предпримет несколько шагов для отвода глаз, потом закроет дело. Я уже была свидетельницей тому, как один из них, который был приставлен, чтобы охранять тело, пропустил меня за сотню баксов.

Баба Лиза покачала головой.

- Ты видела Андрея? – её голос дрогнул, она тоже не могла произнести слова «труп» или «тело». Для неё он оставался живым.

- Да.

- Он... хотя бы не мучился?

- Надеюсь, что нет.

- Хорошо, хоть не мучился! – Баба Настя всё-таки заплакала. – Ну понять не могу. За что? За что?

- Вот это я и хочу выяснить. Вы не знаете, что Андрей делал в музее?

- Конечно, знаю, - Баба Настя покачала головой. Мой-то, Саша, в этот день по графику был выходной, но Тимур попросил его поменяться. Ему куда-то надо было. А мы уже на дачу собрались ехать. Вот Андрей и сказал, что подежурит за него. Ему нравилось там бывать. Дом притягивал его. Хотя мой старик говорил, что там какие-то нехорошие вещи творятся по ночам. Будто бы в полночь слышится шум подъезжающей кареты. А ещё он видел, как сам собой зажигался свет. Он, вообще, боялся этого дома, как огня.

Я вспомнила, как на столе задрожала чашка, и куда-то исчез план, который я нашла. Руки покрылись мурашками.

Мелодия Элтона Джона ворвалась в наш разговор. Я вздрогнула от неожиданности. Мелодия звонка Андрюшкиного телефона. На тумбочке у двери мелькал экран его нокиевского телефона. Я подошла и быстро схватила трубку.

- Да, алло.

- Кто говорит? – спросил мужской молодой голос.

- Элоиза, - машинально ответила я, думая, что это кто-то из знакомых Андрея.

- Имей в виду, что тебе не стоит лезть в это дело, если хочешь ещё пожить. Уж больно ты любопытна. Чем быстрее ты уедешь отсюда и обо всём забудешь, тем лучше!

Звонивший дал отбой. Его номер, конечно, не определился. Баба Настя испуганно смотрела на меня.

- Кто звонил?

- Ошиблись, - соврала я, пытаюсь унять дрожь в коленках, понимая, что звонил убийца. Впервые в жизни, я получила предупреждение.

Я крутила в руках гладкий черный слайдер. Вероятно, Андрей забыл его дома, когда пошел на это роковое дежурство.

- Я возьму этот телефон. Мне нужно выяснить с кем он общался последнее время. Потом, если не возражаете, передам его следователю.

- Хорошо, - кивнула баба Настя.

Я напряжённо думала. Мне не понравилось, что Тимур отказался от дежурства. Это была первая зацепка.

- А этот Тимур не говорил, почему он не может дежурить?

- Кажется, сказал, что плохо себя чувствует. Точно не помню. Тогда это казалось не важным.

Я кивнула и вошла в меню «Нокии», чтобы просмотреть последние вызовы, но не нашла ничего странного. Никаких поздних и неожиданных звонков. Хотя, вполне, возможно, убийца звонил с телефона с антиопределителем, как это было сейчас, и его звонок не остался в памяти.

В дверь квартиры позвонили, и баба Настя тяжело поднялась с дивана.

- Пожалуйста, если это милиция, не говорите никому о мобильном и о нашем разговоре.

Я бросила телефон в свою сумку и спрятала письмо Андрея в карман джинсов. Но это оказалась Варька, которая вернулась из института. Мы столкнулись с ней в коридоре, она посмотрела на меня так, словно я была виновата в том, что Андрея убили.

Я выскочила из дома, не в силах больше справляться с ощущением безнадежности, которое нахлынуло на меня в доме, где он жил. Он больше никогда не войдёт в квартиру, не улыбнётся тем,

кто его любит, не сядет на своё место у окна. Я шла, не понимая, куда иду и зачем, настолько боль поглотила все мои чувства. На языке крутился один единственный вопрос: За что?

ГЛАВА 8

Песня Элтона Джона заставила меня встрепнуться на кровати. Задремала и не сразу поняла, в чём дело, пока не увидела мигающий дисплей мобильного телефона на тумбочке. Так и почудилось, что Андрей где-то здесь, сейчас выйдет из ванной и скажет своим хрипловатым голосом «алло». Сколько раз слышала эту мелодию, когда ему звонили его ученики, его друзья, просто знакомые. И вот сейчас тот, кто звонит, очевидно не знает, что Андрея больше нет.

Взяла в руки телефон и увидела надпись «Эмиль». Сердце сжалось в комочек – школьный друг Андрея. И я должна ему сказать... Должна. Иначе, зачем, я взяла себе его телефон, как не для того, чтобы, общаясь с его знакомыми, напасть на след убийцы?

- Эмиль, это Элоиза. Вы меня не знаете...

- Не знаю лично, но много о вас слышал, - голос Эмиля звучал приветливо. Сейчас он попросит позвать Андрея... – Приятно с вами познакомиться, пусть даже по телефону, надеюсь, что когда-нибудь Андрей...

Больше я не могла выдержать:

- Эмиль, произошло несчастье.

Его голос срывался, когда он расспрашивал меня. Рассказала, что знала, мы попрощались. Я дотянулась до бара, налила себе хорошую порцию виски, залпом глотнула. После этого смогла плакать и вспоминать.

Мы договорились встретиться у выхода из метро Маяковская. Эмиль пришёл раньше, и я сразу выделила его из толпы. Высокий, немного сутулый, прямая длинная челка падает на лоб, отвлекая внимание от больших карих глаз. Между ним и Андреем было что-то общее, как это часто случается у друзей.

Мы зашли в кафе на Тверской, чтобы обсудить предстоящие похороны. Ни у него, ни у меня просто не укладывалось в голове, что Андрея больше нет с нами, поэтому мы постоянно отвлекались

- Я не могу поверить в то, что его больше нет, - Эмиль с тоской смотрел на список его знакомых, который составлял. - Кто это мог сделать?

- Этим я и собираюсь заняться, - бросила я, глядя ему в глаза.

- Вы будете искать убийцу? – Эмиль казался удивленным. – Я думал, вы вернётесь в Париж.

- Нет, я остаюсь, пока не выясню это.

- Но как вы собираетесь это сделать? У вас есть опыт расследования?

- Опыта нет, но есть огромное желание найти убийцу. Возможно, найму детектива, но только после того, как пойму, что бессильна. Мне бы не хотелось вдаваться в подробности, но есть нечто такое, что я бы пока не хотела доверить незнакомому человеку.

- Понятно. – Эмиль недоверчиво посмотрел на меня. Вероятность того, что я могу найти убийцу, казалась ему минимальной. – Как бы там ни было, имейте в виду, что вы можете рассчитывать на меня. Любая помощь, информация. Я так же как и вы хочу, чтобы убийца понес наказание, хотя это и не поможет вернуть Андрея.

После этой встречи в моей жизни появился Эмиль, человек, которому я знала, что могу доверять.

Эмиль меня не разочаровал. Мы часто перезванивались и встречались, хотя, надо признаться, инициатива чаще исходила от меня, чем от него. Мне казалось, что он относился ко мне с неким подозрением, словно ожидал, что я прекращу игру в детектива и уеду Париж. Меня это не задевало. Я понимала, что мне понадобится много времени, чтобы близкие Андрея начали воспринимать меня серьезно. Впрочем, случай оказать помощь представился быстрее, чем я думала. Сбережений у Андрея не оказалась, а мне хотелось, чтобы все было сделано на приличном уровне. Так что все похоронные хлопоты? в том числе и поминки я взяла на себя.

На похоронах Андрея было много народу.

Я сняла квартиру недалеко от метро Белорусская, отнесла свои дорогие костюмы в комиссионный магазин и купила новую одежду.

Я дожидалась Эмиля в приятном ресторанчике Шенонсо, расположенном в старинном особняке. Было около четырёх часов, время, когда бизнес ланчи закончились, а до романтических ужинов, ещё далеко. Надо признаться, что мне нравилось это заведение тем подобием французского духа, который здесь пытались воссоздать картинами на сценах и французским меню. Наверно, я уже немного скучала по Парижу.

Я открыла свою записную книжку, в которой кратко записывало всё то, что мне удалось узнать. За прошедший месяц успела познакомиться с некоторыми знакомыми Андрея. В том числе появился один подозреваемый. Об этом я и собиралась поговорить с Эмилем.

Пока он шёл ко мне через весь зал, у меня появилась возможность понаблюдать за ним. Сегодня он был одет в бежевый костюм в полоску и светлую, почти белую, рубашку с галстуком. В сочетании с очками в тонкой золотой оправе, он выглядел интеллигентно и представительно, хотя и не был похож на бизнесмена, скорее на научного работника, корпящего над каким-нибудь изобретением.

- Привет! – Эмиль улыбнулся, усаживаясь напротив. – Извини, если заставил тебя ждать.

- Всё в порядке, я просто пришла раньше.

Официант подал нам меню и деликатно отошёл, оставляя нас в поле зрения.

- Чем кормят? – Эмиль рассеянно листал меню. – Никогда здесь не был - он бросил беглый взгляд вокруг, ничего, уютно. Снова уставился в меню, закрыл его, посмотрел на меня с легкой извиняющей улыбкой. – Что-то мне есть не хочется.

- Здесь пытаются готовить французские блюда, - заметила я. – Но, должна заметить, что у них не очень-то это получается. Если не голоден, можем просто выпить чаю с десертом. У них сейчас что-то вроде полдника.

Эмиль огляделся и понизил голос:

- Но.... это как-то неприлично.

- Нормально. Меня всегда поражала ваша чисто русская черта – пускать пыль в глаза. Здесь удобно разговаривать, вот, почему я выбрала это место. Как-то мы обедали здесь с отцом. Впрочем, если тебе не нравится...

- Нет, Лиза, нравится. Просто... Ну я не привык.

- Положись на меня. - Я жестом подозвала официанта и заказала нам обоим кофе с яблочным пирогом. – Молодой человек лет двадцати не отрывал взгляд от кольца у меня на пальце, всем своим видом выражая удивление, смешенное со скрытым негодованием. Уверена, ему показалось, что мы слишком хорошо одеты, чтобы пить чай. Это-то меня и задело. Мне всегда нравилось ставить людей на место. Наверно, это качество я унаследовала от отца. Скользнув взглядом сквозь официанта, после того, как он принёс нам заказ, я попросила его больше нас не беспокоить, от чего он просто готов был взорваться. Русское обслуживание было, как всегда на уровне. В Париже ты можешь провести в кафе с одной чашкой кофе весь вечер, в Москве, если ты пришёл, ты просто обязан потратить деньги. Иначе обслуживающий персонал будет всячески намекать тебе, что расслаиваться не стоит. Заказывай или убирайся.

- Ты кого-нибудь подозреваешь? – спросил меня Эмиль.

- Пока только один подозреваемый. Сменщик дяди Саши, сторож Тимур.

- Тимур? Этот студент, который подрабатывает в музее? – с недоверием спросил Эмиль. – Не думаю, что он мог бы... Да и какие у него могли быть основания для убийства?

Я молча посмотрела на Эмиля, думая стоит ли рассказать ему о найденных драгоценностях.

- Мне показался подозрительным. Однажды я попыталась с ним встретиться, и он очень неохотно согласился. И всё время пока мы общались, мне казалось, что он что-то скрывает.

- Но какой повод....

У него мог быть повод. Я снова пытливо посмотрела на ничего непонимающего Эмиля. Всё-таки мне придётся ему рассказать о нашей находке. Тем более, что мне нужна его помощь.

Последнее время мен всё чаще посещала мысль, что я должна попытаться проникнуть в подвал, чтобы проверить на месте ли шкатулка.

Мы расплатились и вышли. Эмилю я заплатить не позволила. Всё-таки я не его девушка, а просто друг. Он тоже пытался сопротивляться, но я оказалась настойчивее. На улице взяла его под руку. Извилистыми переулками мы вышли на Патриаршие. Сердце пронзила тупая боль. Тупая. А это значило, что я начинаю привыкать к Андрюшкиной смерти. А не должна. Потому что только моя любовь даёт мне силы продолжать расследование.

Мы выбрали скамейку, на которой никто не сидел. И не вдаваясь в подробности моего дежурья, я рассказала о том, как нашла план. Реакция Эмиля оказалась более бурной, чем я ожидала.

- Но это же клад. Вам следовало заявить о том, что вы его нашли.

- Речь идёт не просто о кладе. Это драгоценности наших родных. И ты считаешь, что они принадлежат государству, которое отняло у них родину?

- Лиза, успокойся. Я понимаю твои чувства. Но это подсудное дело. Если об этом узнают, у тебя могут быть неприятности. И всё же мне не понятно, при чём здесь Тимур? Как он мог знать об этом?

- В тот вечер мы находились там вдвоём это точно. Но в большом зале установлена камера для наблюдения за посетителями. Мы с Андреем об этом совершенно забыли. Наш разговор мог записаться, и если Тимур случайно просматривал запись, то мог узнать, о существовании тайника. А пойти в подвал и найти место, где мы копали, не составит труда. – Я вздохнула. – Конечно, всё это предположение, но...

- Здесь есть два слабых пункта: зачем ему просматривать запись на камере и зачем убивать Андрея? Он мог просто взять драгоценности и исчезнуть. Уехать куда-нибудь, например.

- Его могли вычислить, если бы Андрей заявил в милицию об исчезновении клада. На Тимура, как на сторожа могло пасть подозрение. Его начали бы искать. А так он думал, что если убить Андрея и напугать меня, чтобы я вернулась в Париж, некому было бы заявлять. Кстати, однажды мне кто-то звонил и угрожал.

- Как-то мне в это не верится, - медленно сказал Эмиль, снимая очки. – Хотя надо признаться, что Тимур не внушает доверия. Я видел его однажды, какой-то он скользкий. Надо бы проверить на месте ли ваш тайник, - выразил он мою мысль. – Если ты, конечно, сможешь найти это место.

- Конечно, я помню, где мы закопали драгоценности. Я могла бы и одна это выяснить, но этот дом... - При одном воспоминании я почувствовала, как застучало мелко сердце.

- Ни в коем случае. Я пойду с тобой, - сразу сказал Эмиль.

Мы решили сделать это на следующей неделе. А когда прощались, Эмиль неожиданно протянул мне папку.

- Это дневник Степана. Думаю, тебе будет интересно узнать о нём больше. Андрей дал мне почитать, но я не успел, а сейчас думаю, что... Он помедлил. - Чёрт, я каждый раз не могу сдержаться, когда думаю, кому же понадобилось его убить?

- Мы выясним это, Эмиль.

Он молча кивнул, и я снова почувствовала, что он в это не верит. Придя домой, я открыла дневник Степана и начала читать.

ГЛАВА 9

Зачем я пишу? Для того чтобы оправдаться? Вовсе нет. Я знаю, покоя не будет. Моя душа справедливо обречена на вечные муки. И все же я, дважды виноватый перед тобой, хотел бы вымолить у тебя прощение. Не нужно было мне вмешиваться в ваши отношения с Сергеем. Я должен был найти в себе силы и похоронить свои чувства, а не писать тебе глупых и восторженных писем. Выйдя замуж за Сергея, ты бы уехала с ним во Францию и не погубила бы себя и своих родных.

Ты знаешь, как я верил в то, что революция изменит наш мир, и из-за этой призрачной мечты я предал семью.

Прошли десятилетия, а я так и не смог приехать на кладбище Сен-Женевьев – де – Буа, чтобы попросить прощения у матери. Она умоляла меня уехать из России, но я остался, тогда я действительно думал, что создаю новую жизнь. Впрочем, верил не долго, до тех пор, пока на моих глазах, не произошло разорение загородного дома одного нашего знакомого. Моё сердце содрогнулось, когда я видел, как срывали с окон и рвали на тряпки прекрасные гардины, как безжалостно разрушили старинный рояль, как запылали в костре содранные со стен полотна великих мастеров и горы книг, вытащенных из шкафа.

Но это оказалось лишь началом. Чтобы оправдаться перед новым правительством, мне, носящему известную фамилию Петушинского, приходилось быть более активным и жестоким, чем другие. Мы строили новую жизнь и нам внушали, что в наших сердцах не должно быть места для жалости. Как часто я, подобно многим, разочаровавшимся в Советской власти, думал о самоубийстве. Запирался в комнате, доставал из ящика стола пистолет и передумывал.

Милая моя девочка, я так часто вспоминаю нашу первую встречу у Стрешневых. Сидя в уголке я наблюдал за танцующими парами. Бал только начался. Я не любил танцевать и делал это только, чтобы не показаться невежливым. Сергей представил нас друг другу и отошёл к знакомым. Мы остались вдвоём, и я сразу захотел, чтобы это мгновение длилось вечно. Впервые в жизни испытывал ревность к брату. Весь вечер я сходил с ума, когда видел, как доверчиво лежала в его руке твоя маленькая ручка во время танца, и как ты улыбалась ему. Уехал рано, не простившись с хозяевами. Старался не бывать в тех домах, где мог встретить вас с братом. Но всё оказалось бесполезно.

В тот тихий семейный вечер, когда вы пришли в наш дом, мне не куда было уйти, и я сидел и слушал, как ты пела. Твой прекрасный голос разрывал мне сердце. Я не сводил с тебя глаз и несколько раз ловил твой испуганно-вопросительный взгляд. Сославшись на головную боль, ушёл к себе и написал письмо. Ответа не ждал, просто не мог молчать - в нашем доме уже всю обсуждали вашу предстоящую свадьбу.

Ты назначила мне свидание. Случилось чудо, из нас двоих ты выбрала меня, молодого шалопая, а не моего уважаемого брата, которого мне всю жизнь ставили в пример.

Семейный скандал я перенёс спокойно. Матушка, единственная, кто оказался на моей стороне, старалась меня поддержать. Всю свою жизнь она верила в любовь и надеялась, что смогу дать тебе счастье. Но вместо этого я отнял у тебя жизнь. То, что начиналось как бунт против уважаемой богатой семьи, закончилось моей настоящей верой в революцию. Не знаю, как получилось, но я стал стыдиться своей богатой семьи. Идея о том, что все должны быть равны, наполняла моё сердце сладкой музыкой.

Фаиночка, несмотря на кажущуюся лёгкость и беззаботность, я был очень впечатлительным. История, которую в нашей семье тщательно скрывали, оказала на меня большое впечатление. Вероятно, она и оказалась толчком, чтобы я задумался, кому мы обязаны своим богатством.

У нас жила горничная Марьяша. Милая, красивая девушка с длинной русой косой, следившая за порядком и прислуживающая за столом. Матушка очень любила её. За полгода до вашего знакомства Сергей соблазнил ее, и она забеременела. Аборт делали подпольно, у неё открылось кровотечение. Она лежала в своей маленькой комнатке и умирала. Я пришёл к ней и сел у её кровати. Положил ей руку на горячий лоб. Девушка открыла воспалённые глаза и прохрипела:

- Ненавижу вас, богачей! Ненавижу! Мы для вас что игрушки и невдомёк вам, что сердце у нас есть и что оно умеет любить. А я ведь на самом деле любила его, и он мне клялся, что любит. Только вот не нужна я ему оказалась, даже дитяти нашего стыдился. Уж как просила, чтобы он позволил мне оставить малыша. Я бы сохранила нашу тайну до самой смерти. А он меня под нож потащил. А иначе, говорит, выгоню на улицу.

Я знал эту историю от Сергея. Как-то вечером, выпив лишнего, он упомянул о том, что переспал со служанкой. Для него она совершенно ничего не значила, - просто мимолетное развлечение.

В тот момент я почти впервые понял, как несправедлив мир, разделивших людей на богатых и бедных. Я просидел всю ночь у Марьяши. Умолял Сергея, чтобы он спустился к ней. Он не пустил меня на порог.

-Не вмешивайся не в свое дело, братец.

После этого моё отношение к брату изменилось. Ещё долго звучали её слова: «Ненавижу вас богачей! Мы для вас игрушки».

Дальнейшее ты знаешь. Наверно, помнишь с каким энтузиазмом, я рассказывал тебе о своих новых знакомых.

ГЛАВА 10

Я закрыла коричневую тетрадь и поняла, что мне не давало покоя. Мелкий каллиграфический почерк с характерными завитушками казался знакомым. Где я могла его видеть? Степан не писал писем моему отцу и даже если писал, отец мне их не показывал.

Так ничего и не придумав, я стала вспоминать то небольшое, что знала о Фаине.

Мы шли с Андреем по Тверскому бульвару, я держала его под руку, - как сейчас помню - мне это очень нравилось. Как-то неожиданно в тот момент я осознала, что устала от одиночества. Разодетые девушки на каблучках, проходящие мимо, бросали на него заинтересованные взгляды, но мне было настолько хорошо, что меня это не задевало.

Речь зашла о Степане, - давно заметила, что о чём бы мы не разговаривали, всегда возвращались к обсуждению одной и той же темы.

- Знаешь, на самом деле существовала ещё одна причина, почему твои родные избегали говорить о нем, - заметил Андрей. – И причина этому, как всегда, женщина. – Его рука слегка сжала мою ладонь.

- Как ее имя?

– Фаина. Её отец владел несколькими фабриками, и был одним из деловых партнёров Фёдора Васильевича. К слову сказать, он имел много наград и среди них право маркировать свои ткани государственным гербом двуглавым орлом. Высшая честь, которой мог удостоиться промышленник в Российской империи. Мать Фаины происходила из дворянского рода, прекрасная пианисткой, знала несколько языков, рисовала. В общем, Фаина получила хорошее воспитание, слыла красавицей и умницей.

- И влюбилась в Степана?

- С первого взгляда. Он в семье Петушинских был самым красивым. Весельчак, проказник, шалопай. Совершенно не хотел изучать банковское дело. Дед с ним ругался, наказывал.

- В общем, неудивительно, что он остался в России? Революция казалась ему интересной?

- Да, в семье его считали бунтарем.

Внезапно меня осенило, что в доме Андрея среди старых альбомов, которые он мне собирался показать, могли сохраниться и фотографии Фаины.

Подошла к телефону и набрала номер бабы Насти. После убийства Андрея дядя Саша уволился из музея. Жили они на пенсию. Жалкое существование. Раз в неделю я привозила им продукты. Сначала они отказывались, но я настояла на своем. Когда я это делала, мне казалось, что нужна кому-то ещё.

Дверь мне открыла Варька. Вот кто, мягко говоря, меня не жаловал. А точнее игнорировал. Иногда я даже подумывала подговорить бабу Варю и отказать ей от комнаты. Варька всегда смотрела на меня, словно я собственными руками убила Андрея. Вот и сейчас, пробормотав что-то себе под нос, она повернулась ко мне спиной и демонстративно хлопнула дверью своей комнаты.

Помню, когда мы хоронили Андрея, она так рыдала и кидалась на гроб, что Эмиль с трудом ее удерживал.

Еще одной слабой ниточкой моего расследования, которую я тщательно проверила, был парень с внешностью бандита, ухаживающий за Варькой. Артём Кадыров. Если Андрей обмолвился Варьке о драгоценностях, а она проболталась хахалю, Артём вполне мог его убить. Но у Артёма оказалось железное алиби: в ту ночь он работал охранником в клубе и не мог оттуда отлучиться.

В квартире пахло свежее испеченным пирогом.

- Сейчас обедать будем, - баба Настя поцеловала меня в щёку. Я по-хозяйски прошла на кухню и поставила сумку на табурет. - Лиза, ты опять что-то принесла? Я же говорила тебе, что у нас все есть.

Не обращая внимания на ее слова, я стала выгружать продукты на стол. Если бы меня сейчас видел отец, он бы очень удивился. Уборщица, домработница, кухарка освобождали меня от всех домашних обязанностей. В Москве я поняла, что мне нравится ходить по магазинам.

- Лиза, ты похудела, - заметила баба Настя. - Много работаешь?

- У меня всего несколько учениц.

- Ты ещё не отказалась от ... своей идеи? - она так и не решилась выговорить: расследования убийства. Мы все старательно избегали этой темы. Наверно, каждому из нас, любившего Андрея, хотелось обмануть себя в том, что Андрей жив. - Домой не собираешься?

- Нет. У меня получилось продлить визу на год. Россия - чудесная страна. Всё можно сделать за деньги.

Мы пообедали вдвоём. Варька, когда баба Настя к ней постучала, буркнула из-за двери, что есть не хочет. И я знала почему - противная девчонка не хотела меня видеть. Впрочем, я не расстроилась и с аппетитом, - сама себе, я, конечно, не готовила, - набросилась на домашнюю еду: украинский борщ с пампушками, приправленный сметаной и укропчиком, а на второе: румяный пирог с капустой.

- Слушайте, баба Лиза, вы знаете, где лежат старые фотографии Петушинских? - решила я спросить после обеда. - Андрей говорил мне, что есть целый альбом.

- Сейчас принесу, - баба Настя тяжело поднялась из-за стола, а я принялась мыть посуду. Старушка появилась на кухне минут через десять, видимо, искала.

Я бережно открыла бархатный коричневый альбом. Где-то здесь должна быть фотография Фаины. Перелистнула несколько страниц и увидела девушку в бальном открытом платье, затянутом в талии. На шее нитка жемчуга, волосы убраны в высокую причёску. Почувствовала, что мне не хватает воздуха. Этого не могло быть! Но я помню эту фотографию. Она мне нравилась, и я подарила её Степану. Стоп! Я потрясла головой. О чём это я? Уж не раздвоение ли у меня личности?

- Что с тобой? Ты так побледнела? - спросил баба Настя.

- Вы знаете кто это? - я показала ей фотографию.

- Конечно. Это Фаина. Та самая девушка, которая любила Степана. Из-за него она осталась в Москве. В 1918 году большевики забрали сначала в тюрьму родителей, а потом и ее. Там бедняжка и скончалась от пыток.

- А почему ее пытали? - спросила я, пытаюсь не обращать внимания на мурашки, побежавшие по спине.

- Хотели узнать, где она спрятала драгоценности. Степан всю жизнь не мог себе простить, что не заставил её уехать. Он всё время говорил, что гибель Фанечки на его совести.

- Какие драгоценности?

- Не знаю. Степан рассказывал, что пришла к нему с этой шкатулкой и умоляла его уехать в Париж. Уж не знаю, что там дальше у них произошло, только этих драгоценностей никто больше не видел.

Я чуть не вскрикнула. Неужели драгоценности, которые мы нашли в подвале, принадлежали не Петушинским, а Гурьевым? И если предположить, что душа Фаины переселилась в моё тело, легко понять почему в Москве, всё мне казалось таким знакомым. Это единственное и разумное объяснение. И я так и не вышла замуж, потому что в каждом мужчине пыталась найти Степана. Наша прерванная любовь не давала мне покоя и в этой жизни.

- Баба Настя, вы случайно не знаете, где похоронена Фаина?

- Нет, милочка. Степан пытался найти могилку, но ему так и не удалось. Да я думаю, что и нет ее. Их же тогда расстреливали тысячами и закапывали всех вместе. Как собак. Ох, и страшное время было. Степан, когда рассказывал об этом, не мог сдержать слёз. Так всю жизнь он и не смог забыть Фанечку. Женился, правда, в конце концов. Так Бог вновь забрала мать Андрея.

Я вышла на улицу, и ноги сами понесли меня к знакомому дому. Стоя напротив парадной двери, закрыла глаза. Стук колёс экипажа, воздушное платье складками. Мужчина с остроконечной бородкой подаёт мне руку. Мы смеёмся.

Кто-то толкнул меня.

- Чего встала на дороге? – пробурчал мужской голос. Я открыла глаза. По Малой Никитской, торопясь успеть на зелёный свет, двигались автомобили. На противоположной стороне переговаривалась стайка подростков. Шумная Москва жила в своём бешеном ритме. Вот ведь чертовщина. Уж не схожу ли я с ума?

ГЛАВА 11

Мы встретились с Эмилем у фонтана и пешком направились по Тверскому бульвару.

- Знаешь, сегодня меня, наконец, вызвали к следователю, - сказал он.

- И что?

- Задавали стандартные вопросы. Давно ли мы знакомы с Андреем? Были ли у него враги? С кем он встречался последнее время? Не могло ли у кого-то оказаться причин убить его?

- Я надеюсь, ты не сказал о тайнике?

- Конечно, нет, - возмутился Эмиль. – С какой стати? Чтобы тебя подставить? Если узнают, что ты не заявила о драгоценностях, тебя затаскают. Клад в нашей стране принадлежит государству, а найдённому лишь двадцать пять процентов. Даже если он под твоим домом или на твоём участке найден. Знаешь, там такой следак мутный попался, с ним разговаривать неприятно. Такое впечатление, что ему надо на кого-то убийство повесить, чтобы глухаря не было.

- Обо мне расспрашивал?

- Задавал какие-то глупые вопросы. Я только сказал, что совсем тебя не знаю. Видел на похоронах Андрея и всё. Ты будь осторожнее, Лиза. Ведь у тебя могли быть причины убить Андрея.

От неожиданности я остановилась.

- У меня?

- Из-за дома этого, будь он не ладен. Если убрать Андрея, твой отец оказывается единственным наследником.

- Надеюсь, ты не думаешь, что я осталась здесь, чтобы комедию ломать?

- Нет, Лиза, успокойся. Просто я боюсь за тебя.

Ответить я не успела. В кармашке сумки пропел мобильный. Сняла трубку.

- Тебе последнее предупреждение, слышишь? Убирайся отсюда, иначе окажешься на том свете, так же как и твой родственничек.

- Кто это? – сдавленным голосом спросила я.

- Тот, кто тебе добра желает.

- Лиза, что с тобой? Ты побледнела. Кто звонил? - Эмиль с тревогой вглядывался в моё лицо.

- Никак не могу понять, тот же голос или нет. Такое впечатление, что он закрывает рот салфеткой. Значит, боится, что его узнают, – рассуждала я дрожащим голосом. – Похоже, кого-то беспокоит мое расследование.

- И как часто ты получаешь такие предупреждения? – встревожено спросил Эмиль.

- Третий раз. Первый был в день убийства Андрея, второй - неделю назад.

- Тебе нужно возвращаться домой.

- Нет, я должна довести дело до конца.

- Послушай, Лиза, - Эмиль взял мою ледяную руку. – Я понимаю, что ты любила Андрея. Его все любили. Мне тоже его не хватает. Уж, такой он был человек. Но ты только напрасно подвергаешь себя риску. Если уже ты очень хочешь участвовать, найми частного детектива и уезжай. Вернёшься, когда всё закончится.

Мне удалось восстановить сбившееся дыхание. Только коленки еще противно дрожали.

- Если идут звонки, я на правильном пути? Значит, кто-то меня боится?

- Лиза, это не имеет значения. Выбрось из головы идею, что ты можешь найти убийцу и уезжай.

- Я не уеду, - твёрдости в моём голосе не прозвучало, но это было от пережитого стресса, а не от неуверенности. – Не уеду, пока не накажу его.

- Ты сумасшедшая. Как ты его найдёшь? Как?

- Если я не ошибаюсь, мы встретились, чтобы кое-что выяснить, - в моем холодном голосе появились высокомерные отцовские нотки. – И если ты боишься, обойдусь без твоей помощи.

От неожиданности Эмиль отпустил мою руку и посмотрел на меня, словно я его ударила. Так же на меня смотрел Андрей, когда меня зашкаливало, и природа моего папочки начинала проступать слишком явственно.

- Но... - Эмиль покрутил головой. – Я не говорил, что боюсь за себя.

Мне стало стыдно.

- Извини. Всё нервы. Пойдём скорее. Мне не терпится узнать, на месте ли шкатулка.

Нам легко удалось перебраться через низенькую оградку. Время близилось к полуночи, моросил мелкий дождь, на улице никого не было. Жёлтый фонарь освещал узкие окна с витражами и светлые стены причудливого строения известного архитектора. Я поежилась, ожидая какой-нибудь реакции. Каждый раз что-нибудь меня здесь удивляло. В голове появлялись смутные воспоминания, роились образы, звучала музыка. Но в этот раз ничего не произошло. Даже странно.

На первом этаже, где по моим предположениям, находилась комната сторожа, горел слабый свет. Мы тихо друг за другом подоברались к подвалу. Замок по-прежнему оказался незапертым, и мы легко проникли внутрь.

Эмиль зажжёт фонарь и обернулся ко мне. Я чувствовала, что дрожу от нетерпения. Тогда, на всякий случай, мы завалили это место валявшимися в подвале вёдрами и мётлами. Сейчас здесь оказалось пусто. «Здесь кто-то побывал», - мелькнуло у меня в голове.

- Дай лопату, - я протянула руку.

Мой спутник извлёк из пакета складную лопату и подал мне. Я осторожно копала, готовясь услышать стук об шкатулку. Мы не зарывали её слишком глубоко, потому что пребывали в полной уверенности, что кроме нас никому не придёт в голову что-то здесь искать. Знакомого звука не было, но я продолжала раскидывать землю. Эмиль подсвечивал мне фонарём. Яма была уже слишком глубокой. Я устало облокотилась на лопату и вытерла вспотевший лоб.

- Ничего нет.

- Давай я попробую. Может, вы закопали глубже?

Я смотрела, как осторожно Эмиль перебрасывает землю и продолжала лелеять надежду, что драгоценности всё же окажутся на месте. Мысли крутились в голове, перегоняя друг друга. Если шкатулку украли, значит, у преступника появлялся мотив убить Андрея. Да и меня тоже. От этой мысли гадко екнуло сердце, переместившись куда-то вниз. Я мысленно ругнулась на себя. Да что уж бояться-то в моём возрасте? Про таких, как я можно сказать, что жизнь совершенно не удалась, и впереди меня ждёт лишь одиночество. А что может быть хуже одиночества? Андрей! Ты не мог оставить меня. Мой единственный человек, которого я любила.

- Наверно, нет смысла здесь рыть дальше, – в свете фонаря зловеще блеснули стекла очков Эмиля, я не могла разглядеть выражение спрятанных за ними глаз, и мне почему-то стало страшно. Друг Андрея прислонил лопату к стене. – Может, ты перепутала место? – Я тупо уставилась на глубокую яму и раскиданную землю. Перепутала? Гадкая память послушно высветила передо мной план, который я вытащила из камина и который таинственно исчез. Крестик, который поставила Фаина, стоял на том же самом месте, где мы копали.

И вдруг передо мной возникла картина из прошлого: одетая в длинное платье девушка кромсает землю ножом, разрывает руками и плачет.

- Лиза, может попробовать в другом углу, – вернул меня к действительности Эмиль.

- Ты прав - нет смысла, – я вдруг разревелась. Словно на миг оказалась на месте Фаины, бедной влюблённой девушки, которая видела то, что не мог видеть Степан. И всё же не могла его оставить. И эта шкатулка с драгоценностями для неё представляла маленькую ниточку к спасению. Может быть, когда-нибудь она сможет вернуться, чтобы надеть ожерелье и танцевать с любимым. Этого не произошло.

- Лиза, не надо плакать, - Эмиль стоял совсем близко, не решаясь меня обнять. Ему казалось, что он понимает, что я чувствую. Но разве он мог подумать, о чём я на самом деле плачу?

Я прислонилась к его плечу. Как хорошо, что со мной друг Андрея, который может меня поддержать. Друг, который пошёл на риск, чтобы...

Мысль, пронзившая мой мозг, заставила меня отшатнуться. Господи! Какая же я идиотка, что из-за глупого страха впутала сюда Эмиля. Они были друзьями, и вполне можно предположить, что Андрей мог рассказать Эмилю. И Эмиль мог.... Дальше я отказывалась думать. Мне стало тошно. Я не должна подозревать Эмиля. Но даже если предположить, что он не убивал Андрея, у него была целая неделя, с тех пор, как я ему рассказала, чтобы забрать драгоценности. И как мы не старались с Андреем разровнять землю, всё равно, если знать, что где-то копали, место можно найти. Неудивительно, что Эмиль сегодня уговаривал меня уехать, якобы волнуясь о моей безопасности. Он может прямо сейчас грохнуть меня лопатой по голове, и никто не догадается, кто это сделал. ДА тело найдут только, когда что-нибудь понадобится в подвале.

- Надо навести порядок, - Эмиль протянул руку к лопате, но я быстро перехватила её.

- Нет, я лучше сама.

Плохо помню, как мы добрались до метро. Прощаясь с Эмилем, старалась изо всех сил вести себя непринужденно, чтобы он, - не дай бог, - не заподозрил, что я его испугалась. Ведь то, что мне почудилось, вполне могло оказаться злой шуткой моего воображения и требовало самой тщательной проверки.

ГЛАВА 12

Захлопнув дверь и заперев ее на все замки, ощутила себя в безопасности. Странно, но в этой крохотной квартирке у метро Белорусская, мне было хорошо. Только прожив самостоятельно, я осознала какое чудовищное влияние оказывал на меня отец.

Спасибо Андрюшке, своим примером он показал мне как нужно жить. Андрей! И снова мысли побежали по привычному кругу. Неужели, тогда в гостинной, Степан пытался нас предупредить? План, который таинственным образом исчез и так и не был найден. Духи, души. Верю ли я в это? Не знаю. Сбросила туфли и, не раздеваясь, прошла к шкафу, где в поцарапанной стенке советских времён организовала что-то наподобие бара. До моего приезда в Россию не понимала, каким спасением может стать алкоголь. А здесь открыла для себя виски, - замечательный напиток, дарящий ощущение расслабленности.

После нескольких глотков липкий страх отпустил. На всякий случай задала себе вопрос: неужели я так боюсь за свою никчёмную жизнь, в которой у меня ничего не осталось, кроме желания найти убийцу? Сейчас, при мягком освещении настольной лампы, мои подозрения на счет Эмиля показались абсурдными. Андрюшка считал его лучшим другом и не мог ошибаться. Мне бы тоже хотелось в это верить, тем более что мне нравился Эмиль. Но противный голос в моей голове продолжал твердить: «Ты должна быть объективной, если уж взялась играть в следователя. Прежде, чем делать выводы, нужно обладать всей необходимой информацией».

Заставила себя достать блокнот и на странице, где записывала всех, кого я подозревала и где под номером первым значился Тимур, поставила новое имя - Эмиль. Даже если он не убивал Андрея, он мог взять драгоценности после того, как о них узнал от меня, справедливо полагая, что богатая наследница обойдётся и без них.

И все же подозревать Тимура, - неприятного молодого человека с бегающими глазками, было гораздо проще. Когда я позвонила ему и предложила встретиться, он долго отказывался, ссылаясь на то, что почти не знает Андрея. И всё же я проявила настойчивость, и он сдался.

Мы сидели на скамейке: Тимур нервничал, грубил. Сказал, что я взялась не за своё дело, и он вовсе не обязан отвечать на мои вопросы. У него есть алиби: в ту ночь, когда убили Андрея, он был с девушкой. Она может подтвердить. Они трахались всю ночь, он так и сказал, не занимались любовью, не спали вместе, а трахались. Честно говоря, я засомневалась. Да что за девушка должна быть, чтобы проводить время с подобным типом?

Ксения появилась минут через десять. Создалось впечатление, что он попросил её находиться неподалёку. От девушки пахло потом и сладковато-приторными духами. Волосы, выкрашенные в иссиня чёрный цвет, висели по плечам редкими прядками, невыразительные глаза

казались еще меньше от черной подводки. Тупоносые ботинки на огромнейшей танкетке, чёрные джинсы, чёрная бесформенная майка. На шее ожерелье из маленьких черепов и под стать ему серёжки.

Держалась Ксюха достаточно развязно. Едва кивнув мне, уселась к Тимур на колени и стала его облизывать. Именно облизывать, а не целовать. Он положил ей руку на грудь и начал тискать. Меня тогда чуть не вырвало, и я поспешила уйти. Скорее всего, они на это и рассчитывали. То, что эта парочка могла присвоить драгоценности, сомнений не вызывало. Другое дело, были ли они способны на убийство?

ГЛАВА 13

В Москве стояла одуряющая жара и, закончив заниматься с моей новой ученицей французской грамматикой, я надела открытое льняное платье, купленное на распродаже в Охотном ряду. Мои наряды из Парижа до сих пор лежали в чемодане, теперь я предпочитала одеваться в более молодежном стиле. Конечно, сказалось влияние Андрея. Оказалось, что вполне возможно обходиться парой китайских джинсов и несколькими майками. Удивительно, но теперь зеркала оказались более благосклонны ко мне, моё отражение иногда меня радовало.

От Большого Кондратьевского переулка, где я снимала квартиру, до Патриарших прудов прогулочным шагом минут двадцать пять. И хотя это место безумно напоминало мне Андрея, я почти каждый вечер приходила сюда: садилась на нашу скамейку, смотрела на лебедей, терзала себя мыслями об Андрее и о своей проклятой гордости, которая помешала нам быть вместе. Проходя мимо детской площадки, жалела, что у меня нет детей. В отвратительном настроении приходила домой и полночи ворочалась в кровати без сна.

Но в этот раз я не стала задерживаться на Патриках, а дошла до нашего особняка. К моему удивлению, музей был открыт для посетителей, и меня снова потянуло в дом.

Пожилой незнакомый охранник в очках попросил меня расписаться в журнале. Я взглянула на него с непониманием.

- Полагается расписаться. Билетов ведь нет, - нехотя объяснил он. – И тапочки не забудьте, - он показал рукой на ящик с безобразными войлочными тапками.

Я неразборчиво нацарапала фамилию и с отвращением надела тапки. После того, как я снова оказалась на месте убийства Андрея, сердце жалобно заныло. Вошла в гостиную, остановилась. Пару месяцев назад за обеденным столом писателя, я нарисовала Андрею план дома.

В холле раздались поставленный голос экскурсовода и шаги посетителей, я поспешила укрылась в смежной комнате. Воспользовавшись тем, что за мной никто не наблюдал, подошла к камину, листок на подоконнике привлек мое внимание, взяла его в руки: тот самый план подвала, где Фаина спрятала драгоценности. Крестик стоял там, где уже не было драгоценностей. Последний раз я видела послание из прошлого, лежащим на столе в гостиной, откуда исчез самым таинственным образом. Неужели Степан снова подает мне знак?

- Ты здесь? – шепотом спросила я, озираясь вокруг.

В соседней комнате раздался смех, видимо, экскурсовод рассказал какую-то пикантную подробность из жизни писателя. Но мой вопрос остался безответным.

- Помоги мне, пожалуйста! – взмолилась я в пустоту. – Ведь ты же не хочешь, чтобы убийство твоего внука осталось безнаказанным. Я знаю, ты пытался предупредить нас.

Вероятно мой голос услышала сотрудница музея, заглянувшая в комнату.

- Женщина, что вы делаете? Отойдите от камина. Это единственная вещь, которая осталась от Петушинских ...

- Мне ли не знать об этом, - пробурчала я тихо, заметив, что на самом деле стою, привалившись спиной к камину.

- И если каждый будет так облакачиваться на него...

- Извините, - я отошла от камина на безопасное расстояние, но смотрительница уже не сводила с меня подозрительного взгляда.

- Если вы интересуетесь жизнью писателя, вам лучше присоединиться к экскурсии.

Я покачала головой, едва сдерживаясь, чтобы не попросить её убраться куда подальше. Возможно, если бы она здесь не торчала, Степан подал бы мне знак. Почему-то я испытывала странную уверенность, что листок на камине появился не случайно. Он определённо хотел дать мне что-то понять. Но что? То, что Андрея убили из-за драгоценностей?

- Между прочим, зря вы отказываетесь, - настаивала смотрительница. – У вас вряд ли ещё возникнет такая возможность - музей закрывают.

- Как закрывают? – я живо повернулась к ней и подошла ближе.

- Вот так. Новый владелец появился. Француз какой-то. Какое дело ему до нашего пролетарского писателя? В общем, руководство музея выдало распоряжение освободить помещение. А куда всё это девать? – пожилая женщина обвела рукой комнату. – Здесь же кровать, на которой спал сам Коньков, вещи, которые он собирал, книги. А в филиале в Нижнем Новгороде, где писатель провёл детство, слишком маленькое помещение. Ну, что-то они, конечно, возьмут. Но всё остальное?

Я внутренне сжалась. Знала бы эта тётенька, с кем она разговаривает. Наверно, так бы не откровенничала. Значит, пока я пытаюсь найти убийцу, отец уже развил бурную деятельность. Надо же, как ему повезло с убийством Андрея, даже на адвоката тратиться не пришлось. После смерти Андрея он оказался единственным наследником.

- А этот музей пользуется популярностью? – спросила я для поддержания разговора.

- Конечно, - заверила меня тётушка. – Школьники приходят сюда с учителями, когда произведения Конькова проходят по литературе. А теперь этот буржуй продаст здание какому-нибудь банку. И плевать ему на всё. Иностранцы проклятые, всю Москву скупили. В центре одни иностранцы и живут. Евроремонты понаделали. Тьфу!

- А вы знали прежнего владельца музея? – спросила я.

- Сергея Степановича? Конечно. Милейший человек. Он всегда говорил, что не позволит, чтобы музей закрыли. Он помогал с ремонтом, находил спонсоров. И сыночек его, Андрей, собирался дело отца продолжить. Царство ему небесное! За что убили-то его, никто так и не знает. Мы так надеялись, что он станет наследником, и вот на тебе...

- Вы знали Андрея?

- Да кто же его не знал? Прекрасный был молодой человек. Не то, что современная молодёжь.

- Послушайте! – я придвинулась ближе и, понизив голос, сказала: – Могли бы мы побеседовать где-нибудь наедине?

Приветливое выражение лица женщины изменилось, стало настороженным и неприятным, бледные губы сжались в тонкую полоску, и вся она как-то подобралась и даже сделала шаг назад.

- А вы из милиции что ли? Так уже приходили, всех опрашивали. Да только не ищут они никого. У нас в подъезде девчонку убили, когда с работы возвращалась. Думаете, нашли? Ничего подобного. Им специально платить надо за работу. А так только сделают несколько допросов для вида и закрывают дела за отсутствием улик.

- Нет, я не из милиции. Я всё объясню. Когда вы заканчиваете работу, я провожу вас до метро?

- Ну да, а вдруг, вы меня тоже убьёте по дороге?

- Всего несколько вопросов, - мой голос задрожал. – Прошу вас, это очень важно.

Тётенька смотрела на меня с подозрением.

- Я подруга Андрея, - неожиданно сорвалось с моих губ, прежде чем я успела подумать.

- Неужели?! - она оглядела меня с ног до головы оценивающим взглядом. – Ну, если подруга, то ладно, - она посмотрела на часы, - мы уже скоро закрываемся, - если подождёшь полчаса, можем поговорить по дороге.

ГЛАВА 14

Полчаса я провела в маленьком скверике, сидя на скамейке и слушая журчащий фонтан. Мысли путались, как всегда случалось, когда я находилась рядом с этим домом. То, что первое

время пугало меня, стало привычным. Никто не знает, что происходит после смерти. Может, и живут дальше наши души, переселяются в другие тела, пытаюсь разрешить старые проблемы. Я подивилась своим мыслям. Ещё пару месяцев назад, думала совершенно иначе. Впрочем, о чём это я? Мне надо подготовиться к разговору со смотрительницей из музея. Использовать нашу встречу, чтобы вытянуть из нее как можно больше информации, другого раза может и не быть. В первую очередь постараться выпытать как можно больше сведений о Тимуре: его домашний адрес, телефон, университет, в котором он учится. Раз он не идёт на контакт, значит, придётся всё узнавать окольными путями. И ещё мне хотелось подробнее узнать о камере, которая установлена в гостиной. Если бы менты видели эту запись и прослушали наш разговор с Андреем, они бы обязательно вызвали меня и стали расспрашивать о тайнике. Но, и это казалось мне удивительным, следовательно ни разу не вызвал меня на допрос. Считает, что я уехала во Францию или.... Эмиль сказал, что у него создалось впечатление, что они хотят повесть убийство на кого угодно. Закрыть дело любой ценой. Может, мой вездесущий отец и здесь вмешался? Приплатил кому следует, чтобы наша фамилия не оказалась замешанной в убийстве. Ах, папа, папа и зачем тебе сдался наш фамильный особняк? Ведь из всей огромной семьи остались только ты да я. И нам не жить во всех домах и квартирах, которые ты купил. Случись, что с нами и даже наследников нет. Другое дело, если бы я оказалась беременной от Андрея! Малыш! Наш сын с Андреем. Тогда мне было бы для кого жить и кому подарить накопившуюся за одинокие годы любовь. Пару недель я носилась с этой мечтой, но... Я отвернулась от молодой женщины, наклонившейся над коляской. Но видно такая уж у меня судьба. Усилием воли заставила себя переключиться, - сейчас не время, чтобы предаваться жалости к себе.

Я посмотрела на часы и направилась к музею. Через несколько минут появилась моя новая знакомая. На вид ей было около шестидесяти-шестидесяти пяти. Грустное интеллигентное лицо с морщинками, нелепый шарфик, прикрывающий морщинистую шею. Старомодная сумочка из искусственной кожи.

- Что вы хотели узнать?

- Давайте сначала познакомимся, - мягко сказала я. - Меня зовут Лиза. А вас?

- Зинаида Васильевна, - нехотя ответила она, не глядя мне в глаза.

- Зинаида Васильевна, здесь рядом есть кафе. Давайте зайдём выпить чаю.

- Подобные заведения не для моей зарплаты, а за чужой счёт я не хожу. Да и времени у меня нет. Ещё надо внука из садика забрать.

- Хорошо, я вас провожу до метро. - Мы сделали несколько шагов молча, перешли по наземному переходу и оказались на бульваре.

- В музее работали двое сторожей, - осторожно начала я. - Меня интересует один из них. Его зовут Тимур. Мне нужны его паспортные данные, адрес, телефон.

- Зачем вам это? Вы его подозреваете в убийстве?

Секунду я колебалась с ответом.

- Скажем так, он один из подозреваемых.

- Вы сами решили найти убийцу? - она, наконец, посмотрела на меня и быстро отвела взгляд.

- Да, пытаюсь, - честно призналась я. - Вы же понимаете, что никто не будет искать. Андрей птица не того полёта.

Зинаида Васильевна согласно кивнула и, помолчав некоторое время, сказала:

- Тимур не дежурил в ту ночь.

- Я знаю. Но он вполне мог там появиться под предлогом, что забыл какие-нибудь вещи. Учебник, например. Андрей в это время находился в музее один. Александр Петрович ушёл домой. К тому же Тимур мне кажется подозрительным. Однажды встретилась с ним, и мне показалось, что он что-то скрывает.

- Я видела его всего пару раз, неприятный тип, - согласилась Зинаида Васильевна. - И то, что вы сказали, не лишено смысла. Но зачем ему убивать Андрея?

- Этого я пока не знаю.

- И кого вы ещё подозреваете?

- Вы его не знаете. Один знакомый Андрея. - Моё сердце сжалось, когда я подумала об Эмиле! Я так до сих пор не могла заставить себя собирать о нём дополнительную информацию.

- Понятно. А я вот что думаю, милочка. Если вам интересно, конечно. – Я энергично кивнула и она продолжила. - Я просто уверена, что Андрея убил кто-нибудь из Петушинских. Не своими руками, конечно. Наняли профессионального убийцу. Вы так не считаете?

Я почувствовала спазм в горле. Знала бы она, с кем разговаривает.

- Я проверяла эту версию, - тихо сказала я, стараясь, чтобы мой голос не дрожал. – Чтобы получить дом, им нужно было только нанять хорошего адвоката. Они бы выиграли дело.

- Возможно, не буду спорить. Просто они единственные, для кого это имело смысл. И если вы уж взялись за это дело, то проверьте эту версию ещё раз. – Мы дошли до конца бульвара и остановились. Внимательные глаза Зинаиды Васильевны встретились с моими, и я постаралась выдержать её взгляд, несмотря на то, что творилось у меня внутри. – А в том, что касается Тимура, я постараюсь вам помочь. Ради Андрея. Кто знает, вдруг, у вас действительно получится найти этого мерзавца. Моя подруга работает в бухгалтерии. У неё есть все сведения, я попрошу ее.

- Можно ещё один вопрос?

- Спрашивайте.

- В гостиной висит камера, на которую записывается всё, что происходит в музее. Нельзя ли как-нибудь взглянуть.

- Не думаю, что там есть что-то интересное. Запись просматривал следователь. Он признался кому-то, что к моменту убийства плёнка оказалась совершенно чистой.

- Последний вопрос, можно? – Зинаида Васильевна кивнула, бросив взгляд на часы на руке. – Как давно вы работаете в музее?

- Около пяти лет, как вышла на пенсию.

- Не замечали ли вы что-нибудь странного? Ну, например, чашка начинала дрожать на столе или ... Так, словно там кто-то есть. Знаете, в старых домах такое случается.

Зинаида Васильевна посмотрела на меня с удивлением.

- Нет, не замечала. А почему вы спрашиваете?

Я почувствовала себя глупо.

- Нет, ничего, мне, наверно, показалось. Спасибо вам за помощь.

Зинаида Васильевна поспешила к переходу, а я вновь пошла вниз по бульвару. Её слова, что кто-то из семьи Петушинских, мог убить Андрея, напомнили мне об отце. С тех пор, как мы расстались в день убийства Андрея, он мне позвонил лишь однажды. Потребовал, чтобы я вернулась. А когда я отказалась, пришёл в дикую ярость. Сказал, что я такая же как моя сумасшедшая мать, которая вместо того, чтобы благодарить за все блага, которые ей достались, лишила себя жизни.

- Моя мать не сумасшедшая! - закричала я. – Она просто не смогла жить с тобой. А это разные вещи. Я тоже больше не хочу!

- Тех денег, которые ты сняла с карточки, тебе надолго не хватит. А других я тебе не вышлю. Имей в виду, что если ты не вернёшься, я перепису завещание. Ты останешься нищей и никогда не сможешь вернуться во Францию.

Я засмеялась.

- Не в твоей власти лишить меня гражданства. Но на всякий случай скажу, что я не против умереть в России.

- Дура!

Я нажала отбой. Больше мы не общались. Как, вообще, я могла прожить с ним столько лет под одной крышей?

ГЛАВА 15

Утром я поехала на могилку Андрея. Во вторник на кладбище мало народу. Проходя мимо памятника жертвам в Чернобыле, вижу небольшую траурную процессию. Мужчины несут на плечах коричневый, отделанный золотом, гроб. Женщины в чёрных платьях, пожилые в платках. Провожают в последний путь. Вот так совсем недавно и мы хоронили Андрея. Я помню почти физическую боль, когда на гроб стали бросать комья глиняной земли. Мне хотелось их остановить,

закричать, что ему больно, что он задохнётся в земле. Я искусала губы до крови, но сдержалась, даже не заплакала. Хватило тогда и Варькиной истерики.

Я налила воды в заранее приготовленную бутылку, чтобы поставить розы и свернула на узкую тропинку. Здесь никого не было, лишь бесновались в низкорослом кустарнике воробьи, издавая неуместное весёлое чирикание. Ну почему, почему в жизни всё так не справедливо? И зачем бог всегда старается забрать пораньше хороших людей?

Ещё один поворот, нужный сто первый указатель, я пробираюсь между могил, вглядываясь в фотографии на памятниках, думая, что все эти люди когда-то любили, страдали, к чему-то шли и... в конце концов успокоились здесь, больше ничего не желая.

Неожиданно я вздрогнула. У могилки Андрея на корточках сидела девушка в синем платье. До меня долетели рыдания. Я повернулась, чтобы уйти, но под моей ногой хрустнула ветка, и девушка повернула заплаканное лицо. Варька!

- Ты?! - Она с ненавистью посмотрела на меня. - Что тебе здесь нужно? Убирайся вон!

Если бы она не вела себя так вызывающе, я бы ушла сама. В конце концов, она пришла первой и имеет право поплакать в одиночестве, но её странная необоснованная ненависть ко мне удивляла меня, и в этот раз я решила докопаться до ее истоков.

Да и характер мой тут же заявил о себе, и пусть не место здесь выяснению отношений, все же не могла я стерпеть, чтобы со мной подобным тоном разговаривала какая-то девчонка почти в два раза младше меня. Я спокойно подошла к ней ближе.

- Кто дал тебе право так разговаривать со мной? – ледяным тоном заявила я. - Тебе не кажется, что на кладбище может прийти любой человек?

- Да как тебе не стыдно?! – вредна Варька упорно продолжала говорить мне «ты», хотя права такого ей никто не давал. - Как ты можешь? Хочешь успокоить свою совесть, тем, что приносишь гадкие цветы? Я их все равно выкину. Ему ничего не надо от тебя.

Она схватила завядшие гвоздики с могилки и попыталась бросить в меня. Я перехватила её за руку. Сейчас, стоя рядом с ней, я почувствовала запах спиртного. Мой взгляд упал вниз. Из открытой сумки, стоящей прямо на земле, торчала бутылка коньяку.

- Ты пьяна, - я с отвращением отпустила её руку. – Веди себя хотя бы прилично.

- Да, пьяна. Ну и что? Да я, может, пришла сюда застрелиться, как эта, как там её, любовница Есенина. Я жить не могу без него. Понимаешь ты, сучка иностранная?

Глаза у Варьки были совершенно бешенные, и я ударила её по щеке.

- Прекрати истерику!

- Не трогай меня! – заорала Варька. – Почему тебя никак не арестуют? Ведь сказала же этому следоку, что убийство Андрея твоих рук дело.

Я непроизвольно отшатнулась. Второй день подряд я слышала о том, что меня обвиняют в том, что я убила Андрея.

- Что, правда глаза колит? Ты, сучка богатая, втёрлась к нему в доверие и, воспользовавшись, этим, прикончила его. А еще ментам приплатила, чтобы они тебя не тронули. Всё с тобой ясно, только вот зачем ты сюда таскаешься? Неужели совесть замучила?

Внезапно на меня накатила дикая усталость. Я даже перестала злиться на Варьку. Мы обе любили Андрея, и обе его потеряли. Ей также больно, как и мне. Может быть, даже больнее, ведь в молодости все переживаешь острее. У меня даже мелькнула мысль: а если бы не появилась здесь, вдруг бы она и, правда, напилась, а потом бы себе вены порезала?

- Я не убивала его, - тихо сказала я, глядя в её прозрачные от слёз серые глаза с пушистыми темными ресницами. – Я тоже его любила.

- Ты?! – с удивлением переспросила Варька, словно перед ней стояла шамкающая зубами старуха.

- Да я! А что здесь такого?! Думаешь, только молоденькие и хорошенькие имеют право любить? И я не меньше тебя хочу выяснить, кто убил Андрея. Для этого и осталась в Москве, чтобы провести собственное расследование. И вовсе не я приплатила ментам, - как ты выражаешься, - а вашей стране такой уголовный розыск. И, вообще, может, ты все-таки считаешь меня виноватой в убийстве?

- Но ты же после его смерти стала единственной наследницей.

- Во-первых, не я, а мой отец. Законы могла бы почитать, - поправила её я. – А во-вторых, для того, чтобы забрать у Андрея этот особняк, был всего лишь нужен хороший адвокат, чтобы доказать, что Андрей не имеет к нему прямого отношения.

- Это еще почему, если он Петушинский?

- Он неродной сын, и адвокат мог легко доказать, что отец Андрея был введен в заблуждение.

- И потом, если предположить, что ты права, как ты думаешь, зачем я торчу в Москве? Я вполне могла бы вернуться в Париж.

- Может, с тебя взяли подписку о невыезде из страны?

- Нет, меня даже не вызывали к следователю.

- Но... почему?

- Не знаю, - я покачала головой и прислонилась спиной к дереву. Ноги не держали меня, какая-то слабость парализовала меня. В голову пришла странная мысль: Что я делаю в этой чужой стране, где меня все ненавидят?

Варька достала из сумки бутылку коньяку и отхлебнула глоток. Потом снова посмотрела на меня.

- Хочешь, помянуть его?

Я кивнула, и Варька протянула мне бутылку. Быстро, однако, я её убедила, что не причастна к убийству. Впрочем, несмотря на свой математический, как говорил Андрей, склад ума, Варька казалась мне недалёкой деревенской девушкой, совершенно не разбирающейся в людях. Неужели Андрей с ней спал? Ведь она влюблена в него, как кошка.

- Надеюсь, ты не собиралась на самом деле повторить подвиг Бениславской? – спросила я, чтобы отвлечься.

- Кто это? – Варька посмотрела на меня мутноватыми глазами.

«Вот повело девку от коньяку, - подумала я. Сразу видно, что пить не привыкла».

- Галя Бениславская? Подруга Есенина, которая покончила с собой на его могиле.

- Я ее понимаю, - выкрикнула Варька. - А как жить без любимого? – выкрикнула Варька. - Как? Ведь если ты любила его, ты понимаешь, что другого такого нет и не будет!

Я кивнула. Мысль о самоубийстве не приходила мне в голову, но я тоже не знала «как жить без него». Хорошо, что пока тешила себя расследованием. А потом? Когда я найду убийцу, что я буду делать?

- Надо жить! – резко сказала я и, схватив Варьку за плечи, повернула к могиле. – Он, Андрей, любил жизнь как никто другой. Ему бы не понравились твои слова.

Варька отвернулась.

- Он никогда не воспринимал меня всерьёз. Только дружеские отношения. Как я его не соблазняла.

Я усмехнулась про себя. Значит, Андрюшка не врал, когда говорил, что они просто друзья. Мне стало легче. Неужели ревность продолжает жить, когда человек уже мертв? Мне стало неожиданно жаль Варьку. Она так и не узнала, что такое губы Андрея, руки, обнимающие тебя так, словно ты поднимаешься к небесам, а сердце несётся вниз. Ей не повезло. Маленькая безответно влюбленная девочка.

- Но у тебя же есть парень. Андрей не хотел вмешиваться. – Вот теперь мне приходится её утешать. А я терпеть не могу этих бабских разговоров. Любит, не любит. Ромашка. Я и подруг-то никогда не заводила, потому что сплошное нытьё о мужиках, да о детях.

- Я его не люблю, - тихо сказала Варька и потянулась за коньяком, но я перехватила её руку.

- Тебе хватит. – Я взяла бутылку и, сделав большой глоток, положила себе в сумку. – Если не любишь, зачем встречаешься, голову ему и себе морочишь?

- Я боюсь, он убьёт меня, - прохныкала Варька. – Он же бандит.

- Зачем, вообще, с такими дела иметь?! - я с раздражением посмотрела на Варьку, помешавшую мне спокойно побыть на могилке Андрея. Поговорить с ним. Рассказать, как я жалею о том, что не доверяла ему. Ну что уж теперь делать? Оставим это до другого раза. Придётся везти девчонку домой. И что бы уж совсем день не пропал, поспрашивать кое о чём.

- Давай-ка соберись, - я потрясла обмякшую девушку за плечи. – Мы сейчас доедем до метро и где-нибудь выпьем кофе. Ты вполне можешь поучаствовать в моем расследовании.

- Это ты что ли следователь? – она попыталась надменно прищуриться, но её качнуло, если бы я её не поддержала, она свалилась бы на могилу.

- Ты держись лучше, - раздраженно сказала я.

- Отойди, я хочу с ним попрощаться.

Я пожала плечами и, повернувшись спиной, стала пробираться по узкой тропинке.

ГЛАВА 16

Пока мы доехали до метро, Варька немного вздремнула в автобусе. Потом затащила ее в уличное кафе. Сейчас после чашки кофе и тарелки пельменей девчонка выглядела вполне трезвой. Даже снова пыталась дерзить:

- Ну и что тебе удалось расследовать?

- Пока немного, - спокойно сказала я, - пока ехала в автобусе, в моей голове сложился план, для исполнения которого мне нужна была Варька. - Но есть парочка версий, которые ты можешь мне помочь проверить.

Зинаида Васильевна сдержала своё слово и принесла мне полный отчёт из отдела кадров о Ведёрникове Тимуре Вадимовиче. Так что теперь я знала его адрес, домашний телефон, паспортные данные. У меня даже была его маленькая фотография с анкеты. Пока я рылась в сумке, Варька задумчиво проговорила:

- Странно всё это. Кому могло понадобиться убить Андрея?

Я достала бумаги и посмотрела на Варьку.

- Я не могу всего рассказать, тебе придётся поверить мне на слово, но причина была.

- Ты хочешь, чтобы я тебе помогала и не можешь сказать? – взвилась Варька.

- Пока не могу, эта история касается только нашей семьи.

- Тогда я не буду тебе помогать!

- Как хочешь. Просто я подумала, что тебе не безразлично, кто убил Андрея. Но ты, похоже, из тех, кто может только слёзы проливать, да напиваться, - я подозвала проходящего мимо официанта и попросила счет, давая девушке понять, что ее помощь меня мало интересует.

- Подожди! – Варька сделала движение, словно хотела взять меня за руку, но не решилась. – Если ты серьёзно, то я готова.

- Правда? – мой голос нарочито звучал насмешливо. – А как же женское любопытство?

- Ну ты же мне расскажешь, что смогла узнать, - сейчас она выглядела маленьким, слегка обиженным ребёнком. – А семейные тайны пусть останутся при вас. – Она вздохнула. – Куда нам с богачами тягаться.

- Перестань, а? – прервала её я. – На всякий случай скажу тебе, что когда я отказалась вернуться в Париж, отец оставил меня без денег. А своих у меня нет. Так что я теперь тоже зарабатываю. Уроками французского.

Варька захлопала глазами. Надо отдать ей должное, что даже без косметики, после истерики и возлияний она выглядела свеженькой. Впервые я не завидовала её молодости. Может, она, конечно, и талантливый математик, но в обычной жизни самая обыкновенная глупышка. Как мне быстро удалось её убедить, что не замешана в убийстве? Только потому, что призналась в своей любви?

- И... как ты живёшь без своих миллионов?

- Вполне нормально, - отрезала я. - Давай лучше поговорим о деле. Это единственное, что сейчас важно. – Я достала из сумки фотографию Тимура и протянула девушке. – Ты знаешь кто это?

Варька взяла фотографию в руки и некоторое время внимательно рассматривала.

- Думаю, что нет. Очень незапоминающееся лицо, таких много. Если только мельком видела, но вряд ли, - он вернула мне фото. – И кто это?

- Ведёрников Тимур. 1984 года рождения. Проживает в Москве. Учится в Плехановской академии. Ночной сторож музея, сменщик дяди Саши.

- Вот откуда, мне знакомо его имя, - оживилась Варька. – Дядя Саша о нём говорил, да и Андрей тоже. Но я его не видела.

- Ты не была в музее?

- Конечно, была. Андрей водил меня туда несколько раз. Только там всегда дежурил дядя Саша. Они же все помешались на этом доме. А по мне, лучше бы продали. Такие деньжищи бы получили.

- Ты уверена, что Тимур тебя не знает?

- Откуда? Но зачем тебе это?

- Тебе придётся с ним познакомиться. Мне нужна любая информация о нём и его девице. Её зовут, - я поморщилась, вспоминая готическую, как я в шутку называла её про себя, девушку Тимура. – В общем, он называл её Ксюха.

- Оксана?

- Не знаю, может Ксения, - предположила я. – Один раз я попыталась с ним встретиться и поняла, что он что-то скрывает.

- Он убил Андрея? – подалась вперёд Варька.

- Не уверена, но скажем так: он первый подозреваемый в моём списке.

- А второй?

Я улыбнулась.

- Варь, давай займёмся сначала первым. – Ты с этим Тимуром одного возраста. Наверное, можешь с ним где-то пересечься, разговориться. Сходить в клуб или в гости. Ты девушка красивая, он на тебя сразу клюнет.

- Ты хочешь, чтобы я с ним...- глаза девушки расширились от изумления. – Да мне моего козла хватает. Я знаешь, как от него устала.

- Неужели для того, чтобы что-то узнать, обязательно надо вступать в близкие отношения? Ты можешь просто пофлиртовать или подружиться с ним? У тебя есть какие-то знакомые в Плехановской академии?

Пару минут Варька молчала, раздумывая, потом хлопнула себя по лбу.

- Настька Кудрявцева там учится. Как же я сразу забыла.

Я снова подумала, что математики и на самом деле люди рассеянные. Любому нормальному человеку, когда я назвала Плехановскую академию, вспомнились бы знакомые, которые там учатся. Варвара же сообразила только, когда я спросила.

- И кто это? – спросила я.

- Одна из моих подруг. На дискотеке познакомились. Знаешь, где? В «Самолёте» на Пресненском валу. Это здесь недалеко. Я тогда пришла одна и она тоже. Вот мы и...

- Позвони ей и спроси, знает ли она Тимура?

- Прямо сейчас?

- А чего тянуть-то? Чем скорее мы проверим эту версию, тем лучше.

Варька достала из ярко розовой сумки розовую мобильную раскладушку. Я слушала её болтовню, открывая для себя язык молодёжного жаргона. Через пару минут, она щелчком захлопнула телефон и посмотрела на меня с победоносным видом.

- Он учится с ней в одной группе. Настёна, конечно, удивилась. Спросила, зачем мне такой хмырь? Говорит, извращенка, - Варька хихикнула. – Ну, мы что-нибудь придумаем. Вечеринку какую-нибудь. Настя его пригласит, и я его сделаю. Дело-то несложное. Что узнать-то надо?

- Только ты на этой пьянке будешь самой трезвой, - строго сказала я, - потому что пить ты, девочка, не умеешь. А тебе будет нужна ясная голова. Так что будешь притворяться и подливать Тимуру, чтобы он совсем размяк и разболтал тебе всю свою жизнь. Ты должна держаться слегка недоступно, в то же время показывая, что он тебе нравится, но тебя нужно завоевать. И тогда-то желая похвастаться, как любой мужик, он тебе будет сулить горы золотые. А ты внимательно слушай. Если он вдруг проговориться, что у него скоро появятся деньги или он купит шикарную машину, будь настороже.

- Почему?

Я вздохнула.

- Потому что тогда это будет означать, что мы близко к разгадке.

- Но...

- Всё, Варь. Давай потом с вопросами. Это твоё первое задание. Не провали его.

- А ты что будешь делать?

- Проверять подозреваемого под номером два.

- И ты, конечно, не скажешь кто это?

- Конечно, нет, - я улыбнулась. На какой-то момент мне даже захотелось поправить упавшую ей на лоб кудрявую прядь волос. Ведь если бы моя жизнь сложилась иначе, у меня тоже могла быть дочь такого же возраста.

ГЛАВА 17

Пока Варька выполняла своё задание, мне предстояло заняться Эмилем. И кто бы знал, как не хотелось этого делать. Уже привыкла считать его своим другом, человеком на которого я могла положиться и кому могла доверять.

Впрочем, доверять никому нельзя. И любить нельзя. И верить. Истины, которые вдалбливал в голову мне отец. Андрей считал иначе. Поэтому он жил, а я существовала и до сих пор не имела ни друзей, ни подруг, ни любимого.

Я открыла свой блокнот и тупо уставилась на пять букв. Эмиль. Впрочем, что я знаю о нём? Почти ничего. Когда мы встречались, мы говорили об Андрее, и он подозрительно мало рассказывал о себе. Больше расспрашивал. Я налила кофе и встала у окна. Если Андрей рассказал Эмилю о драгоценностях, и Эмиль решил их присвоить, то у него появлялась причина желать смерти своего лучшего друга. В противном случае попадал в число подозреваемых. Убрав Андрея, он мог рассчитывать на то, что я уеду из России, потому что вопрос наследства с гибелью одного из наследуемых решался в этом случае сам собой.

Но я осталась и спутала все карты. Он убьёт меня, как только поймёт, что я его подозреваю. Хотя он мог сделать это ещё в подвале. Тогда почему не сделал? Пожалел меня? Чушь. Уж если он решился убить своего друга, то какое значение для него могла иметь я?

Меня бросало то в жар, то в холод, я не чувствовала вкуса горячего кофе. Противный липкий страх. «Тебе надо уехать из России», - сказал Эмиль, когда мы шли по бульвару. Конечно, если бы я уехала, ему не пришлось бы дважды рисковать. И всё же что-то здесь не сходилось. Мне срочно нужна дополнительная информация.

Я сняла трубку и набрала номер бабы Насти. Через несколько минут уже бежала пешком по знакомому маршруту, уговаривая себя, что я не должна трусить.

После чая я развалилась в кресле. Обед как всегда был прекрасен. В уголке мурлыкал телевизор. Очередная реклама чистящих средств. Баба Настя взялась за вязание. Какое-то время я тихо сидела, размышляя. Мне хотелось, чтобы мой вопрос прозвучал естественно. Просто как обычное женское любопытство. Больше всего на свете, мне не хотелось бы, чтобы баба Настя что-то заподозрила. Мы обсудили сериал, который смотрела баба Настя и только после этого я решилась:

- Расскажите мне об Эмиле. Мы иногда встречаемся, но он неохотно рассказывает о себе.

Старушка довязала ряд и положила вязание на колени. Потом сняла очки с толстыми стёклами и посмотрела на меня.

- Они дружили с детства. Очень хороший мальчик, хотя какой он сейчас мальчик, настоящий взрослый мужчина, - она улыбнулась. - Из приличной семьи. Только не повезло ему в жизни. - Баба Настя вздохнула.

- А что такое?

- Андрюша тебе не рассказывал?

- Нет.

- Ну и я не буду. Грустная история. Что тебя расстраивать? Ты вон и так с тех пор как сюда приехала, похудела. Кожа да кости. Приходила бы ты к нам почаще, я бы тебя кормила.

- Расскажите, пожалуйста. Просто мы с ним иногда встречаемся, и мне бы не хотелось попасть впросак. Мне тоже показалось, что он какой-то грустный, - придумала я на ходу, чувствуя, как часто бьётся сердце.

- Андрей не считал, что он виноват. Он вообще никого не обвинял. Умел входить в положение. Сколько он тогда с Эмилем водки выпил. Я уже боялась, что сопьётся. А он мне: «Баба Настя, я же не могу оставить друга в беде. Я боюсь, Эмиль руки на себя наложит». Я только и могла, что накормить их. Разве они меня слушали, что здоровье своё губят.

- Баба Настя, не говорите загадками. Я вас умоляю.

- Да нет тут никаких загадок. У Эмиля была невеста. То есть она и сейчас есть. Но ... разве эта жизнь, - старушка махнула рукой. – Я уж сколько ему говорила, чтобы он... Да ладно. Его дело. Но он же все деньги туда отдаёт, а она труп, труп почти. Надо отключить эти трубки. Даже родственники её согласны, а Эмиль говорит, что пока она живёт, он тоже может жить.

- Что произошло-то, авария? – тихо спросила я, уже не стараясь узнать всё с самого начала.

- Эмиль и его невеста, они к тому времени уже заявление подали, возвращались с дачи. Эмиль за рулём. Какая-то иномарка, знаешь, они летают, как бешеные, вылетела на встречную полосу. Он свернул на обочину, а затормозить не успел. Врезался в дерево. У него-то подушка безопасности сработала, а Галя... - голос у бабы Насти сорвался, и она договаривала уже в слезах. – Он положил её в частную клинику и оплачивает её содержание. Хотя все врачи говорят, что надеяться не на что. Мозг уже умер. Она растение.

Бедный Эмиль. Теперь понятно, почему в его глазах постоянная грусть. И как поверить в то, что он мог убить Андрея? Оглушенная историей, я пошла в ванную комнату, чтобы умыться и не расплакаться. С нервами просто беда. Чуть что и слёзы выступают. За этот вечер мы больше не возвращались к этой истории. И что-то ещё расспрашивать, сил не было.

Я долго сидела одна в комнате Андрея, рассматривая его школьные фотографии. С Эмилем они учились в одном классе. На всех фотографиях они стоят рядом. Два маленьких смешных мальчика в школьной форме почти одинакового роста. Только у одного очки, которые делают его строже. На любительских фотографиях у Андрея замечательная улыбка. Он всегда был красивым. Даже ребёнком. Красивым и добрым.

Всё-таки я разревелась. Не могу я без тебя, Андрюшка. Не могу! И за что же мне такое несчастье – полюбить впервые в жизни и потерять. И даже не сказать люблю. Я же скрытная, вся в себе. Я Петушинская. Если бы можно повернуть время вспять, ту ночь. Ночь, когда... Я зажала себе рот и свернулась калачиком на его диване. Воспоминания не отпустят меня никогда.

Мы возвращались из маленького ресторанчика, куда я с трудом уговорила Андрея зайти поужинать. Конечно, он не дал мне заплатить. Даже разозлился, когда я стала настаивать.

- Лиза, ты совсем меня за мужика не считаешь?

- Ну что ты, напротив, - я находилась в состоянии лёгкого опьянения, когда некоторые сдерживающие барьеры рушатся. Провела рукой по его лицу. Обвела пальчиком красивый изгиб его рта. Мы сидели в углу на диванчике в совершенно пустом зале. Даже официант и тот куда-то исчез. – Я считаю тебя настоящим мужчиной, - выдала я банальнейшую фразу, но он, не обратив на неё внимания, перехватил мои пальцы и начал целовать по одному. Тёплая волна, поднявшаяся снизу, накрыла меня с головой, сбивая дыхание.

- Андрей, - я запустила руку в его кудрявые волосы, чувствуя их шелковистость и замирая от новых ощущений. Он нашёл мои губы и поцеловал. Мир исчез, он провалился. Я забыла, где мы находимся. Вокруг всё плыло от его нежности, от долго сдерживаемых чувств. Я не разрешала себе думать об этом. Не хотела начинать наши отношения и умирала от желания начать.

Андрей сунул деньги в принесённую официантом папочку и потянул меня за руку на улицу. Нас накрыла душная июльская ночь с её фонарями, горящими рекламами и вечно спешащими автомобилями. Мы обнялись и прошли несколько шагов. Потом остановились и снова поцеловались.

- Как я этого боялась, - выдохнула я.

Он отстранился, и я почувствовала, что мне стало холодно.

- Мы ещё можем остановиться. Что значит, всего лишь один поцелуй?

- Нет, мы дойдём до конца, - я снова прижалась к нему, чувствуя родное тепло, вдыхая его слабый запах туалетной воды.

- Ты уверена, Лиз? Ты не пожалеешь?

- Нет, никогда.

Я не могла вспомнить, как мы дошли до «Марко Поло», как я взяла ключ и под пристальным взглядом знакомой девушки-администратора прошла с Андреем по коридору. Мы поднимались пешком и останавливались на каждом лестничном пролёте. Его губы, его руки становились всё нежнее и требовательнее. И вот уже мой номер. Я открываю дверь и успеваю порадоваться, что нигде ничего не разбросано. Отец приучил меня к безукоризненному порядку, и сейчас это оказалось кстати.

Мы не зажигали свет. Я расстегивала пуговицы на его рубашке, еле сдерживаясь, чтобы не дёрнуть изо всех сил. Потом прижалась лицом к груди и почувствовала, как билось его сердце. Его руки гладили меня по спине. Он старался быть нежным и не спешить. Даже слишком нежным.

Утром, перед тем как провалиться в сон, я поняла, что даже если мы останемся вместе, эту ночь нельзя будет повторить. Ни с ним, ни без него. Без него тем более. Если существует полное растворение в человеке, то это произошло. Когда умираешь, возрождаешься и понимаешь, что лучшее уже позади. И даже страшно. Сжимается всё внутри и сердце бестолково летит куда-то, бьётся в груди как залетевшая в комнату птица, которая никогда не найдёт выход на свободу. Потому что свободы больше нет. А есть вечная и сладкая зависимость от другого человека, от его взглядов, настроения, улыбки.

Когда я проснулась, Андрея рядом не было. Сначала я подумала, что он ванной, но, оглядевшись вокруг, заметила, что нет его вещей, которые я вчера разбросала вокруг. От разочарования я заплакала. Мне так хотелось прижаться к его небритой щеке и сказать, что так, как с ним у меня никогда не было, и что я чувствую себя абсолютно счастливой. Почему он ушёл? Не хотел меня видеть утром? Я часто слышала, как говорят, что когда всё закончено мужчине хочется побыстрее уйти. Исключение лишь составляет женщина, которую он любит. С ней хочется проснуться.

Андрей ушёл. А значит, - рассуждала я с самой собой, - я ему не нужна. И нужно лишь радоваться тому, что стареющая сорокалетняя женщина смогла увлечь его на несколько часов. Андрей красив и молод. И давай-ка, Элоиза, посмотрим правде в глаза: зачем ему ты? Я терзала себя, обливаясь слезами, совершенно не подозревая, что следующей ночью буду целовать его в холодные губы, ругая себя последними словами, что отказалась с ним встретиться.

Андрей позвонил вечером, когда мы ужинали с отцом и обычным голосом предложил встретиться. И мне это показалось ещё обиднее, чем он не позвонил бы вовсе. Я боялась, что он сделает вид, что ничего не произошло. Или ещё хуже того: предложит остаться друзьями. А что такого? Небольшой перепих? Кажется, так это называется в России. Абсолютно непере译водимое на французский язык слово.

Я пробормотала, что занята и нажала отбой. Поужинав с отцом, вернулась в номер, выпила полбутылки виски и упала в постель. А проснулась от звонка дяди Саши, что Андрея убили.

Только потом, когда я нашла его письмо, поняла, что он тоже боялся проснуться рядом со мной и увидеть в моих глазах, что он мне не нужен. Я воспользовалась им и ... больше не хочу его видеть. Он был слишком горд, чтобы позволить этому случиться. И всё же он сделал первый шаг навстречу, но моя гордость не позволила мне с ним встретиться. А ведь если бы я пошла с Андреем, мы снова оказались бы в моём номере, и убийца бы никогда не догадался искать его в «Марко Поло».

ГЛАВА 18

По дороге домой я думала о том, что мне рассказала баба Настя об Эмиле. Сколько же ему довелось пережить после катастрофы. Как простить себе случайное, но всё же убийство любимого человека? И как потом заставлять себя жить с этим грузом? Наверно, поэтому он не мог заставить себя отключить систему. Надеялся, верил. Но зачем поддерживать жизнь, если Галин мозг умер? А что же делать, похоронить и постараться забыть?

Я так увлеклась своими мыслями, что вздрогнула, когда кто-то взял меня за локоть:

- Лизи, ты ли это?

Передо мной собственной персоной совершенно неизменившийся, по-прежнему холёный, стоял Жан. Мужчина, которого я считала что любила. Несколько лет назад. Он бросил меня совершенно неожиданно после того, как мы решили пожениться.

Нельзя сказать, что я обрадовалась нашей неожиданной встрече. Это же надо натолкнуться на него в Москве. Да ещё в том состоянии, в котором я пребывала. Хорошо ещё, что перед уходом от бабы Насти я припудрила лицо и подправила подтёкшую косметику.

- Я не знал что ты в Москве, – продолжал щебетать Жан. – Ты изменилась, похорошела. Что ты здесь делаешь?

- Живу, - буркнула я, выдёргивая руку. – А ты?

- Приехал в командировку. Первый раз в Москве. Я не совсем тебя понял: ты живёшь здесь постоянно? А где твой отец? И чем занимаешься? – Жан засыпал меня вопросами. За эти годы я успела забыть, какой он болтун. Наверно, хорошо, что он меня тогда бросил.

- Я живу здесь одна, - ответила я на один вопрос, в душе надеясь, что его это удовлетворит.

- О, это тебе пошло на пользу. Ты похорошела. Я раньше никогда не видел тебя в джинсах. И тебе идёт твоя новая причёска. И макияж. И..

- Хватит, Жан. – Я прервала поток его комплиментов, несмотря на то, что мне приятно было услышать, что мой бывший считает, что прошедшие три года со времени нашего расставания пошли мне на пользу. Спасибо Андрею. Это он вытащил меня из костюмов, которые меня старили и заставил изменить причёску.

- Лизи, ты просто обязана со мной поужинать. Здесь рядом есть чудесный итальянский ресторан. Они неплохо готовят ризотто. Ты же любишь ризотто, правда? Помнишь, мы с тобой в Италии...

- Жан, я спешу, - я демонстративно посмотрела на часы.

- Лизи, идём. Ты расскажешь мне много интересного о Москве.

- Ты слышал, что я сказала, что спешу, - сказала я раздражённо.

- Я, в общем-то, хотел поговорить с тобой, - он вдруг стал серьёзным. – Даже попросить прощения за то, что тогда исчез без объяснений.

- Дело прошлое, - я пожала плечами. – Ты слишком высокого о себе мнения, если считаешь, что меня это до сих пор волнует.

- Но ведь ты так и не вышла замуж, правда?

- И что? Если я не вышла замуж, так вовсе не потому, что проливала слёзы из-за тебя. – Я прикусила язык. Вот уж не хватало встретиться в Москве для выяснения отношений.

- Но ты должна знать, почему это произошло. – Какие-то новые нотки, появившиеся в его голосе, заставили меня переменить решение. История, случившаяся с Жаком, оказалась не первой. Стоило мне с кем-то завести серьёзные отношения, и этот человек неожиданно исчезал из моей жизни. До Жака я встречалась с Полем. Поль тоже бросил меня. До сих пор я винила во всём свою несчастливую судьбу. Приехав в Москву и, увидев фотографию Степана, я осознала, что всю жизнь искала похожего на него человека, поэтому другие мужчины не затрагивали моей души. Он принадлежала этому незнакомцу, появлявшемуся в моих снах. Но всё же я была достаточно реальным человеком, чтобы выйти замуж и без большой любви. За подходящего человека, с которым у нас могли быть дети. Я не принадлежала к числу тех женщин, которые всю жизнь ждут одного единственного и если не встречаются, то остаются в одиночестве.

- Хорошо, но только чашечку кофе, - я позволила Жану взять себя под руку. Сейчас прикосновение его горячей руки мне казалось неприятным. Моя кожа никак не могла забыть прохладные пальцы Андрея.

В кафе я устала на Жана. Он немного изменился, но выглядел по-прежнему красавцем. Женственным красавцем. Ухоженные, причёсанные волосок к волоску, тёмные волосы, миндалевидные карие глаза, подошедшие больше женщине, правильной формы брови. Только сейчас я обратила внимание, что он их выщипывает. Мне стало смешно, и я посмотрела на его полированные ногти. Ходит в салон и делает маникюр. Почему-то я вспомнила руки Андрея с какими-то царапинами и заусенцами. Он никогда бы не стал выщипывать брови. Но он и не француз.

- Что ты будешь, Лизи?

Я поморщилась.

- Слушай, перестань меня так называть. Здесь все зовут меня Лизой и мне это нравится.

- Лиза, - попробовал на вкус моё новое имя Жан, конечно, исковеркав его. – На самом деле хорошо, что ты уехала от отца.

- Правда? – я насмешливо склонила голову набок. – Не думала, что нуждаюсь в одобрении.

- Извини. - Официант поставил маленькую чашечку восточного кофе перед Жаном и большую чашку капучино передо мной. Жан начал рассматривать свои ногти.

- Да ладно, продолжай, - я отхлебнула глоток горячего кофе с пенкой.

Жан рассматривал скатерть, не решаясь поднять на меня глаз. Кажется, за последнее время я привыкла, что люди что-то не договаривают, стесняясь меня, и стала более терпимой. А, может быть, это опять влияние Андрея. Он любил людей, доверял им и в каждом человеке пытался найти хорошее.

- Лизи, а я ведь предал тебя, - наконец, выговорил Жан.

- Нисколько не сомневалась, что ты нашёл кого-нибудь помоложе и погорячее в постели, - не выдержала я. – Помнишь, ты называл меня фригидной? Только я вовсе не фригидна. Просто ты не очень-то возбуждал меня. Тебе никто не говорил, что у тебя очень женственная внешность. Не случайно, вон тот официант, похожий на гомика, так на тебя уставился.

- Лизи, потише, - Жан смутился.

- Вряд ли он понимает наш французский, - заметила я, уже жалея о своих словах. Неужели до такой степени меня волнует моя неустроенная судьба, что я готова бросаться на каждого мужчину. Пусть даже его можно назвать бывшим. Мне стало неловко за себя. – Ты прав, извини. – Говори, что хотел. Обещаю больше не перебивать, - я постаралась придать своему тону теплоту, и видимо, у меня это получилось, потому что Жан сразу заговорил:

- Помнишь, когда мы решили пожениться, ты рассказала об этом своему отцу, и он одобрил это, – я кивнула. – Мне это тогда показалось подозрительным. Всё-таки твоя семья очень богата, а это был неравный брак. Потому что, несмотря на то, что неплохо зарабатываю, я никогда не смог бы поддерживать тот уровень жизни, к которому ты привыкла. И я, конечно, опасался, что твой отец будет возражать. Хотя с другой стороны, Лизи, я понимал, что если стану членом семьи Петушинских, моя карьера пойдёт в гору и со временем я смогу управлять вашей империей. В мечтах я заносился так высоко, что когда ты сказала, что отец не против, я скакал от восторга. - «Он прыгал от восторга не потому что влюблён в меня, а потому что его карьера пошла бы в гору», - с грустью, но спокойно отметила я. – Понимаю, что я идиот. Ты хороший человек, и я не должен был...

- Ох, ну хватит уже, - не выдержала я. – Ты собирался жениться на мне из-за денег моего отца и хотел сделать карьеру. Не скажу, что не подозревала, просто гнала от себя эти мысли. Хотелось думать, что кому-то нужна. – Я взяла в руки чашку и подумала об Андрее. Он боялся сказать мне, что любит ...- я не успела додумать мысль, как вдруг услышала тихий голос Жана.

- Я продал тебя из-за денег.

- Что?

- Твой отец, - быстро заговорил Жан, - через несколько дней после нашего разговора, явился ко мне на работу без предупреждения. Высокомерно оглядел мой бедный кабинет, в котором я трудился и предложил мне сделку.

У меня пересохло во рту. Я прекрасно помню, как мы вдвоём сидели за нашим огромным столом и обедали друг против друга. Кажется, я выбрала момент, когда принесли сладкое. И объявила отцу, что собираюсь замуж. Он тогда воспринял это достаточно спокойно. Сухо отметил, что у Жана не нашего круга, но мне уже достаточно много лет, чтобы дальше тянуть с устройством личной жизни. А в то же время он за моей спиной пошёл к моему жениху... Какая мерзость.

- И сколько же он тебе предложил?

- Это не важно. Сумма не так велика, как ты думаешь. Правда, он ещё предложил мне стать управляющим в одном из своих филиалов.

- Это в обмен на то, что ты откажешься от меня? – уточнила я с каким-то злорадством.

- Если исчезну навсегда из твоей жизни без объяснений.

- А если бы ты отказался? Если бы оказалось, что ты любил меня? Чем он тебе пригрозил?

- Прости, Лизи. Я испугался. Он сказал, что если я всё-таки женюсь на тебе, он лишит тебя наследства.

Ясное дело, что испугался он не из-за меня. Элоиза Петушинская без отца и империи мало его интересовала. Некоторое время мы молчали. Я пыталась переварить гадкое ощущение, что меня продали как вещь. И ещё более гадкое ощущение, что меня предал родной отец. Он не имел никакого права делать это за моей спиной. Думаю, что с Полем, который исчез из моей жизни семь лет назад, по всей видимости, произошла похожая история. Вот тебе и несчастная судьба. Всё продаётся в этой жизни. И тут я снова вспомнила Андрея. «Нет, не всё, - сказала я себе. – По крайней мере, мне повезло, что я любила человека, для которого деньги не имели той выдуманной ценности, которую им приписывают».

- Ты простишь меня? – после своего признания Жан выглядел пришибленным. Весь его лоск куда-то слетел. В уголках глаз резче проступили морщинки, подбородок больше, чем всегда казался безвольным. – Я просто хотел, чтобы ты знала.

- Если бы хотел, давно бы сказал, - спокойно заметила я.- Неужели думаешь, что я стала бы тебя удерживать или сказала бы отцу?

- Хорошо, что ты уехала, - снова повторил Жан, не отвечая на мой вопрос. – Ты и выглядишь по-другому. Когда ты жила с ним, ты казалась его тенью.

- С этим не могу не согласиться, - я достала из кошелька деньги за кофе и положила на стол. – Мне нужно идти. И знаешь, спасибо, что всё-таки набрался смелости и рассказал мне об этом. И обещаю, что не скажу об этом отцу.

- Это уже не важно, Лизи. Наши пути больше не пересекаются. У меня своя фирма.

После неожиданной встречи с моим женихом, я возвращалась домой в отвратительном настроении. Больше всего мне хотелось позвонить отцу и высказать всё, что накопилось за долгие годы. Упрекнуть его в том, что моя жизнь не состоялась. Если бы он не вмешивался, моя жизнь сложилась бы совершенно по-другому. Не знаю, жила бы я с Полем или Жаном, но, во всяком случае, у меня был бы ребёнок. И в моей жизни появился бы смысл. Я снова пожалела о том, что судьба не дала мне шанс забеременеть от Андрея. Насколько по-другому бы тогда воспринималась жизнь, если бы я знала, что ношу в себе частичку его.

Ах, Андрей! Но кто же всё-таки это сделал? Кто взял наши проклятые драгоценности? Чем больше я занимаюсь этим делом, тем меньше в нём понимаю. И видит бог, я не хочу подозревать в убийстве твоего лучшего друга. Мне кажется, что я предаю тебя, когда плохо думаю о том, кому ты доверял всю жизнь.

ГЛАВА 19

Голос Варьки, раздавшийся из мобильного телефона, показался мне спросонья слишком громким и возбуждённым. Старенький будильник показывал всего десять часов. Такая рань, если учесть, что заснула я лишь под утро.

Продиктовала Варьке адрес и отправилась в ванную умыться. Из зеркала на меня смотрело хмурое лицо сорокалетней женщины, которая накануне выпила несколько стаканчиков виски. «Наверно, я сопьюсь в России», - мрачно подумала я, принимаясь за утренний туалет. Просто вчера, когда я вернулась домой после разговора с Жаном, мне стало так плохо, что Джонни Уокер снова составил мне компанию. Бодрящий контрастный душ, кусок льда, которым я протёрла лицо и косметика немного подправили дело. Но настроение всё равно было отвратительным. Несмотря на то, что Варька сказала, что у неё много новостей. «Никакая информация не поможет вернуть Андрея», - мрачно думала я, помешивая кофе в старенькой турке, оставшейся от прежних хозяев.

- А у тебя скромненькая квартирка, да и домик так себе, - заметил нахальная девчонка с порога. – Трудно, наверно, перестраиваться? – она сбросила босоножки со своих стройных ножек и теперь стояла передо мной, высокая, цветущая и красивая. Почему-то рядом с ней я всегда чувствовала себя ещё старше. Наверно, и я не смогла уберечься от комплекса женщины среднего возраста.

- Будешь кофе? – я проигнорировала её вопрос о моём жилье. Вряд ли она поняла бы, если бы я пустилась с пространные объяснения о том, что уровень комфорта с некоторых пор потерял свою ценность для меня. Она бы посчитала это пустым бахвальством. Разве можно сравнить мою квартиру на Фош авеню в шестнадцатом округе, с той, которую я снимала сейчас. Впрочем, наверно, я немного кривила душой, потому что когда я выходила здесь на балкон и видела каменный мешок из домов и пару деревьев, то, конечно, скучала о своей террасе, откуда с высоты седьмого этажа открывался замечательный вид на Триумфальную арку, Са крэ Керр и Ля Дефанс. Впрочем, когда мешанство начинало меня доставать, а такое случалось, я начинала вспоминать Андрея. И всё сразу вставало на место.

- Кофе буду. И бутеры, если есть. Надо как-то взбодриться. У меня ещё семинары сегодня, а я ведь всю ночь не спала. - Варька плюхнулась на стул возле круглого кухонного стола и потянулась. Пока делала бутерброды, исподтишка рассматривала Варьку. Одета она была в короткие обтягивающие шортики чёрного цвета и бирюзовую кофточку с коротким рукавом. Светло-русые волосы распущены по плечам. На хорошеньком личике с острым носиком и удивительными серыми глазами ни следа усталости и припухлости. Хотела бы я так выглядеть после бессонной ночи. – Я встречалась с Тимуром, - она сделала театральную паузу и посмотрела на меня.

- Я уже поняла. Рассказывай. – Я поставила перед ней горячий кофе и бутерброды с колбасой.

- Знаешь, всё-таки мужики козлы, - авторитетно заявила она, - отпивая кофе. – Я всегда знала, чем их взять. Юбочка покороче, глазки поярче, улыбочка, и они тут как тут. Ведутся, как нечего делать. Да, как тебе мой прикид? – она вскочила со стула и встала передо мной в противной эротически журнальной позе, рука на бедре, плечи расправлены, а на лице маска хищницы.

- Садись лучше. Выглядишь как на панели. Давай лучше ближе к делу, - проворчала я.

- Ой, да ладно тебе. Может, у вас в Париже так не одеваются, а здесь в Москве девки с восьми утра при параде. Никогда не знаешь, где повезёт. То ли в офисе снять кого, то ли на дискотеке.

Я поморщилась. Как-то эта развязная девица не вязалась у меня с той, которая плакала на кладбище. Хотя, может, это она так в образ вошла.

- Моя подруга устроила вечеринку и пригласила этого хмыря, - Тимура. Ну и он, конечно, клюнул на меня. Правда, сначала собирался прийти со своей Ксюхой. Но ему быстренько намекнули, что девок будет полно.

- Кстати, Ксюха меня тоже интересуется, - заметила я ненароком.

- Подожди, с Ксюхой. В общем, за столом мы сидели рядом, я к нему слегка прижималась и, конечно, водки подливать не забывала. Потом пошли мы в комнату целоваться.

Меня чуть не вырвало, еле удержалась от едкого замечания, что я говорила, что она должна держаться недоступно.

- Ну а когда он под юбку полез, я, конечно, стала сопротивляться, - откровенничала Варька. – Я тоже, конечно, выпила, но чуть-чуть. Больше для того, чтобы не так противно было. И стала представлять, что я с Томом Крузом.

Я не выдержала и рассмеялась. Всё-таки Варька дура. Хоть бы ума хватило не рассказывать.

- Ну что ты смеёшься? Я со своим часто так делаю. Ты разве не пробовала? Если мужик тебе не очень приятен или неинтересен...

- Давай потом про интим и подробности, - перебила я Варьку. Ещё не хватало, мне взрослой бабе, у которой никогда не было мужа, а количество мужчин в моей жизни и вовсе можно по пальцам пересчитать, обсуждать с этой развратной молоденькой девицей, постельные фантазии. - Ты узнала что-нибудь?

- Ну, я же рассказываю. Что перебиваешь? Он мне под юбку, а я ему говорю, что так сразу не могу. Я хочу серьёзных отношений, любви там. А он мне сразу: «Да какая-токая любовь, я в неё не верю. В этом мире правят деньги. Скоро у меня столько бабла будет, что от таких как ты отбоя не будет. Ты ещё, детка, пожалеешь! Поэтому, соглашайся сегодня». Ну я, конечно, сделала вид, что заинтересовалась и спросила так насмешливо: «Ты что наследство собираешься получить?» А он усмехнулся так и говорит: «Для наследства я не в той семье родился.»

Сердце у меня опустилось куда-то вниз, руки задрожали. Варька ещё что-то болтала про его семью, но слова, хотя я их слышала, не доходили до моего сознания. Я с трудом выдохнула, сердце, отчаянно застучав, вернулось на место, но там ему стало тесно.

Господи! Неужели я нашла убийцу Андрея? Значит, все мои расчёты оказались правильными, он посмотрел видеозапись и узнал о тайнике. Побоялся, что Андрей догадается так же, как догадалась я, и убил его. Или в ту ночь Андрей пошёл в музей и помешал Тимуру выполнить задуманное? Вопросы путались в моей голове. А бестолковая Варька всё ещё болтала. Судя по всему, она наслаждалась тем, что мужчины сходили от неё с ума.

- Так теперь ты мне расскажешь, как всё это связано с убийством Андрея?

Я посмотрела на неё. Два сильно накрашенных пытливых глаза впились в меня, а на хорошеньком личике застыло упрямое выражение. Даже маленькие аккуратненькие ручки, казалось, выпустили коготки.

- Нет, Варь, не сейчас. Если будешь знать, не сможешь доиграть до конца.

- Неужели? – она развязно откинулась на маленьком стульчике, закинув ногу на ногу. – А если я скажу, что не буду больше ничего делать, пока ты не расколешься? Откуда я могу знать, что у тебя на уме? Может я всего лишь пешка в твоей игре?

Я усмехнулась. Много лет люди являлись пешками в финансовой империи Петушинских. И надо признаться, что мы с отцом использовали их на полную катушку, не беспокоясь о том, как они станут жить, если мы уволим их без выходного пособия, им нечем будет заплатить за кредит, и они потеряют то, чего добивались годами, дом, машину... Какое дело до их трудностей тем, кто с самого детства понимал, что отличается от других людей своей знаменитой фамилией, фабриками, банками и счетами? Но Андрей за короткое время нашего общения научил меня видеть людей. Конечно, ещё далеко было бы до утверждения, что я люблю людей, люблю так безоговорочно, как Андрей. Нет, думаю, что с этим даром нужно родиться, но всё же я стала гораздо мягче и внимательнее. Во всяком случае, сейчас мне не хотелось обижать Варю.

- Варь, пойми. Это не только моя тайна, но ещё и нашей семьи, - я понизила голос и слегка дотронулась до её руки. – Я всё расскажу, обещаю. Но не сейчас. Ты можешь немного подождать? Я прошу не за себя, за Андрея. Ведь мы же хотим найти убийцу, правда?

- Ладно, пусть будет по-твоему. Но если ты меня прокинешь... Не думай, что я позволю тебе вывести меня из игры. И не дай бог, если я узнаю, что ты замешана в этой истории, прямо или косвенно. Я убью тебя собственными руками. Пока вы не появились здесь, ваша проклятая семейка, всё было хорошо. Рано или поздно я добилась бы его. Ведь мы же жили рядом, - Варька сцепила пальцы и отвернулась к окну.

В этот момент я поняла, что вся эта бравада с мужиками, её развязное поведение и разыгрывание из себя женщины-вамп, всего лишь неумелая защита провинциальной девочки приехавшей в столицу, чтобы поступить в университет и попробовать, по крайней мере, попробовать как-то удержаться в этой жизни. Совершенно неожиданно я вспомнил, что рассказывал мне про неё Андрей, и то, что я совершенно забыла. Он подошёл к Варьке, когда она сидела на ступеньках университета и плакала. Ей некуда было пойти, и у неё закончились деньги. Тогда он привёл её к себе, поселил в комнате, где раньше жил отец.

- Ты молодец. Сегодняшняя информация очень важна для расследования. Мне кажется, что мы на правильном пути. – Я вспомнила об Эмиле. Какое счастье, если он не замешан в этом деле и мне не придётся копать под него.

- Тимур пригласил меня к себе домой. В воскресенье. В семь часов вечера. На всякий случай я сказала, что приду, - тихо сказала Варька. – Что мне делать?

Я замолчала, напряжённо раздумывая. Что же делать? Одно дело встречаться с подозреваемым убийцей в хорошо знакомой компании, где полно народу, другое дело с ним дома наедине. Если она долго будет сопротивляться, он может её изнасиловать. Или убить. Если он сделал такое один раз, сможет и второй. Но, с другой стороны, если она не пойдёт, тончайшая ниточка расследования оборвётся, и мы останемся ни с чем. Я вздохнула и подлила нам ещё кофе.

- Мы пойдём вместе, - неожиданно решила я. – Пока ты будешь у него дома, я буду сидеть на скамейке напротив дома, чтобы видеть окна. Если что-то пойдёт не так, просто подойди к окну.

- И что ты сделаешь?

- Поднимусь и позвоню в квартиру. Если он не будет открывать, попрошу помощи у соседей. Вызову милицию, взломаем дверь, - лихорадочно перечисляла я. На самом деле я ещё точно не

знала, что буду делать, но чувствовала уверенность, что не оставлю Варьку в беде. – Верь мне, всё будет хорошо. Но придётся рискнуть. Другого выхода нет.

- Вся надежда на меня? – её глаза сверкнули, а на лице появилась улыбка превосходства хорошенькой женщины, которая знает себе цену и прекрасно понимает своё влияние на мужчин.

- Именно, - подтвердила я и добавила. – Только не рискуй зря и не заводи его. Твоя задача выведать как можно больше информации. Откуда у него появятся деньги, и что он сможет сделать для тебя, если ты согласишься стать его женщиной?

- Мне надо...

- Успокойся, конечно, нет. Зачем тебе подобная мразь?! – возмутилась я.

- А ты знаешь, мой-то не лучше, - горестно заключила Варька. – Только денег у него нет.

- Тогда зачем ты с ним? Ведь ты же девочка не робкого десятка, я уже в этом убедилась.

- Не знаю, - Варька скривила губки. – Может, мне всё равно с кем? Женщина не должна быть одна.

- Странная у тебя философия, - заметила я.

Варька вскоре убежала в институт, а я вновь начала прокручивать в голове новые факты из жизни Тимура.

ГЛАВА 20

Я проводила Варьку до угла дома, где жил Тимур, а сама достала из кармана пачку сигарет и прикурила. Усмехнулась сама над собой. Видел бы меня сейчас отец. Буквально на прошлой неделе начала курить. И как-то быстро втянулась. Так же быстро пару месяцев назад пристрастилась к спиртному. Чем дальше продвигалась в своём расследовании, тем больше чувствовала, как хочется избавиться от напряжения, в котором постоянно находилась. И от двойного комплекса вины, от которого устала. Если бы я тогда из-за проклятого чувства гордыни не отказалась встретиться с Андреем, убийства бы не произошло, и если бы мне тогда не приснился этот дурацкий сон о нарисованном когда-то плане, Андрей сейчас был бы жив. Рассматривая это дело под всеми углами, я так и не смогла найти другой причины кроме драгоценностей, которая бы послужила мотивом для убийства.

На всякий случай в целях конспирации я убрала волосы под кепку и надела тёмные очки. Ведь если Тимур – убийца, значит, это именно он звонит мне с угрозами и предложением убраться вон из Москвы.

Я села на скамейку напротив дома Тимура и нашла его окна на третьем этаже. Выгоревшие занавески неопределённого цвета висели неаккуратными клоками.

Сидела я не больше пяти минут, когда увидела, что из подъезда выскочила Варька. Даже на расстоянии было видно, как она взволнованна. Некоторое время она не могла говорить, издавая какие-то нечленораздельные звуки, из которых я только смогла разобрать, что Тимура убили. Я усадила Варьку на скамейку и обняла, как маленького ребёнка, шепча ей какие-то нежные слова, пока она не успокоилась и не обрела дар речи.

Она долго звонила в дверь квартиры Тимура, пока из соседней квартиры не вышла пенсионерка и не рассказала, что два дня назад мужчина, выгуливающий утром собаку, который по чистой случайности ещё и оказался их соседом по подъезду, обнаружил на пустыре позади дома изуродованный труп Тимура.

- Соседка сказала, что ему нанесли двадцать шесть ножевых ранений, - заметила Варька и всхлипнула.

Я успокаивающе погладила её по мягким волосам.

- Ну не волнуйся. Что ещё она рассказывала?

- Не помню, - девушка потрясла головой и через пару минут сказала: - Ах, да. На полу в его комнате обнаружили нарисованную пентаграмму, залитую его кровью.

Я почувствовала, как у меня задрожали руки.

- Бог мой, ритуальное убийство.

Варька отстранилась и внимательно посмотрела на меня:

- Откуда ты знаешь?

- Ты упомянула пентаграмму. Недавно слышала по телевизору, что-то подобное произошло в Хабаровске. Это сделали готы. Ты знаешь кто это?

- Конечно. Сумасшедшие, которые ходят по кладбищам, якобы заряжаясь там энергетикой. Одеваются они прикольно, во всё чёрное со всякими там символами смерти. У нас есть парочка на курсе.

- Приблизительно так, - кивнула я.

- Но Тимур, насколько я поняла, не был готом?

- Нет, - подтвердила я. – Но для того, чтобы оказаться жертвой вовсе необязательно принадлежать к членам сего общества. Думаю даже, наоборот.

Внезапно Варька выпрямилась и с ужасом посмотрела на меня:

- Но... его девушка Ксюха... - Варька сцепила дрожащие пальцы. – О, Господи! Он же говорил мне, что она... - голос Варьки сорвался, и она умоляюще посмотрела на меня. – Ты же её видела?

- Она действительно похожа на готессу, - осторожно сказала я. - Во всяком случае, одевается в таком же стиле. - Но, - я взяла Варькину холодную, несмотря на тёплый день руку, - давай не будем пока ничего утверждать. Она может оказаться здесь совершенно не причём.

- Да ладно тебе, хватит меня успокаивать, - девушка вырвала руку и отодвинулась. – Ты мне просто не доверяешь. Сама-то не думаешь, что она не причём? Ведь не думаешь, да?

- Надо всё проверить. Посиди пока здесь, я схожу к соседке и попробую её расспросить. Вдруг она ещё что-то знает.

- А я?

- Я сказала: посиди. Тебе нужно успокоиться. Потом вместе поедem домой.

- Дай сигаретку?

- Ты разве куришь?

- Курю, когда нервничаю. Что ты на меня так смотришь? Ты мне не мама.

- Не груби, - машинально сказала я, вытаскивая из сумки пачку собрания. – Не куришь и не начинай. Тебе детей ещё рожать, - не удержалась я от наставлений, тем не менее, чиркая зажигалкой. Но руки у девчонки так тряслись, что мне пришлось прикурить самой и сунуть сигарету ей в рот.

Соседка, приятная старушка с аккуратно собранными в строгий пучок волосами, не сказала мне ничего нового. Она смотрела сериалы, ничего не слышала и не видела. Узнала от следователя, который зашёл к ней домой, чтобы расспросить. Он ничего ей не хотел рассказывать, но она, похваставшись, что умеет любого разговорить, всё-таки вытащила из следователя информацию про пентаграмму. В обмен на откровенность она поведала ему про Ксению. Я оказалась удивлена, но старушка казалась очень осведомлённой в молодёжных течениях. Узнав о пентаграмме, она сразу и посоветовала следователю заняться «странноватой девушкой в чёрной одежде с немыслимым макияжем».

Я вышла на улицу и подошла к Варьке. Она сидела, оперевшись локтями в колени, поддерживая свою хорошенькую головку ладошками.

Я устало опустила на скамейку, вытащила сигареты. В ответ на Варькин умоляющий взгляд снова прикурила для неё сигарету.

- Ну что?

- Ничего нового, - я пожала плечами. – Кроме того, что старушка подозревает Ксюху и сказала об этом следователю.

- Это неудивительно, она же его девушка?

- Если бы она на самом деле была его девушкой, то вряд ли он пригласил бы тебя сюда, - скептически заметила я. – Думаю, наша готесса хорошо оценивала свою роль в его жизни. И боялась остаться ни с чем.

Неожиданно Варька побледнела.

- Знаешь, я вспомнила. Он сказал, что «это дельце», на которое он всё намекал, ну ты понимаешь, должно очень скоро решиться. Возможно, он получил деньги, а она, зная об этом, его убила, чтобы забрать себе деньги.

- Даже, может быть, иначе, - медленно сказала я, обдумывая мысль, неожиданно промелькнувшую в голове. – Ксения могла использовать тягу секты к ритуальным убийствам, чтобы избавиться от Тимура и забрать всё себе. Или же сделать кого-то сообщником, чтобы потом с ним расплатиться из денег Тимура.

Пока мы обе размышляли над моей версией, у меня зазвонил телефон. Не глядя на определитель, я взяла трубку.

- Здравствуй, Лиза! – голос Эмиля звучал слегка встревожено. – Как ты там?

- Привет! – отозвалась я, облегчённо вздыхая от того, что в свете последних событий мне больше не надо подозревать Эмиля в убийстве его лучшего друга и в пропаже шкатулки.

- Как продвигается расследование?

Я посмотрела на Варьку, делавшую вид, что она не слушает, но, в то же время, ловившую каждое слово.

- Есть новости, - коротко сказала я. – Если свободен сегодня, можно где-нибудь выпить кофе.

- Конечно. Я перезвоню через полчаса, ладно?

Я бросила телефон в сумку и встретила подозрительный взгляд серых глаз.

- Ты с кем разговаривала, и какие такие новости у тебя есть? Кому ты собираешься рассказать про убийство Тимура?

Я ласково взъерошила Варькины волосы и легко сказала:

- Вопрос не корректен. Мало ли какие у меня могут быть новости и для кого. С чего ты взяла, что это связано с Тимуром.

- Но...

- Давай-ка поднимайся и поедem. У меня ещё есть дела. Да и тебе, наверно, нужно заниматься.

Всю дорогу мы молчали. Я знала, что Варька на меня обижена. Та ниточка понимания, которая протянулась между нами, пока я гладила её по голове, снова оборвалась. Но я не собиралась рассказывать о наших отношениях с Эмилем. Скрытность была мне присуща с детства. С моим отцом-то душевных разговоров не поведёшь, а подруг у меня не водилось. Вот и носила всё в себе. Хотя, конечно, мечтала, что когда-нибудь встречу человека, которому смогу всё доверить. Но даже когда встретила, многолетняя привычка победила желание.

Перед тем как расстаться, Варя посмотрела на меня и дурашливо спросила:

- Какие ещё будут задания?

- Пока никаких. Мне нужно подумать, - задумчиво сказала я.

- Тебе не кажется, что теперь надо попробовать подобраться к Ксении? - спросила Варька.

- Может и кажется, - уклончиво сказала я. – Да только сложно это.

- Я могу попробовать.

- И каким же образом?

- А это уже моё дело. Будут новости – позвоню. – Она повернулась на каблуках и пошла к метро, а я застыла на месте, поражённая каким-то неожиданным страхом за неё. Что она задумала? А ведь в том, что она что-то задумала, я не сомневалась ни минуты. И в этот момент, я поняла, что наряду с бабой Настей и дядей Сашей, эта девочка, молодости которой я раньше завидовала и к которой ревновала Андрея, как-то за один день перестала мне быть чужой.

ГЛАВА 21

Когда я встретилась с Эмилем, то с первого взгляда поняла, что в его жизни что-то произошло. Он ещё выглядел грустным, но казался более спокойным. По-хорошему спокойным, словно то, что мучило его ушло. Каким-то шестым чувством я поняла, что это было связано с его девушкой. И действительно после того, как я подробно рассказала ему об убийстве Тимура, и он выговорил мне за то, что я подвергла Варю и себя такому риску, а я пообещала, что мы с Варькой не будем предпринимать никаких действий, не посоветовавшись с ним, он сам завёл об этом разговор.

- Знаешь, а ведь я принял важное решение в моей жизни. Я отпустил её, - он повернулся ко мне, - мы сидели на скамейке, на Патриарших прудах, - Андрей ведь, наверное, рассказывал тебе эту историю?

Я просто кивнула, не вдаваясь в подробности, что узнала об этом от бабы Насти.

- Наконец, осознал, что так больше нельзя. Как бы я не хотел оправдывать себя, что она до сих пор жива, мне пришлось признать себя виноватым в её гибели. Надежды на то, что Галенька, - в этот момент у меня сжалось сердце, так проникновенно он назвал имя своей невесты, - когда-нибудь станет прежней, не было никакой. Так к чему продолжать растительное существование?

- Ты правильно сделал. И ты зря обвиняешь себя в её смерти, мне всегда казалось, что существует, ну Бог, не Бог не знаю, но какая-то высшая сила, которая определяет, сколько нам жить. И только кажется, что мы что-то решаем или в чём-то виноваты. Знать бы, что произойдёт авария, можно было и за руль не садиться. Думаю, что ты сделал всё, что мог.

- Нет, не всё. Я-то жив. А она? - он вздохнул и уставился невидящим взглядом перед собой.

Мне хотелось взять его за руку и как-то утешить, но слов не находилось. «Андрей бы смог, - подумала я, - если уж он смог удержать его от самоубийства, то, наверное, нашёл бы слова поддержки».

- Я ведь тоже себя обвиняю в смерти Андрея, - вдруг сказала я.

- Ты? - Эмиль повернулся и с удивлением посмотрел на меня.

- Да, в тот вечер я отказалась с ним встретиться, и ему позвонил этот Тимур и попросил его подежурить за него. А ведь если бы он был со мной...

- Но это не правильно, Лиза, - с досадой сказал он. Словно мои угрызения совести были несопоставимы с его. - Ты слишком много на себя берёшь. Если кто-то следил за ним, его убили бы всё равно. На следующий день, через неделю.

У меня в горле появился ком, до сих пор я никому об этом не говорила и сейчас затихла, стараясь удержаться от желания положить голову на плечо Эмиля. Выплакаться и рассказать ему о моей любви, о том как я боялась её и сама лишила себя того кратковременного счастья, которое судьба, сжалившись над моим одиночеством, послала мне напоследок.

- Ты не права, Лиза. Если хочешь, я расскажу о себе. О том, что я пережил. Тогда тебе понятно будет то, почему я решился отсоединить эти проклятые трубки. Но мне придётся начать сначала, и если этот разговор покажется тебе неприятным, мы его оставим. - Он вопросительно посмотрел на меня, и я просто кивнула.

Пока Эмиль собирался с мыслями, мне вдруг пришла в голову мысль, что мы оба обвиняем себя в том, в чём фактически не было нашей вины. Мы обвиняем себя, что не почувствовали беду и не уберегли родных людей. Все несчастные случаи - это вопрос времени. Если бы на какие-то десять минут, Эмиль выехал бы позже, та иномарка не унесла бы жизнь его любимой. Если бы я...

- О чём ты думаешь, Лиз?

- Ты винишь себя в том, что ты поехал в это время, по этой дороге, не свернул, не затормозил, а я ... - В этот момент я всё-таки расплакалась и сразу почувствовала его уютную руку на своём плече.

- Давай не будем об этом. Мы ничего уже не сможем изменить. А вот жить с этим можно по-разному. Я расскажу тебе о том, как освободился сам, и, что гораздо важнее, освободил её душу.

Я снова кивнула, достала из сумки бумажный платочек, вытерла слёзы. Подумала о том, что ни с кем в Париже, да и, вообще, за границей, не смогла бы поговорить так откровенно, как с этим, в сущности, мало мне знакомым человеком. Загадочная русская душа? Банальщина! Но как точно. Ведь именно здесь в России, в Москве, я смогла стать обычным человеком, который может себе позволить плакать.

- Это случилось приблизительно месяц назад, в воскресенье. Не в силах сидеть дома, я вышел на улицу и направился в парк. Я люблю природу, и в тайне надеялся, что смогу найти какой-нибудь укромный уголок, где мог бы спокойно посидеть. Но выходные дни особые. Это счастье для тех, кто любит и кто вместе и мука для одиноких. Сколько ни старайся, не научишься радоваться за других. Своя боль ближе, и она очень эгоистична. Так случилось и со мной: проходящие обнимающиеся парочки и молодые родители, гордо ведущие за руки своих отпрысков, ещё больше заставили меня страдать из-за того, что у моей Галинки нет каких шансов, не то что бы стать матерью, а даже просто

погулять в лесу. Пусть даже я вывез бы её на каталке. – В его глазах появились слёзы, и он снял очки, чтобы их вытереть. Я сидела тихо, боясь, как бы мне не хотелось, сжать его руку, понимая, что это всего лишь предисловие, и он просто не мог начать иначе. Эмиль действительно быстро справился с собой и продолжил уже вполне нормальным голосом. – В конце концов, я подошёл к озеру и сел на траву, глядя на воду, чтобы не видеть и не слышать, что жизнь вокруг продолжается. С момента аварии я и жизнь существовали параллельно. Я жил только тогда, когда приходил в больницу, где мог посмотреть на её бледное, но всё ещё прекрасное лицо. Но я опять отвлёкся. – Эмиль провёл рукой по лицу, словно пытался отогнать воспоминания. – Немного позже рядом со мной на траву сел мужчина. – Я подозрительно посмотрел на него, потому что искал уединения и не хотел пустой болтовни. Заметив досаду в моём взгляде, он быстро сказала: «Я понимаю, что ты хочешь побыть один. Моя прогулка подходила к концу, и я уже собирался домой, как вдруг среди толпы гуляющих увидел твои глаза. В тот момент я осознал, что должен пойти за тобой». – Я развернулся всем телом и посмотрел на него, желая лишь одного, послать его к чёрту. Но на меня смотрели кристальной чистоты глаза, излучавшие такую любовь к людям, ко всему миру и ко мне в частности, что я поперхнулся своими словами и просто отвернулся. Тем временем он продолжил: «Когда я был маленьким, и взрослые задавали мне дурацкий вопрос: «Кем я хочу стать?», я, не задумываясь, отвечал, что хочу помогать людям. Взрослые смеялись и гладили меня по голове. Когда вырос, я долгие годы не мог осуществить свою мечту, потому что не знал как. Теперь я знаю. Просто поверь, что мы встретились не случайно. И позволь предложить тебе помощь. – Тут я, конечно, взорвался. – Да кто ты такой и откуда ты знаешь? – но тот же чистый и открытый взгляд быстро заставил меня заткнуться, и я просто спросил: – И как ты можешь мне помочь? Что знаешь ты, чего не знаю я? – Незнакомец улыбнулся. «Это новая технология. Н имеет ничего общего с гипнозом, наркотиками. Это реальная помощь, которую люди могут оказывать друг другу. – Но если могут, почему не делают? «Некоторые делают, просто не все знают. К тому же надо находиться на определённом уровне развития, чтобы иметь смелость встать лицом к лицу со своим прошлым. Люди предпочитают жить будущим, упуская настоящее». – Он поднялся с травы и вопросительно посмотрел на меня. И я пошёл за ним, прости за сравнение, как ученики шли за Иисусом. И не пожалел.

- И что это за помощь? – волнуясь, спросила я, вытаскивая из кармана пачку сигарет, чтобы успокоиться. Тем не менее, мне показалось, что это прольёт свет на все недоразумения, с которыми я столкнулась в Москве. На мои странные отношения с фамильным особняком Петушинских, на то, что каким-то странным образом я была уверена, что я и есть Фаина.

- Я назову её теорией души, - улыбнулся Эмиль, помогая мне прикурить. – Ведь ты же хочешь знать, почему ты оказалась в Москве, познакомилась с Андреем, обнаружила тайник?

- Наверно, хочу, - я почувствовала, как успокоилась после нескольких затяжек и уже могу нормально рассуждать. – Но ты не сказал, что произошло с тобой. Почему ты решил прекратить искусственно поддерживать жизнь Галины?

- Я просто понял, что эта жизнь неединственная и что помимо тела, тела моей любимой, опутанного трубками, и за которое я так боролся. Нет, не боролся, цеплялся. Так будет точнее. Так вот помимо тела есть ещё и душа, которая бессмертна. И душа не имеет никакого отношения к нашей аварии. И у души есть отдельная от тела жизнь. Но уж так устроено, я ещё не до конца в этом разобрался, что душа не может пойти дальше, пока тело не будет предано земле. В общем, я понял, что удерживая Галину на земле, я останавливаю движение её души. А если задуматься то, что значит наша текущая жизнь, по сравнению с вечностью? Галя останется в моём сердце, и если мы действительно любим друг друга, мы обязательно встретимся в другом воплощении. Когда я это понял, пришёл к ней в палату. Галины родные уже давно смирились и подписали все бумаги. Я подошёл к ней вместе с врачом и спросил, что должен отсоединить. Он мне показал. А потом я попросил врача уйти, и он предоставил мне эту возможность. И когда я это сделал, я ощутил какое-то движение в палате, легчайшее прикосновение к своей щеке. И мне даже показалось, что где-то рядом прошелестело её «спасибо».

Теперь мы оба курили. Одну сигарету за другой. Эмиль предложил сходить куда-нибудь выпить, но я отказалась. Сегодня я не хотела, чтобы спиртное заволакивало моё сознание, сегодня я хотела обдумать всё, что узнала и о чём за всё время, которое я провела в Москве, старательно гнала

мысли. Как там сказал знакомый Эмиля: «Надо находиться на определённом уровне развития, чтобы иметь смелость встать лицом к лицу со своим прошлым».

ГЛАВА 22

Я промучилась целый день, так и не решив какие дальнейшие шаги к расследованию можно предпринять, остро осознавая, что медлить опасно. Убийца до сих пор разгуливал на свободе и, продав драгоценности, вполне мог попытаться скрыться из страны. А уж за границей его или её и вовсе не найти. Я раскладывала факты по порядку, тасовала их как карты, пыталась посмотреть под другим углом, но картина вырисовывалась одна и та же.

Тимур, просмотрев видеозапись и услышав наш с Андреем разговор, узнал о тайнике. Решил, что для него это единственный шанс разбогатеть и забрал драгоценности. Убил ли он Андрея до того, как забрал драгоценности или после – неизвестно. Скорее всего, после, это казалось логичнее, но проследить ход мыслей убийцы всегда сложно. Конечно, он рассчитывал на то, что я вернусь в Париж и никак не предполагал, что возжелаю поиграть в следователя. И всё же он не решался меня убить, видимо, не считая меня достаточно опасной. Продолжал позванивать. Надеялся, что я испугаюсь. Всё казалось понятным до тех пор, пока Тимура не убили. Я встала перед тем же вопросом, что и с Андреем: Кому выгодна смерть Тимура? Ответ один. Тот же самый. Тому, кто знал о драгоценностях. Судя по его разговору с Варькой, на днях, а скорее всего в день убийства, Тимур должен был получить крупную сумму. Тогда получалось, что убийца оказывался близким к нему человеком. Ответ казался очевидным – это Ксения. Она вполне могла заподозрить, что её любимый вовсе не собирается прокутить полученные денежки вместе с ней или же, если Ксения с самого начала участвовала в этом деле, они могли поссориться, деля добычу. Или же она решила забрать всё себе. Любовь любовью, а денежки врозь.

Я налила себе чай с лимоном и встала у окна. Моросил мелкий дождь, вгоняя меня в полную тоску. Я подумала, что мне надо прекратить это, слишком далеко зашедшее, самостоятельное расследование и, как говорится, дать показания. Наверно, если бы я хоть немного верила в то, что убийцу найдут, так бы и поступила. Но уверенности не было. К тому же мне не хотелось неприятностей с властями, которые бы неминуемо возникли. Честно говоря, я уже проклинала эти фамильные драгоценности последними словами. Вся вина, теперь уже за два убийства, лежала на мне. Эта моя странная связь с прошлым, непонятный сон, из-за которого я обнаружила тайник. И если верить в то, что душа Степана живёт в этом доме, он пытался нас предупредить. Иначе как объяснить, что план таинственно исчез. Он словно хотел сказать: не лезьте в это дело. И оказался совершенно прав. Мы пошли в подвал, и это оказалось первой ошибкой. Вторая ошибка заключалась в том, что именно я убедила Андрея не заявлять о драгоценностях, считая их собственностью нашей семьи. Семьи, у которой отняли родину. Семьи, из-за которой я прожила в эмиграции столько лет, не зная, что моя душа принадлежит России.

Я отставила пустую чашку и, опустившись на стул, похоронила голову в ладонях. Только я одна во всём виновата. Только я.

Звонок домашнего телефона разорвал тишину. Звонила баба Настя. Коротко поинтересовавшись, как у меня дела, она озабоченно сказала:

- Слушай, я волнуюсь, Варька куда-то пропала? Обещала прийти к ужину, я испекла её любимые блинчики с творогом, а она так и не появилась. Даже дома не ночевала. Конечно, дело молодое, но я боюсь: не случилось ли чего, не дай бог.

Сердце заныло у меня в груди. Я сразу вспомнила, как мы расстались. Она ещё тогда что-то задумала, уж слишком снисходительно заявила: «Будут новости – позвоню».

А не надо долго раздумывать, куда могла отправиться бедовая Варька. Искать Ксению, которую вполне могла оказаться замешанной в убийстве. А где она могла её искать, как не у готов.

- Баба Настя, вы не волнуйтесь, - быстро сказала я. – Я сейчас ей наберу на мобильный.

- Уж набирала, - в трубке послышался вздох, - не отвечает. Со вчерашнего вечера, говорят «абонент не доступен». А ведь она так никогда не делала. Даже когда на лекциях сидела, только звук

выключала и сразу всегда перезванивала. Может, в милицию позвонить? А вдруг она сейчас вернётся и меня заругает. Скажет, что старуха совсем из ума выжила.

- Подождите звонить в милицию, - дрожащим голосом сказала я. – Я попробую её найти. Я в университет съезжу.

- Спасибо тебе, Лиза, - немного успокоилась баба Настя. – Ведь не чужой она мне человек, кто у меня остался после Андрея: ты да она.

Сразу после разговора я бросилась к шкафу, выхватывая вещи. Майка, джинсы, ветровка, если будет прохладно. Одевшись и причесавшись, я остановилась и задала себе вопрос: «А я хотя бы знаю, куда я бегу?» Ведь у меня нет никакого плана, кроме уверенности, что я должна спасти Варьку. Я заставила себя сесть и собраться с мыслями. Надо попытаться встать на место Варьки. Что бы я делала, если бы оказалась на её месте? Попыталась бы войти в контакт с Ксенией. Но как? Через знакомых? Возможно. Какая-то её подруга учится в Плехановской академии. Как её зовут? Покопавшись в памяти, я неожиданно быстро вспомнила – Настя Кудрявцева. Значит, можно поехать в академию и попытаться её отыскать. Она может что-то знать.

Я доехала до Плехановской академии за полчаса, но оказалась, что Настя Кудрявцева уехала отдыхать. Это я выяснила у её подруги. Она даже сжалилась надо мной и позвонила Насте. Но её телефон оказался выключённым.

- Ничего удивительного, там роуминг, - фыркнула девушка, поглядывая на меня с изумлением и мечтая от меня отделаться. В конце концов, у неё это получилось, потому что после очередного «не знаю» я поняла, что лишь зря теряю время.

Я побежала к метро, опять не зная, куда податься, как вдруг меня пронзила мысль, простая до безобразия. «Ведь я же частенько видела этих готов на Патриках». Я могу попробовать подойти к ним. Конечно, мой почтенный, по сравнению с ними, двадцатилетними, возраст может вызвать у них подозрения, но всё же надо попытаться.

Уже на Маяковской я вспомнила, что пообещала Эмилю ничего не предпринимать, не посоветовавшись с ним. Набрала его номер, втайне надеясь, что он не ответит на звонок.

Эмиль оказался на даче у родителей, и он сразу закричал мне, что выезжает и чтобы я без него ничего не предпринимала. Но никакие слова, ни уговоры не могли меня остановить. Даже то, что Эмиль сказал, что позвонит в милицию и самостоятельному расследованию пора положить конец. «У нас уже два убийства и одна пропавшая, а ты всё ещё пытаешься что-то сделать сама», - выкрикнул он.

Его слова немного разрядили моё напряжение. Эмиль решил напугать меня милицией. Да, я уже находилась на той стадии, когда всё равно. Моя жизнь, отягчённая комплексом вины, сейчас представляла для меня слишком маленькую ценность, чтобы о ней беспокоиться.

Я вышла из метро и почти бегом рванула к Патрикам, молясь, чтобы готы оказались на месте. Мне повезло, пятеро человек в чёрных траурных одеждах, прихлёбывая алкогольно-энергетические напитки, сгрудились вокруг скамейки. Две готессы с белым от пудры лицом и с устрашающим макияжем сидели, а трое парней, у одного из них волосы были уложены гребешком, стояли напротив. Я спряталась за деревьями, размышляя, как к ним подойти. Сказать, что мне интересна их религия? Они не поверят. Представиться журналисткой или писательницей? Только усмехнутся, и я вряд ли что узнаю. В конце концов, я решила сказать правду. А точнее её часть. Спокойно, хотя внутри у меня всё дрожало от страха, что могу не использовать единственный шанс, я направилась к ним.

- Привет! – обратилась я к девушке-готессе с короткими волосами, увешанной длинными и короткими серебряными цепочками с различными кулончиками. – Я ищу Ксюху. Она куда-то пропала. - Называя имя, я порадовалась тому, что оно не очень-то распространённое. Но я не учла в среде готов не принято называть друг друга мирскими именами.

Девушки переглянулись, а гребешок, его я определила как главного, с чувством превосходства смерил меня с ног до головы. В этот момент я порадовалась, что Андрей научил меня носить обычную одежду, которая меня молодила. И всё же, глядя на них, я понимала, что между мной, сорокалетней и этими странными ребятами, которые, несмотря на их театральный макияж, всё равно выглядели лет на двадцать с хвостиком, разница в целое поколение.

- Слушай, тётъ, а мы такую не знаем, - парень с гребешком ухмыльнулся и в сочетании с подведёнными чёрным карандашом губами, это выглядело неприятно. – У нас приняты другие имена. Меня, например, зовут Дракула, его, он кивнул на парня рядом – Кремоза. Ну-ка, а вы представьтесь, а то невежливо, - кивнул он готессам.

- Да ладно тебе, Драк, - сказала девушка, одетая в длинный чёрный плащ, из под которого выглядывало белоснежное кружевное жабо. – Тётя вы не по адресу. Мы не знаем вашу Ксюху.

Неожиданно во мне взыграла кровь Петушинских. Неужели я, сорокалетняя тётка, вот так отойду и позволю им сделать меня? А как же тогда Варька? Уж доведу свой спектакль до конца.

- Знаете, что ребяташки, - в это слово я вложила столько презрения, сколько могла, - меня не трогает как вы представляетесь и какую философию поддерживаете, но знайте, что если я не найду эту суку, которая мне денег должна, вас тут на Патриках больше не будет, ясно? - Я смирила гребешка с ног до головы и крикнула: - Ну так будешь отвечать, где можно найти Ксюху или нет?

Парень опустил глаза и растерялся. После вежливого, почти заискивающего, мой ледяной голос, сбил его с толку. Я, что называется, попала в его волну и сразу перестала быть тёткой неопределённого возраста в молодящейся одежде. К тому же, к сожалению, современная молодёжь напора не держит, это я уж давно констатировала как факт. Все они такие эпатажные, а как защищаться надо, сразу в кусты.

- Ну, ты это, не гони, а? – поднял подведённые глаза парень. – Нам бояться нечего. Я, правда, что-то Ксюхи не припоминаю. А вы? – он посмотрел на готесс, но они покачали головой.

- У неё ещё был... есть парень, - поправилась я. – Тимуром зовут. Он не из ваших.

- Ах, ты про – он пробормотал какое-то имя, по которому они её видимо знали. – Да она с нами не тусуется.

- Тогда где я могу её найти?

- Попробуй на Цветной съездить. Они там прямо на бульваре собираются. А если подождёшь минут десять, я тебя провожу. Мне всё равно туда надо по делам. Потому что если ты одна к ним сунешься, они тебя знаешь, куда пошлют. А я тебе помогу, потому что денежные вопросы уважаю. Если должна, пусть отдаёт. К тому же на эту Ксюху твою у меня давненько зуб. Она когда своего... - здесь он выругался, - привела, тот такое начал гнать. Философия ему наша не нравится. Да что он знает про нас? А не пошёл бы он... Мы же классные ребята. Со смертью на короткой ноге и никому не мешаем.

«Совсем никому, - мрачно подумала я, вспомнив, про пентаграмму и двадцать шесть ножевых ранений».

Дракула достал из кармана пять упаковок таблеток и протянул своим знакомым. Потом насмешливо посмотрел на меня:

- Тётъ, а хочешь улететь?

От напряжения я чуть не расхохоталась. Уж очень всё театрально выглядело. Почему-то в голову снова пришла мысль об отце: «Вот видел бы меня сейчас папа». Наследница финансовой империи налаживает отношения с готами. Жаль, времени не было, а то бы я бы тоже такой костюмчик придела.

- Нет, спасибо, Дракула, - я специально назвала его по имени, зная по опыту переговоров, как важно, чтобы человек как можно чаще слышал своё имя. Особенно, если он сам его выбрал. – Я покурю.

- Тогда мы сейчас подзарядимся и поедem, - он достал из пакета ещё одну банку и стал выдавливать таблетки в руку.

Я полезла в карман за сигаретами и с жадностью затащилась. Кажется, пока всё шло хорошо.

В кармане джинсов завибрировал мобильный, и я, вытащив его, увидела надпись, «Эмиль».

- Где ты, Лиза? Я к Москве подъезжаю.

- Всё нормально, - сказала я обычным голосом, отходя немного назад, чтобы он не услышал голосов моих новых знакомых. – Я сейчас свои дела на Цветном сделаю, а потом мы с тобой поужинаем, - мой голос звучал так, словно я разговаривала с любимым мужчиной. - Мы можем прямо там и встретиться, - продолжала мурлыкать я. – Помнишь ту милую французскую кафешку «Легато» на Садовке? Подъезжай туда и набери.

Готы смотрели на меня с интересом и лёгкой насмешкой. Видимо, считали, что в моём возрасте кокетничать неприлично. Ничего, пусть думают, что хотят. Главное, чтобы не заподозрили, что на самом деле я назвала ему совё местоположение. Хотя бы район. - Ты с кем там? – забеспокоился Эмиль. - Почему так странно разговариваешь? Я же просил тебя...

- Ну, милый, - замурлыкала я. – Ты такой нетерпеливый. Сначала поужинаем.

Со скамейки донеслось смущённое хихикание, а я, пропев «целую» нажала отбой и бросила телефон в сумку.

- Ну ты даёшь, тётя! – Дракула посмотрел на меня с уважением. – В твоём-то возрасте, такие игры. Хотя фигура у тебя ничего. А сколько тебе?

- Сорок, - честно ответила я.

- Жопа! – констатировал Дракула. – Я - то столько не протяну, обязательно сделаю новую попытку. Знаешь, какая у нас философия?

- Смерти.

- Правильно. Если интересно могу просветить, пока поедем до Цветного.

- Звучит заманчиво, - я выдавила из себя улыбку.

- Ну всё ребя, покойтесь с миром, - «гребешок» посмотрел на меня. – Двигаем, тётя.

Только когда мы отошли на несколько шагов к перекрёстку, я решилась спросить:

- А что значит - «покойтесь с миром»?

- Это означает – пока. Я с ними попрощался. Не знаю, вернусь сегодня на Патрики или нет. С другом должен встретиться. Его родители совсем допекли, то из дома гонят, то, наоборот, к нам не выпускают. Предки - это кошмар.

ГЛАВА 23

- Я три раза с собой пытался покончить, - откровенничал Дракула по дороге. – Всё не дают мне помереть. Два раза родители помешали, а однажды, знаешь, кто?

- Кто?

- Девушка моя, тоже готесса. Вот ей я этого не простил. Она же знает нашу философию, и туда же. А ведь нам с ней так классно было. У нас даже определённая могила была на кладбище, где мы сексом занимались. Полный улёт.

Я слегка закашлялась.

- А зачем вы этим на кладбищах занимаетесь?

Дракула остановился.

- Ну ты чё, тётя, не понимаешь? Там же энергетика особая и, кажется, во время оргазма, что смерть она вот, близко, протяни руку и поймает её. И всё, конечно с этой поганой жизнью.

- Так холодно же на могилах и неудобно? – задала я вполне практичный вопрос, чувствуя, что должна как-то отреагировать на его неожиданное откровение.

- Бывает и холодно, но если подстелить несколько венков после свежих покойников, будет нормально. Зато лежишь на еловом лапнике, чувствуешь себя, словно ты уже в небесах. А от венков, это ж от тех, кого недавно похоронили, там другая энергетика. Печали такой. Словно все люди, которые их оплакивали, свои слёзы тебе передали. И это так вставляет.

От его откровений к горлу подкатил ком тошноты. Я сглатывала слюну и боялась, что меня вырвет. И только мысль о том, что я должна найти Варьку заставляла меня оставаться с ним. Сейчас я была почти убеждена, что таким чокнутым вполне по силам организовать убийство Тимура.

В вагоне метро Дракула прислонился к стенке. Он стоял и просто смотрел вокруг, а я заметила странную реакцию людей поблизости. Встречаясь с ним взглядом, она отводили глаза, боялись его толкнуть или случайно прикоснуться. Вероятно, им казалось, что он несёт с собой смерть и разрушение и инстинктивно старались держаться от него подальше.

На Цветном бульваре оказалось человек пятнадцать готов. Ни Ксении, ни Варьки среди не было. На что я и не рассчитывала. Люди в чёрном облюбовали две скамейки. Поблизости от них никого не было. Я молча стояла в стороне, пока Дракула пожимал чьи-то руки и отвечал на

приветствие. Потом он оглянулся, словно вспомнив обо мне, и зашептал что-то неприятному низенькому парню с гребешком. Он мне сразу не понравился. Одежда на нём выглядела более дорогой, чем у других и держался он, несмотря на то, что был ниже всех парней, снисходительно высокомерно. На какой-то момент низенький встретился со мной взглядом и его глаза прожгли меня насквозь. Похлопав Дракулу по плечу, он не спеша направился ко мне.

- Говорят, ты одного человека ищешь?

Я только и смогла кивнуть, страх сковал моё сердце, внутренности, даже дыхание замерло.

- Она сегодня не в форме, - спокойно сказал он. – Но это может тебе оказаться на руку. Я могу проводить тебя туда.

Я раздумывала над его предложением, продолжая чувствовать его неприятный взгляд. Мой рассудок просто вопил, чтобы я никуда не ходила. Но если я боюсь, то и начинать не стоило? Я вспомнила Андрея, его безжизненное тело с алым пятном на груди. Варьку, которая оказалась в беде. Всё это придало мне решимости.

- Идём, выдохнула я.

Низенький сделал кому-то знак, и из группы отделилось двое парней в чёрных плащах. Он направился вперёд, я за ним, двое готов замыкали шествие. На улице светило солнце, почему-то возникла мысль, что эти ласковые прикосновения его лучей могут оказаться последними.

Миновав вход в метро «Цветной бульвар», мы завернули во двор и оказались на заброшенной стройке. Прошли несколько шагов, и я почувствовала сильный удар по голове. Уже лёжа на земле, я подумала о том, что поступила глупо. Потом меня поглотила темнота.

Я очнулась в подвале от того, что кто-то гладил меня по лицу и плакал. Я открыла глаза и увидела Варьку. От того, что она жива, я сама чуть не расплакалась.

- Наконец-то! Ты пришла в себя! – склонилась надо мной Варька. – Эти подлюги тебя стукнули по голове. Голова болит?

Я попыталась приподняться, но перед глазами всё поплыло, и я снова опустилась на то, что оказалось Варькиной джинсовой курткой, которую она заботливо подложила мне под голову. На мой лоб легла её прохладная ладонь.

- Не вставай, ты что? Это, наверно, сотрясение. У тебя голова кружится?

- Ещё как, - пробормотала я, усилием воли пытаюсь остановить болтанку.

- Лежи спокойно. Если будешь шевелиться, то потом голова всю жизнь будет болеть. Мне так врач говорил. Надо лежать спокойно.

Неожиданный голос из темноты, заставил меня снова приподнять голову:

- Да что тут ей осталось-то всей жизни. День от силы два.

- Кто это? – шёпотом спросила я Варьку.

- Ксюха, - прошептала она. – Та самая Ксюха.

Услышав своё имя, Ксюха встала и протопала к нам.

- Ну что, сучка богатая, поняла теперь как лезть не в своё дело? А то она тут расследование затеяла. Я ещё тогда после разговора с тобой говорила Тиме, что надо тебя напугать, чтобы ты убралась отсюда. Но он слизняк так ничего не сделал.

- Так это вы мне звонили с угрозами? – на всякий случай спросила я, больше говоря это для себя, чем желая получить ответ.

В голосе Ксюхи послышалось удивление.

- Нет. Мы тебе не звонили. Похоже, это ты ещё кому-то дорогу перешла. Да только какая уж теперь разница. Всё равно завтра нас всех принесут в жертву. Я-то к смерти готова ещё с шестнадцати и жду её как избавление.

Её замечание о жертвах не сразу дошло до моего помутнённого сознания. Как ни странно, но думала я о другом. Если Ксюха – убийца, то почему она сидит здесь вместе с нами? И как они попали сюда с Варькой?

Я вновь, несмотря на Варькины охи, приподнялась и села, облокотившись на холодную стену. Справилась с дурнотой, выдержала, пока прекратилось головокружение и спокойно спросила:

- Может, расскажешь, за что ты его убила?

Я подразумевала Андрея, а Ксюша поняла, что это Тимур, поэтому быстро сказала:

- Да не убивала я его. Нужно больно руки мारать. Он сам виноват. Нечего было болтать на каждом углу, как скоро он разбогатеет. Ребятам деньги нужны на водку, сигареты, наркотики. Вот они его и пришили. Помогли к смерти подняться, - Ксюша выдохнула дым и сплюнула.

- А двадцать шесть ножевых ранений? – вспомнила я. – А пентаграмма?

Ксюша пожала плечами.

- Завтра поглядишь, как с нами кончать будут? – она дико захохотала. – Смерть, смерть приближается к нам. Я вижу её. Смерть – это освобождение.

- Заткнись! – завизжала Варька. – Я не хочу умирать. Мне всего двадцать лет. Я только жить начала. Я хочу замуж, детей хочу.

- Успокойся, Варенька! – я протянула к ней руку и погладила по плечу. – Эмиль нас обязательно найдёт. Он знает, куда я поехала.

Вспомнив об Эмиле, я на всякий случай проверила карманы джинсов, где держала мобильный. Конечно, его там не оказалось.

- Да как он нас найдёт в этом подвале? Ты сама-то знаешь, где ты?

- Нет, не знаю, - согласилась я. – Но мы должны верить. Эмиль сказал, что позвонит в милицию. - Сейчас мне уже нравилась эта мысль, потому что я понимала, что одному ему не справиться. Какой смысл в том, если его посадят с нами, а завтра принесут на одну жертву больше?

Ксюша ещё раз сплюнула и отошла в свой угол. Варька доверчиво прижалась ко мне, я чувствовала её дрожащее тело рядом. Она уже не всхлипывала, но я чувствовала страх, он окутал её густой липкой паутиной, пытающейся захватить и меня. Но головная боль и постоянный круговорот отвлекали меня.

ГЛАВА 24

Наверно, я задремала, потому что вздрогнула от скрипа двери. На пороге послышались мужские голоса. «Ну, вот и смерть пришла», - подумала я, выныривая на миг из своего бессознательного состояния.

Очнулась я в больничной палате. На стуле рядом со мной сидела Варька, которая сразу вскочила и примостилась на краешке кровати.

- Наконец-то ты проснулась. Ну как ты? Ты знаешь, кто ты и что произошло?

- Варь ты что? Конечно, я знаю, кто я. Что за вопросы глупые?

- Это нормальные вопросы при сотрясении мозга. Иногда люди не помнят, как они ударились, и даже случается, что забывают, как их зовут. Скажи, как тебя зовут?

Я улыбнулась.

- Элоиза Петушинская, одна тысяча девятьсот шестидесятого года рождения, в настоящее время проживаю по адресу, чёрт не помню точно адреса. Могу назвать свой адрес в Париже.

- Элоиза? – удивилась Варька. – Какое имя-то красивое. Гораздо лучше, чем Лиза. Значит, всё в порядке. А то я волновалась, ты так долго была без сознания. Как ты себя чувствуешь?

Я оглядела ровные, выкрашенные противным грязно-серым цветом стены одиночной палаты, отметила высокий потолок и огромное окно. Скосив глаза, увидела тумбочку рядом с кроватью. И хотя в затылке по-прежнему чувствовалась тупая боль, мне было гораздо лучше.

- Вроде ничего, - заметила я. – Только слабость. А ведь я на самом деле не помню, что произошло. Помню скрип двери и твой крик «вызовите скорую», а дальше - пустота.

- Я всё расскажу, но позже, а сейчас врач сказал, что тебе нельзя волноваться, - она с умным видом поправила одеяло и уселась на стуле.

- А вот я как раз и буду волноваться, если ты не расскажешь, - сказав это, я заметила на хорошеньком, без косметики, Варькином личике, борьбу с самой собой. Я знала, что ей очень хочется мне всё рассказать. Она просто умирала от желания. – Варь, но я уже очень волнуюсь. Сейчас встану и пойду сама всё выяснять.

- Лежи-лежи, - Варька снова пересела на край кровати, словно, опасаясь, что я и на самом деле убегу. Эмиль говорит, что ты сумасшедшая. Зачем ты пошла с ними в подвал? Ведь он же тебе запретил.

- Хотела найти тебя, потому что считала себя виноватой, что втравила тебя в эту историю. К тому, что Андрея убили, я тоже причастна, - хмуро заявила я.

- Это из-за драгоценностей да?

- Ты уже знаешь?

- Знаю. Вытрясла подробности из Эмиля. Только не сердись на него, ладно? Я сейчас расскажу, что случилось, а ты хотя бы глаза закрой, чтобы не утомляться и слушай. – Её прохладная рука снова легла на мой лоб, и это оказалось так приятно, что у меня чуть не выступили слёзы. Ласка, забота. Если бы кто-то знал, как всего этого мне не хватало в Париже. Случись что-нибудь подобное со мной там, никто из моих респектабельных друзей - подруг не сидел бы возле меня часами, забывая о своей жизни и каждодневных делах.

- Варь, ты давно здесь, в больнице?

- С самого начала. Даже следователь сюда приезжал, чтобы я показания давала. Я сказала, что тебя не оставляю, потому что в наших больницах к людям относятся по-скотски. А я уж знаю, что такое сотрясение мозга и как важен покой. Мама, когда со мной такое случилось, от меня не отходила.

- Как же мама отпустила тебя одну в Москву?

Лицо Варьки помрачнело.

- Мама умерла от рака, когда я училась в десятом классе. Остался отчим, но у меня с ним не сложились отношения. Насилу дотерпела до окончания школы, подрабатывала, чтобы денег накопить на билет, на жильё на первое время. И всё равно не рассчитала. Если бы не Андрей, наверно, оказалась бы на улице. Но домой бы не вернулась.

Если бы не жуткая слабость, я бы погладила её по голове. Милая, настрадавшаяся девочка. Её жизнь не была устлана денежным ковром, по которому с гордостью во взгляде, спрятав в глубь своё одиночество, величаво ступала я. Наверно, я оказалась в Москве, чтобы во мне произошла переоценка ценностей. Сейчас мне жутко захотелось что-то сделать для этой девочки, тоже лишившейся матери, и я решила про себя, что как только всё наладится, я возьму её в Париж. Ей просто не может, не понравится в Париже. Да и, вообще, когда моё финансовое положение наладится, я могла бы позаботиться о ней. Варькин живой голос вернул меня в действительность.

- Когда ты так странно разговаривала по телефону, Эмиль уже понял, что ты попала в беду. Поэтому он сразу позвонил следователю, который ведёт дело Андрея, - она не сказала об убийстве Андрея, и я была ей за это благодарна, - и заставил их поехать на Цветной бульвар, где собирались готы. И ты знаешь, - Варька улыбнулась, - несмотря на то, что они базарят, что со смертью на «ты», всё это бредня. Этому Кирюхину, фамилия так следователя, вместе с его ребятами, удалось их так напугать, что они быстренько сдали своего главаря. Не помню, как его зовут. Коротышка такой с гребешком, который тебя по голове стукнул.

- Это не он, - вмешалась я. – Он шёл первым. А ударили сзади.

- Не важно, всё равно по его указке. Он же и ритуальное убийство Тимура организовал вместе с Ксюхой. Только не он нанёс эти двадцать шесть ножевых ранений, он руководил процессом. В тот вечер, когда Тимур должен был получить деньги за драгоценности, Ксюха напросилась к нему в гости и напоила его. На самом деле сбытом занималась она, поэтому оказалась в деле.

- Откуда ты всё знаешь? – я уже не могла лежать с закрытыми глазами.

- Так эти вампиры признались во всём сразу, как только их забрали. Более того, стали сваливать друг на друга.

- Выяснили, кто убил Андрея? – задала я главный мучивший меня вопрос.

Варька погрузнела.

- Неизвестно. Конечно, Ксюха и Тимур под подозрением, но вина их не доказана. Сама понимаешь, следователь не распространяется на эту тему. Правда, не смог устоять перед моим обаянием, - не удержалась Варька от лёгкого хвастовства, - и кое-что рассказал. Между прочим, пригласил меня на свидание. Несмотря на то, что я ему сказала, что люблю ... любила, - запнулась Варька и опустила глаза.

- Тебе надо жить дальше, - тихо сказала я. – Если он тебе понравился, то почему бы тебе с ним не встретиться?

- Нет, не очень, - задумчиво сказала Варька. – Я кокетничала с ним только, чтобы побольше узнать.

- Наверно, скоро и ко мне пожалует господин Кирюхин, чтобы спросить меня кое о чём.

- Нет, - спохватилась Варька. – Какая же я дура, что сразу тебя не предупредила. Эмиль, когда рассказывал о драгоценностях, сказал, что Андрей нашёл тайник один. А ты знала о том, что он существует с его слов. Но о местонахождении тебе ничего не было известно. Так что не выдавай его.

- Зря он это сделал, - забеспокоилась я. – Ксюха легко может нас выдать. Потому что они видели запись и слышали наш разговор с Андреем. Ладно, я скажу, что это моя версия для Эмиля.

Варька озадаченно посмотрела на меня:

- Ну зачем тебе лишние неприятности? Может, ещё всё и обойдётся? Ты теперь, - она дотронулась до моей головы, - у нас пострадавшая.

- Может, - согласилась я. – Но если Кирюхин спросит, я скажу правду. Глупо скрывать то, что легко можно выяснить.

- Но...

- Никаких «но», Варенька, - я накрыла её руку своей. – Я не буду ничего скрывать.

Когда мне удалось убедить Варьку в том, что я в полном порядке и отправить её домой, пришёл Эмиль. В одной руке он держал букет лиловых астр, а в другой пакет с фруктами для меня. Мы проболтали с ним целый час, рассуждая о том, что произошло, и когда я случайно вспоминала о том, что в моём списке подозреваемых под номером два записана его фамилия, мне становилось противно. Словно я предала его. Своими мыслями. Думаю, Андрею, если бы он мог узнать, это бы очень не понравилось.

ГЛАВА 25

Кирюхин Анатолий Валентинович, видимо, устав дожидаться, пока меня выпишут, появился в больнице. Глядя на его бегающие глазки, перебегающие с предмета на предмет, я вспомнила, как Эмиль называл его «мутным». Как я и предупредила Варьку, я рассказала всю правду и какое-то время, признаюсь со страхом, ожидала услышать, что за сокрытие клада меня по возвращении из больницы ожидает наказание. Но он ничего не сказал. Можно сказать даже не отреагировал на моё заявление. Более того, когда я, не выдержав, поинтересовалась сама, он как-то криво ухмыльнулся и сказал:

- Возможно, вам придётся заплатить какой-то штраф. Но я не думаю, что это окажется для вас большой суммой. Вы же единственная наследница империи Петушинских.

Конечно, я не стала говорить ему о том, что в данный момент пытаюсь жить на деньги, которые зарабатываю преподаванием французского языка. То, что отец поставил меня в такие условия, были лишь наши с ним отношения, которые никого не касались.

Я обратила внимание, что Кирюхин вёл себя как-то излишне подобострастно, словно от меня зависела его дальнейшая судьба. И ещё мне показалось, что он, Эмиль тоже говорил об этом, что Анатолию Валентиновичу очень хотелось закрыть это дело, повесив убийство Андрея на покойного Тимура или готессу Ксюху. Во всяком случае, когда я спросила, почему он не вызывал меня на допрос раньше, он промямлил, что получил на счёт меня специальные указания. Какие и от кого узнать не удалось, и я подумала об отце. Возможно ли, чтобы, сидя в своём уютном офисе в Париже, он не терял из вида расследование. Зная то, как долго он наводил справки, чтобы накопить информацию на Андрея, я могла это допустить. К тому же он смертельно боялся огласки и мог даже заплатить, задействовав определённых людей, чтобы дело пылилось на полке долгие годы. Конечно, второе убийство с признанием Эмиля спутало карты, но и дало им хорошую возможность закрыть дело. В конце разговора я спросила о моей догадке на счёт камеры. Здесь я получила на удивление исчерпывающий ответ.

Конечно, у Тимура не было привычки просматривать видеозаписи музея, просто на следующий же день после того, как мы нашли драгоценности, он дежурил ночью. Но на этот раз к нему заявила Ксюха. Напившись водки, они занялись сексом на кожаном диване в гостиной, принадлежавшем писателю Конькову. Протрезвевший с утра Тимур вспомнил о видеокамере и во

избегание неприятностей решил стереть запись. И к своему удивлению обнаружил наш разговор с Андреем. Это оказалось его звёздным часом. Кирюхин даже повторил: «Представляете, занимались этим прямо на диване Конькова». Он противно захихикал, но мне было не до смеха.

Через две недели я выписалась из больницы. Голова продолжала болеть. Особенно по утрам. Или не прекращала с того самого момента, как меня ударили. Покрутив в руках пачку Нурофена, я отложила его в сторону. Сколько можно жить на таблетках? Может, эта головная боль на всю жизнь? Не переставая морщиться, взяла турку и сварила кофе. Поможет ли кофе? К сожалению, я знала ответ. От тупой головной боли – нет, но поможет проснуться и тогда, может, мыслительный процесс пойдёт лучше.

Я налила кофе в большую чашку и вышла на маленький балкончик. Зачем я здесь, если я до сих пор не могу найти убийцу? Почему вдруг неожиданно я перестала думать, что убийца – это Тимур. Подозреваемый номер один. Совсем недавно я была настолько убеждена в этом, что заставила рисковать жизнью молоденькую девчонку. Вспомнив, что я пережила, когда Варька пропала, мне стало нехорошо, а головная боль усилилась.

С большим трудом с помощью трёх чашек кофе мне удалось собрать себя по частям, чтобы принять несколько учеников, которые приходили ко мне на дом. В обед я приготовила в микроволновке сосиски и отварила картошки. В Москве я выяснила, что, оказывается, обожаю картошку. Особенно варёную со сливочным маслом, посыпанную укропчиком. А ещё борщ, который варила баба Настя на настоящей украинской свекле, которую ей привозили какие-то родственники, раз в году приезжавшие в Москву насладиться прелестями шопинга. Такой свеклы не продают в Москве, она произрастает только на Украине. И какой наваристый борщ варит из неё баба Настя. Какой там луковый суп, который я ела с отцом в ресторанах. Да разве можно сравнить?! Я почувствовала, как от одного воспоминания от неприлично огромной тарелки борща, у меня потекли слюнки. Оказывается, несмотря на непрекращающуюся головную боль, становившуюся уже привычной, но всё равно раздражающей, я проголодалась.

После обеда позвонил Эмиль и нетерпящим возражения тоном сказал, что случайно, в чём я засомневалась, но не сказала вслух, оказался на Белорусской и зайдёт меня провести.

Эмиль никогда не был у меня дома, и я ради порядка решила сделать беглый осмотр единственной комнаты, отметив про себя, что любая другая женщина на моём месте бросилась бы переодеваться и прихорашиваться. Наверно, всё-таки не случайно, я так и не вышла замуж. Что-то чисто женское у меня начисто отсутствует.

Ну что ж, комната оказалась в полном порядке. Нигде не валялись мои вещи, это тоже неженская привычка, а на журнальном столике аккуратной стопочкой лежали журналы и книжки. Вдохнув, я вышла в прихожую, где висело единственное зеркало, и посмотрела на своё бледное лицо с тёмными кругами под глазами и вытянутую футболку непонятного цвета. «Да уж, - сказала я равнодушно самой себе, - и раньше-то красавицей не была, а уж теперь и вовсе подурнела». И всё же, чтобы не испугать Эмиля, я заставила себя переодеться и накраситься.

- Привет! – Эмиль с порога протянул мне прозрачную упаковку с тортом и два пакета из магазина «Седьмой континент».

- Спасибо! Зачем так много? – я смущённо посмотрела на нежданного гостя, осознавая, что никто никогда не приходил ко мне домой с продуктами. Наверно, это ещё одно проявление русской заботливости.

- Тебе надо хорошо питаться, - авторитетно заявил Эмиль, расшнуровывая ботинки. Почему-то мне показалось, что ему тоже неловко.

Я вышла на кухню, чтобы его не смущать. Пока я разбирала сумки, Эмиль по-хозяйски вымыл руки в ванной и молча, стоял, наблюдая за мной.

- Будем обедать? – нерешительно предложила я, глядя на гору деликатесов, заполонивших весь кухонный столик.

- Нет, я только из ресторана. Обедал с клиентами.

- Тогда может чай с тортиком?

- С удовольствием. С детства помешан на сладком, - Эмиль улыбнулся. – Мама всё время надо мной смеётся. Говорит, что я как девчонка.

Я стала выгружать продукты в холодильник, как вдруг почувствовала сильную головную боль, от которой даже присела на корточки.

- Что с тобой? – участливо спросил Эмиль.

- Голова болит каждый день, - пожаловалась. – А сейчас, вообще, что-то кольнуло, даже в глазах потемнело.

- Садись, я сам всё сделаю.

Пока я приходила в себя, Эмиль убрал продукты в холодильник, потом повернулся ко мне и нерешительно произнёс:

- Думаю, что я мог бы помочь тебе снять эту головную боль?

- Боюсь, что только вместе с моей головой, - иронично заметила я.

- Я серьёзно, Лиз. Есть один способ. Помнишь, я рассказывал? Тебе нужно пройти этот эпизод, когда тебя стукнули по голове.

- Что значит, пройти? Пройти можно в магазин, - скептически заметила я. – Но как можно пройти то, что случилось неделю назад.

- Хорошо, я скажу по-другому, пережить.

- Пережить, - повторила я. – И как это?

- Пойдём в комнату, - Эмиль протянул мне руку. – Это не сложно. Какая-то боль осталась внутри тебя, и мы должны её убрать. Это очень простой процесс. Ведь ты же не хочешь всю жизнь страдать?

Я удобно устроилась в кресле, а Эмиль взял стул и сел напротив.

- Пусть тебя не удивляет: я буду обращаться к тебе на «вы». Не пугайся, если у тебя появятся неприятные ощущения или усилятся головная боль. Сейчас ты вернёшься в тот момент, когда тебя ударили, и проживёшь его несколько раз. С каждым разом будет легче и легче. Не пытайся ничего контролировать. Просто поверь мне, это работает.

- Я верю, - тихо сказала я. – И вдруг совершенно некстати вспомнила, как боялась, что Эмиль стукнет меня лопатой по голове, когда мы пытались найти драгоценности в подвале. Наверно, на моём лице что-то отразилось, потому что Эмиль сразу спросил:

- С тобой всё в порядке?

- Да, да, - я усилием воли отогнала нахлынувшие мысли. – Начинай.

- Закройте глаза, - услышала я его спокойный голос. – Что вы сейчас чувствуете?

- Голова болит.

- Понятно. Возвращайтесь в момент, когда вы получили эту головную боль и рассказывайте мне, что вы видите.

Он говорил в настоящем времени, и это меня удивило. Ещё больше меня удивило то, что я, несмотря на то, что часть моего сознания оставалась в настоящем, другая его часть смогла вернуться в прошлое. Я чувствовала страх, видела спину «гребешка», слышала шаги сзади. Внезапно я почувствовала удар, потом сильную боль. Я смотрела на свое обмякшее тело откуда-то сверху и понимала, что в этот момент я и оказалась без сознания.

Спокойный голос Эмиля вернул меня в начало эпизода. Появились новые подробности, я почувствовала, как кто-то поднял меня и перекинул через плечо. Снова потеряла сознание и стала видеть себя со стороны. После нескольких раз мне удалось вернуться в тело. Боль стала ослабевать, эмоции высвобождались, пока в какой-то момент я просто не рассмеялась над тем, что произошло.

- Возвращайтесь в настоящее время, - услышала я голос Эмиля. – Открывайте глаза. Какое сегодня число, год?

- Понятия не имею, - улыбнулась я. – Никогда не помнила чисел.

Эмиль тоже улыбнулся, надел очки, спрятав под ними свои серьёзные бархатные глаза.

- Как ты себя чувствуешь? Головная боль прошла?

В процессе я совершенно забыла, что всё началось из-за моей жуткой головной боли. Не веря себе, я основательно потрясла головой, последнее время при этом у меня появлялось жуткое головокружение. Я даже зажмурилась в ожидании. Открыла глаза. Чувствовала себя прекрасно, так словно никакой травмы не получала вовсе.

- Эмиль, ты волшебник! Ты меня вылечил.

- Мне приятно помогать другим людям, а тебе особенно, - он как-то поспешно встал со стула.
- Может, выпьем кофе?

- Да, конечно, - я вскочила с кресла, чувствуя себя полной сил и готовой снова включаться в жизнь.

Уже на кухне, мешая кофе в турке, я спросила Эмиля:

- Послушай, если я смогла вернуться неделю назад, нельзя ли вернуться ещё раньше.

- Можно даже пройти твоё рождение, - он улыбнулся. - Очень полезная вещь. Новорожденный, как правило, получает много травм.

Я нахмурилась. Всё это, конечно, интересно.

- Ну а ещё раньше, - спросила я тихо. - До моего рождения. Когда я была...

Я остановилась и смущённо посмотрела на Эмиля.

- Конечно. Это нормально. Расскажи, что тебя беспокоит, чтобы я знал, как провести процесс.

Я всё ещё смотрела на него, за спиной зашипел убежавший кофе. Сейчас или никогда.

- Думаю, раньше я была Фаиной Гурьевой. И ты прав, всё не случайно. Мне всё время кажется, что и этот дом музей Конькова, и дедушка Андрея играли какую-то роль в моей той жизни. - Я вымученно посмотрела на Эмиля. - Он снился мне по ночам. Только недавно перестал. После того, как у нас с Андреем... - Я замолчала, молясь про себя, чтобы Эмиль не посчитал меня сумасшедшей.

- Всё это нормально, Лиза. Успокойся. Если ты готова встретиться со своим прошлым, то я помогу тебе. Ты очень смелый человек.

- Нет, я трусиха! Я боялась в это верить. Всегда считала, что после смерти ничего нет. Но тогда, зачем я здесь? Почему мне всё знакомо? Это дежа вю сводит меня с ума.

Эмиль занялся кофе, пока я в прострации сидела за столом.

- Ты справишься, - наконец, сказал он, разливая кофе. - Не все могут так хорошо возвращаться в прошлое как ты. У тебя открытая память. Уверен, ты во всём разберёшься. У тебя уже есть опыт. Как видишь, это не страшно. Ты всё делаешь сама. Я нужен лишь, чтобы не дать тебе сбиться с пути.

ГЛАВА 26

Я возвращалась домой от подруги, у которой гостила три дня, с каким-то неприятным чувством страха. Впрочем, в это сложное время все казались сбитыми с толку и напуганными. Все разговоры были о том, как безопасно переправить свои капиталы за границу, как уцелеть и не оказаться на Лубянке. Об этом же думали мои родители, торопившиеся выехать. И только я совершенно не знала, что мне делать. Мой любимый, единственный оказался от всех нас по другую сторону. Он открыто перешёл на сторону большевиков, пойдя на полный разрыв со своей семьёй, которая в это время уже выехала в Париж.

Меня встретила тишина, когда я решила позвонить. Это показалось странным. Наша служанка Марфа всегда быстро открывала дверь. Я постучала, но ответа снова не было. Прошло какое-то время, прежде чем мне пришла в голову мысль, просто толкнуть дверь.

Беспорядок, нет, разруха, которая встретила меня в холле, чуть не заставила моё сердце выпрыгнуть из груди. В ужасе я ходила по нашему особняку, наблюдая вывороченные ящики, разбитую мебель, сорванные со стен испорченные картины. Но больше всего меня потрясло то, что рояль, который отец привёз из Германии, стоял с оторванной крышкой. Некоторые клавиши были выворочены, струны порваны. И то, что любимый нашей семьёй инструмент, за которым прошло множество музыкальных вечеров, восстановлению не подлежит не вызывало сомнений. Варвары! Да как они могли? Я бережно погладила уцелевшие клавиши, и мой старый друг отозвался стоном. Слезы хлынули из глаз, застилая мою прошлую жизнь, казавшуюся до этого дня такой лёгкой и прекрасной.

Вдруг откуда-то раздались тихие шаги. Повернулась: ведь я обошла весь дом и никого не видела. Но эта оказалась Марфа.

- Фаиночка! – старая женщина, прежде чем я сообразила, в чём дело, бросилась к моим ногам, покрывая мои руки поцелуями, смешанными со слезами. Через её рыдания не удавалось ничего понять.

Я опустилась с ней на колени и обняла её. Как в бреду, она произносила моё имя. Страх сковал горло, я боялась спросить о родителях. Немного успокоившись, Марфа всё рассказала.

Они пришли, когда все спали. Подняли родителей с постели, заставили одеться. Требовали денег, драгоценностей. Когда мой отец сказал, что уже всё отдали, начали ломать мебель. Искали самостоятельно. Потом, даже не дав им собраться, посадили в машину и увезли. Марфу не тронули. Слуги их не интересовали.

- Тебе надо бежать отсюда, Фанечка, - добавила она. – Это счастье, что тебя не оказалось дома. Но они вернуться за тобой.

- Но я должна пойти на Лубянку, узнать, что с родителями. Неужели ты думаешь, что я смогу уехать без них?

Марфа снова заплакала. Потом вытерла слёзы фартуком и быстро-быстро заговорила.

- Спасай себя. Ты ничем не можешь им помочь. Когда мы остались с твоей мамой на минутку вдвоём, она успела мне шепнуть, чтобы ты шла к Возниковым. Они помогут тебе выехать из страны.

- Но я не могу бросить папу с мамой! И ... Степана, - расплакалась я. – Я сейчас пойду к нему и всё выясню. Может быть, это недоразумение, и их сегодня же отпустят.

Марфа покачала головой и встала.

- Считай, что я передала тебе волю матери. А решать тебе.

Марфа, причитая что-то себе под нос, оставила меня. Не знаю, сколько я просидела, оглушённая горем. Даже не могла плакать. Потом, вспомнив о тайнике, вышла в наш небольшой сад. Здесь всё казалось прежним. Всё также изгибалась в танце фигурка девушки над фонтаном. Зеленел аккуратно постриженный кустарник, яркими пятнами пестрели цветы на клумбе. Я хорошо помнила место, где мы с мамой закопали наши фамильные драгоценности. Сейчас, если я собираюсь покинуть этот дом, нужно забрать их с собой. Маленькая шкатулка поместилась в сумке. Я попрощалась с Марфой и пошла к Степану. К единственному человеку, от которого теперь зависела моя судьба. Если Степан согласится, мы уедем из России вместе.

- Пойми, Фанечка, я не могу уехать! – Степан сжимал мои холодные руки. – Я принял решение остаться. Россия – моя страна. Ты не представляешь, как хорошо мы заживём. Не будет, ни богатых, ни бедных. Все люди равны. Неужели ты не стыдилась, что когда ты развлекалась, другие гнули спину, чтобы ты могла это делать?

- Революция разрушила наш мир. Раньше ты любил меня, а теперь...

- Я и сейчас люблю тебя. Просто сейчас личное отошло на задний план. Мне нравятся мои новые друзья. И то, как мы все вместе построим новое будущее. Ты можешь присоединиться к нам. Только для этого ты должна измениться. Читать другие книги, понять, наконец, что происходит. Перестать думать только о себе и о платьях.

Сердце упало куда-то вниз, и так и осталось там. Я не могла с ним спорить. На что я надеялась? Если он смог разорвать отношения со своей семьёй, так же легко он выбросит меня из своей жизни. Революция и новый мир для него важнее. Я ещё больше убедилась в этом, когда к нему пришли парочка его новых товарищей, с которыми он с упоением начал обсуждать то, что я не хотела слышать. Я, так и не приняв участия в беседе, удалилась из гостиной. Меня никто не удерживал, я спряталась в кабинете, чтобы выплакаться.

Что мне делать? Без Степана моя жизнь кончена.

Внезапно, я вспомнила о драгоценностях. Если Степан останется, я не пойду к Возниковым и не уеду за границу. Пусть будет, что будет. Я останусь здесь со Степаном.

Я спустилась в сад, сжимая в руке большой нож, который прихватила из кухни. Огляделась. Моросил мелкий дождь, и у меня не было лопаты, чтобы закопать шкатулку достаточно глубоко в саду. Обходя дом, я нашла дверь в подвал. На моё счастье, она не оказалась запертой. Расковыряла землю, спрятав шкатулку в углу. В том месте, где наверху, по моим предположениям, находился кабинет. Тщательно разровняла, бросила на это место какие-то старые вещи. Огляделась. Потом мне пришлось в голову нарисовать план подвала и где-нибудь спрятать. На крайний случай. Вдруг я не

смогу сама показать это место. Когда я ходила с уже нарисованным планом, вспомнила о случайно отошедшей плитке в камине. Место это мы обнаружили с Сергеем. Он тогда сказал, что здесь можно что-нибудь спрятать, а я пошутила, что только любовное письмо.

Я всё ещё сидела перед камином, когда ко мне пришёл Степан. Он сказал, что попросил своего товарища узнать о моих родителях. И вообще он уверен, что это ошибка. Я сказала ему, что останусь с ним и только схожу домой за вещами. Он обрадовался, протянул ко мне руки и сказал: «Иди ко мне. Я буду ждать тебя».

ГЛАВА 27

- Возвращайся в настоящее время, - услышала я голос Эмиля, показавшийся мне чужим. Я открыла глаза и в прострации огляделась.

- Назовите своё имя, - попросил Эмиль.

- Фаи... Нет. Элоиза, - я рассмеялась, почувствовав, как медленно возвращается память. Какая-то часть внимания запоздала и всё ещё была в прошлом. Я одновременно и Фаина, и Элоиза Петушинская. Можно смеяться и не верить, но я, наконец, пребывала в полном убеждении, что вся история случилась на самом деле. И только это моё новое знание имело значение.

Я почувствовала огромную благодарность к Эмилю за то, что он помог мне пережить это удивительное, не побоюсь этого слова, приключение. Недостающие куски мозаики из прошлой жизни, сводящие меня с ума, встали на место, и я, наконец, осознала, почему мне всё время снился один и тот же сон. Степан протягивал ко мне руки и говорил: «Иди ко мне». И я послушно шла через годы и жизни. Он ждал меня, и наша игра до сих пор была не закончена. Фаина погибла, и он, обвиняя себя в этом, продолжал удерживать меня рядом.

Когда Эмиль ушёл, я вышла на улицу проветриться. И ноги сами понесли меня к тому месту, откуда всё начиналось. «Иди ко мне. Я буду ждать тебя», - слышался мне голос из прошлого. От неожиданного озарения я чуть не подпрыгнула. А ведь он действительно там. И ждёт меня до сих пор. Душа, освободившаяся от тела, продолжает выполнять свои обещания. И я почувствовала, что должна прийти и отпустить его. И продолжать свою жизнь без него. Наша игра слишком затянулась.

Сворачивая на Никитскую, я посмотрела на часы. Девять вечера. Музей давным-давно закрыт, но мне просто необходимо попасть туда. Сегодня. Именно в том состоянии, пока я не растеряла свои ощущения, и текущая обыденная жизнь не поставила свой отпечаток недоверия. Не может быть такого, не бывает. Бывает и может. Но кто знает, вдруг завтра я сама подумаю, что всё, что я почувствовала и видела, всего лишь плод моего разыгравшегося воображения.

Мне вовсе не показалось удивительным, что ворота оказались не запертыми, а лишь прикрытыми. Я проскользнула внутрь, вдыхая запах начинавшейся осени, прелых листьев и слегка морозной свежести, заставившей меня поёжиться. Подошла к двери особняка и толкнула её. И снова чудо: дверь отворилась. Я проникла вовнутрь, отгоняя от себя воспоминания, как здесь в холле, я стояла на коленях перед телом Андрея.

Из маленькой комнаты сторожа виднелась полоска света. Я порадовалась, что надела кроссовки, позволявшие мне бесшумно продвигаться. Во всём теле чувствовалась необычайная лёгкость. Впервые дом не пугал меня. Он казался мне старым другом, неожиданно возникшим из прошлого, с которым мне просто необходимо выяснить отношения. На цыпочках я заглянула в комнату сторожа: на столе пустая бутылка из-под водки, молодой мальчишка, по всей видимости, новый сторож музея, мирно спал, уронив голову на руки. Вполне вероятно, он выходил покурить на улицу и по пьяной оплошности забыл запереть дверь.

Мне везло, словно кто-то решающий наши судьбы сверху, всё же хотел, чтобы призрачный житель музея и я встретились. Прокравшись на ощупь в гостиную, я включила свет. Прикрыв глаза рукой от его резкости, сказала в пустоту:

- Я вернулась, Степан.

На столе уже привычно зазвенела чашечка, и я поняла, что он снова подаёт мне знак, что он здесь. Понятия не имела, что мне делать, поэтому просто начала говорить. Хотя думаю, что ему вряд ли нужны были слова. Достаточно прочитать мысли. Я говорила о том, что прощаю его и ещё о том,

что нет необходимости торчать в этом доме. Я вернулась, чтобы сказать, что он ни в чём не виноват, он поступал, как велело сердце. А ещё я просила прощения, что не уберегла Андрея, не захотела прочесть знаки, которые он мне подавал. Потому что боялась и не верила.

- Ну если ты всё время здесь, ты должен знать, кто убийца. Дай же мне подсказку. Дай. Я хочу наказать его.

Чашечка на столе несколько раз звякнула, словно давая понять, что он меня слышал. Я озираясь вокруг, твёрдо уверенная в том, что он даст мне подсказку. В голове звенело от напряжения, так боялась, что опять не пойму, пропущу. И не узнаю правды.

В гостиной погас свет, и я, тихонечко охнув, опустила на стул, вся превратившись в зрение и слух. Послышался шорох, шелест бумаг, слабое дуновение. Легчайшее прикосновение к моим волосам, словно он сожалел о том, что должен сказать мне правду.

Я совершенно выпала из времени, лишь слышала, как колотится в груди сердце. Не от страха. От тягостного предчувствия. И снова это утешающее поглаживание, теперь по щеке. Как прикосновение крыла бабочки. Лёгкое и невесомое.

Зажёгся свет. Прямо передо мной на столе лежала открытая на второй странице книга. В середине страницы название: «Преступление». Прямо под ним «Роман». Я вскрикнула и захлопнула книгу. Тупо прочитала вслух: Алексей Коньков «Преступление». Я вертела в руках откуда-то взявшуюся книгу из библиотеки Конькова и хранившуюся в музее, как редкий экземпляр. Когда я пришла в гостиную, книги на столе определённо не было. Значит, книга и есть та самая подсказка, которую дал мне Степан. Я нервно перелистнула страницы и положила её на стол.

Что это могло означать? Я должна прочесть сие произведение, чтобы понять кто убийца? И это странное название «Преступление». Я положила книгу на стол и уронила голову на руки, пытаюсь заставить себя думать. Должна ли я взять эту книгу домой, чтобы просмотреть её? Или оставить книгу в музее и взять такую же в библиотеке? Всё-таки нехорошо расхищать народное достояние. Роман «Преступление» считался одним из самых сложных и запутанных в творчестве Алексея Конькова, но именно он и принёс ему мировую известность. Я потёрла виски и подняла глаза. Книга, захлопнутая мною, снова оказалась открытой на второй странице. «Преступление». «Роман». От внезапной догадки я застонала.

- Но этого не может быть! – крикнула я в пустоту. – Не может быть! Он не убийца! Зачем ему убивать Андрея? Зачем?

Заспанный сторож появился в дверях гостиной с ужасом, глядя на меня.

- Что вы здесь делаете? Как вы сюда попали?

Слова не доходили до моего сознания, я даже видела его через дымку. Словно он тоже был призраком.

- Как вы сюда попали? Я вызову милицию. Положите книгу на место.

Я опустила глаза и увидела, что, оказывается, прижимаю злосчастную книгу к груди. Бросив её на стол, словно змею, которая может ужалить, резко сказала:

- Дверь надо запирать! Раз уж сторожем работаешь!

- Я запираю, - молодой человек выглядел школьником, который в ответ на вопрос учителя: «Почему не выучил?» упорно продолжает твердить: «Я учил».

- Тогда как же я сюда попала? – бросила я, проходя мимо него. Когда я подошла к двери, она действительно оказалась закрытой. Под удивлённым взглядом сторожа я долго провозилась с замком.

ГЛАВА 28

Мой усталый мозг отказывался мыслить. От накрывшей меня, словно волной, слабости, я еле передвигала ноги. Кое-как добравшись до Садовки, поймала машину. Дома, даже не умывшись, рухнула на постель и провалилась в сон.

Просыпаться не хотелось. Думать тем более. В свете яркого солнечного дня, происшедшее вчера, казалось нереальным. Скорее всего, роман Конькова «Преступление» лежал на столе до того, как я вошла в гостиную.

В конце концов, после чашки кофе и совершенно бесполезной попытки засунуть в себя бутерброд, набрала номер следователя Кирюхина.

- Здравствуйте, Элоиза! – его голос звучал радостно и весело. – А я ведь собирался вам звонить.

- Да? Надеюсь, вы нашли убийцу?

- Мы работаем над этим, - в его голосе послышалась досада. - Вы же понимаете, что мы не можем заниматься одним делом. Но нашим сотрудникам удалось обнаружить драгоценности. По описанию они похожи на те, которые вы с покойным Петушинским скрыли от государства. – Вероятно, он пытался меня слегка осадить, но мне в это хмурое не было дела до выяснения отношений.

- И где же вы их обнаружили? – спросила я, почувствовав, как от брошенных вскользь слов «покойный Петушинский» сжалось сердце.

- У одного ювелира, за которым давненько установлено наблюдение. Ему часто приносят краденое. Когда вы сможете подъехать?

- Через час, - сказала я без особого энтузиазма.

Гораздо больше, чем найденные драгоценности, меня порадовало, если бы они нашли убийцу Андрея. От привычной мысли у меня захолонуло сердце. Если подсказка Степана верна, то так ли я хочу, чтобы его нашли? И, вообще, что мне делать в том случае, если то, о чём я боюсь даже думать, окажется правдой?

Я бережно держала в руке потрясающей красоты ожерелье из крупных перламутровых жемчужин. Наверно, эти бусы, единственное, что я хотела бы оставить себе. Они напоминали бы мне о беззаботной Фаине Гурьевой и её любви. Любви, которая осталась со мной слишком на долгие годы, помешав достичь мне обычного женского счастья. Хорошо ещё, что по моей бесполезной и одинокой жизни солнечным лучом скользнула любовь Андрея.

- Элоиза, я понимаю, что вам нравится это ожерелье. Но я настоятельно прошу вас обратить внимание на другие драгоценности. Посмотрите всё ли на месте?

Я отложила ожерелье в сторону. На самом деле я не очень хорошо помнила, сколько драгоценностей хранила в себе шкатулка. Видела их лишь один раз с Андреем, да и тогда находилась в шоке. С трудом заставила себя сосредоточиться.

- Не хватает золотого браслета в форме змеи. – Я отвернулась к окну, пытаюсь вспомнить, как мы с Андреем разложили найденное богатство на убогом столике, покрытым цветастой клеенкой. - И ещё бриллиантовых серёг в форме капель. Остальное, кажется, на месте.

- Хорошо, - Кирюхин записывал мои показания на листе бумаги. Потом протянул его мне. – Прочитайте, распишитесь.

Я поставила закорючку, буквы прыгали у меня перед глазами. На меня накатило безразличие. Зачем я, вообще, стала заниматься этим делом? Иногда неведение оказывается благом. Что же мне делать сейчас? Как жить? Андрея всё равно не вернуть. В конце концов, какой из меня следователь? Вон, профессионалы и то справиться не могут. Я посмотрела на Кирюхина в упор:

- И всё-таки, как вы думаете, кто убил Тимура? Вы это выяснили?

Он хитро посмотрел на меня.

- Да, это мы знаем. И я, конечно, не должен вам рассказывать. – Он сделал паузу, видимо, рассчитывая, что я начну его упрашивать, но я молчала, уже понимая, что эти два убийства совершенно не связаны друг с другом.

- Почему вы так странно на меня смотрите? – смутился Кирюхин. - Ну, хорошо я введу вас в курс дела. В конце концов, вы же родственница убитого и даже пострадавшая. Всё забываю спросить: как вы себя чувствуете? Говорят, у многих начинаются головные боли после сотрясения?

- Всё обошлось, - коротко сказала я.

Выйдя на улицу из мрачного помещения, попыталась ещё раз прокрутить в голове то, что услышала. Ксения Подольская и Артём Шакуров, я называла его про себя «низенький с гребешком», спланировали убить Тимура из-за денег. Придумала всё Ксения, Артём был ей нужен как человек, имеющий большое влияние на готов. Причём, что поразительно своими руками они, это подтвердили все присутствующие при обряде, не нанесли ни одной раны. Деньги, как признался Артём, они собирались разделить поровну. Своё отношение к убийству Андрея она категорически

отрицала и даже предоставила какое-то алиби, что всю ночь провела в клубе с друзьями. Но когда на неё нажали, раскололась и сказала, что Андрея убил Тимур.

На моём пути попался маленький скверик и я, заметив свободную скамейку, присела и вытащила сигареты. Мне хотелось всё хорошенько обдумать. Ксюха, почему-то даже про себя, я не могла называть её полным именем, призналась в том, что Андрея убил Тимур. Тимур стоял в моём списке подозреваемых под номером один. Вторым значился Эмиль, который, к счастью, оказался не виновен. Верила ли я в свете последних событий, что Тимур убил Андрея? Положа руку на сердце, признаюсь, что хотела бы поверить. Но не могла.

Я огляделась вокруг, и на меня снова накатила усталость и безразличие. Андрея, единственного мужчину, которого я любила, больше нет. И его не вернёшь. Кто бы ни оказался убийцей, любимому суждено было покинуть этот мир. И оставить меня наедине с моим одиночеством. Ах, Андрей, но это же не могло произойти с тобой? Но произошло. И я невольно оказалась тому виной. Я всхлипнула и снова закурила. Итак, время подводить итоги. И посмотреть правде в глаза. После суда, а уже назначена его дата, дело закроют. Потому что его хотят закрыть. И Кирюхин невольно намекнул на то, что его торопят. Торопят, потому что кому-то выгодно, чтобы настоящий убийца никогда не был найден. И Ксюху просто напугали, что её обвинят в ещё одном убийстве, поэтому она свалила всё на Тимура.

Сейчас я чувствовала уверенность в том, что Тимур не убивал Андрея. И, вообще, между этими двумя убийствами нет никакой связи, потому что тот, кто это сделал, ничего не знал о драгоценностях. Конечно, если бы не подсказка Степана, я бы никогда не додумалась. И пусть даже эта книга лежала на столе, а не бросил её передо мной невидимый призрак Степан Петушинский, два слова «Преступление» и «Роман» приводили прямо к разгадке. Ну а сейчас я должна встать и довести дело до конца. Моё расследование останется моим, и я никому о нём не скажу. Потому что не так уж и важно, если на Тимура повесят убийство Андрея. Пусть будет так, не нужно было ему присваивать драгоценности. Но лично я должна знать настоящую правду и хочу, как бы это не казалось невыносимо, посмотреть в глаза убийце.

ГЛАВА 29

Войдя в «Марко Поло» я уверенно направилась к стойке. Мне повезло, дежурила та самая девушка, которая кокетничала с Андреем и поглядывала на моё кольцо с бриллиантом. В то время как я завидовала её молодости и красоте. Пока она оформляла гостя, пожилого респектабельного мужчину, у меня было время, как следует её рассмотреть. Сегодня она мне показалась ещё красивее. Длинные накрашенные ресницы оттеняли удивительной синевы глаза, милое личико в форме сердечка, аккуратненький ровный нос. Её даже не портила вежливая, словно приклеенная улыбка, открывающая ровные мелкие зубки. Я дождалась, пока мужчина, рассыпавшись в комплиментах и запечатлев поцелуй на её холёной ручке с хищными акриловыми ноготками, ушёл. Вероятно, она уже меня забыла. Да и весь мой вид теперь отличался от той высокомерной строго одетой Элоиза, которая приехала в Москву с твёрдым намерением выполнить поручение отца. Девушка посмотрела на меня без улыбки, по всей видимости, решив, что я никоим образом не могу являться клиентом.

- Я вас слушаю.

- Напротив, это я хотела бы вас послушать. Я останавливалась в этом отеле. И у меня есть подозрения на то, что вы и тот молодой человек, который вас сменяет, следили за мной и передавали информацию заинтересованному лицу.

Вероятно, я попала в точку. Потому что она вздрогнула. Ресницы мелко задрожали, глазки забегали. Страх стёр её красоту, как ластик карандашные следы с бумаги.

- Кто вы?

- Не узнаете? – усмехнулась я. – Элоиза Петушинская. - Останавливалась в вашем отеле, - я уверенно назвала числа, - Скажите, сколько он вам заплатил, чтобы вы ему сообщали о моём каждом шаге. Во сколько пришла, ушла, с кем. Сколько вы брали за подобную работу?

Глаза испуганно метнулись, оглядели меня и с ужасом остановились на моём лице. Кто-то из сотрульников вышел в холл, скользнув по нам взглядом. Она прошептала:

- Пожалуйста, не выдавайте меня. Я не хочу лишиться работы. Мы можем поговорить где-нибудь вечером?

- Конечно, - я посмотрела на часы. – Когда заканчивается ваша смена?

- В восемь.

- Отлично, Светлана Геннадьевна, - сказала я официальным тоном, прочитав табличку, приколотую к её пиджачку. – Я буду ждать вас у входа.

Она молча кивнула, так дрожали у неё губы. Я повернулась и вышла. Дошла пешком домой, выпила кофе. Есть по-прежнему не хотелось. Теперь на меня накатило странное спокойствие. Встреча со Светланой ещё раз убедила меня в том, что я права. Наверно, можно с ней и не встречаться. Итак, всё ясно. Но на всякий случай, раз уж я решили сыграть роль следователя, надо довести дело до конца. Я с тоской посмотрела на часы. Время тянулось удивительно медленно, и я вдруг почувствовала, что мне просто необходимо съездить на кладбище.

С красными розами в руках я подошла к могилке Андрея. Скрытое венками с грубым крестом, подобное многим другим вокруг, это место разрывало мне сердце. Как только будет можно, говорят, должно пройти не меньше года, чтобы осела земля, я закажу памятник. Простой и строгий. Вдруг мне вспомнилось, что Андрея отказались похоронить вместе с его родными. Сказали, что там нет места. Даже отказались от денег. Нет и всё! Тогда мне это показалось до слёз обидным. Мало того, что мой отец собирался лишиться его наследства, так тело Андрея даже не могло лежать рядом с теми, кто его вырастил.

Я положила розы на глиняный рыжий холмик:

- Прости нас, Андрей! Всё случилось из-за того, что ты осмелился полюбить. И пусть ты даже не произнёс этого вслух, тебе это стоило жизни. А именно тебе надо было бы жить. Потому что твоя жизнь несла другим свет и тепло. А только в этом одном и есть смысл.

Я долго сидела на скамейке. Мне не хотелось уходить. Маленький рыжий холмик с венками и уже начинавшими выцветать надписями на лентах – это всё, что осталось от него. А он так любил жизнь! И принимал её такой, какая она есть. И научил этому меня. Хотя для него лучше было бы со мной не встречаться.

В восемь вечера с красными от выплаканных на кладбище слёз глазами я стояла перед «Марко Поло» с твёрдой уверенностью, что готова выслушать то, в чём до сих пор боюсь себе признаться. Но Свете удалось меня удивить.

Девушка вышла из подъезда, посматривая по сторонам. Даже с противоположной стороны улицы было заметно, что она нервничает. Я махнула ей рукой, и она, смешно передвигая стройные ножки в туфлях на высоченном каблуке, засеменила ко мне. Несмотря на всю напряжённость момента, я снова подивилась этой странной привычке русских девушек разгуливать на каблуках в любое время. Одно дело, если бы она шла на приём или в театр.

Света подошла и молча посмотрела на меня. Словно она язык проглотила. А, между прочим, моему отцу, наверно, во всех красках рассказывала, когда я и с кем прихожу.

- Здесь на углу можно выпить кофе, - спокойно сказала я: - и там можно спокойно поговорить. Она пробормотала «хорошо» и зацокала рядом, пытаюсь не отставать. Иногда она бежала, чуть ли не вприпрыжку, но я не замедляла шаг. Мне не было её жаль. Терпеть не могу людей людей подобного сорта.

- Рассказывай, - бросила я, как только мы уселись за столиком. Когда-то в этой кондитерской мы пили кофе с Андреем. Второй день нашего знакомства. Он тогда пришёл извиниться. Сердце привычно защемило от воспоминаний, и я подумала, что достигла совершенства в издевательствах над собой. Все эти недели после убийства Андрея я только и делала, что ходила по тем улицам, где мы были вдвоём, вспоминала, что мы делали и о чём говорили.

- Мне так неудобно, что так получилось, - Светлана забарабанила пальчиками по скатерти и кокетливо опустила глазки.

- Неужели?

- Правда. Я долго отказывалась, но он меня заставил.

Я хорошо знала своего отца, его властные привычки, умение повелевать людьми, искусство показать оппоненту какое он ничтожество. Но сейчас мне не хотелось делать на это скидку. Она могла и должна была отказаться.

- Наверно, предложил много денег, и ты не смогла устоять? – холодно предположила я.

- Сейчас всё объясню. Просто я подумала... Ваш отец сказал, что вам грозит опасность и нельзя, чтобы вы об этом знали. Я подумала, что родитель не сделает плохого своей дочери, - она осмелилась поднять свои синие глазки на меня, но тут же опустила.

- Ты это придумала, когда собиралась со мной встретиться? – иронически заметила я, закуривая сигарету, почему-то думая о том, что сегодня я не завидовала ни её молодости, ни красоте. Уж больно жалко она выглядела. Словно мокрая глупая курица.

- Зачем мне врать? – она обиженно надула губки.

- Ну всё, хватит, - рявкнула я, отчего девушка вздрогнула. – Буду задавать тебе вопросы. Когда мой отец обратился к тебе с просьбой добыть информацию?

- В первый день своего приезда. Была моя смена. Я оформила документы. Он наговорил мне комплиментов. Пригласил на обед в ресторан. Я не смогла отказаться. Роман такой импозантный мужчина. – Я поморщилась от отвращения. Как бы хорошо не выглядел мой отец, в этом году ему исполнилось шестьдесят девять лет. А Светлане двадцать с хвостиком.

- Какого рода информация его интересовала?

Светлана чуть-чуть замялась.

- Ну... любая.

- Что значит любая? Что вы, вообще, могли ему рассказать, кроме того, во сколько я пришла, ушла.

- И с кем, - добавила девушка. – Я рассказала ему про того красивого молодого человека, моложе вас. Я подумала, что если вам и грозит опасность, то от него. Он показался мне авантюристом. Иначе, зачем бы ему за вами ухаживать?

«Дура! – мысленно заорала я, - Какая же ты глупая девка». Честно говоря, я больше обиделась на то, что она назвала Андрея авантюристом, чем на её сомнение, что мной можно увлечься как женщиной. Наверно, в тот момент, на моём лице отразилось негодование, потому что она быстро сказала:

- Ой, простите! Наверно, бестактно с моей стороны. Но вы знаете русские мужчины, они только и гоняются за деньгами.

- Продолжай! – перебила её я. – Что конкретно ты передавала моему отцу?

- Я рассказала ему, что утром приходил Андрей, а потом вы вместе ушли.

- Это всё, что вы ему сказали про Андрея?

- В общем да, кроме... - она замялась.

- Кроме?

- Кроме того, что как-то видела, что однажды, я не помню число, он поднялся с вами в номер, а ушёл достаточно поздно. Конечно, это ваше дело. Но Роман, - меня так и передёрнуло, когда она называла отца по имени, - спрашивал о ваших отношениях. - Ну я и пофантазировала, что он ухаживает за вами из-за денег.

- Меня не интересуют фантазии. Ты сказала отцу, что Андрей провёл у меня ночь?

- Да.

Какое-то время мы обе молчали. Я снова взяла сигарету, отхлебнула глоток остывшего кофе. На душе было гадко и муторно. Собственный отец организовал за мной наблюдение. Вдруг мне вспомнилась наша встреча с Жаном. Чтобы я не вышла замуж, отец от него откупился деньгами. С Андреем бы такой номер не прошёл. И отец знал, что у нас были близкие отношения. Внезапно я вспомнила, что утром, в день убийства Андрея отец как-то неожиданно появился рядом.

- Вспомни, в тот день, когда он выезжал из отеля, ты докладывала ему, что я ушла рано утром?

Светины глаза испуганно вспыхнули, метнулись к окну, опустились на скатерть. Она отхлебнула кофе. Я заметила, что руки у неё дрожали.

- Да.

- Сколько тебе заплатить, чтобы ты не передавала ему наш разговор? – жёстко спросила я.

- Ничего не надо. Мы больше не общаемся. Он не оставил мне свой парижский номер, - в её голосе прозвучала лёгкая горечь. Так, словно она на что-то рассчитывала большее.

Мне казалось, что меня сейчас стошнит. Неужели эта девица ради денег готова на любые отношения со стариком?

Я позвала официанта, расплатилась за двоих, несмотря на робкие попытки девушки протестовать. Она даже достала кошелек. Но под моим презрительным взглядом убрала его обратно. Мы уже вышли на улицу, когда она робко спросила:

- Вы никому не расскажете? Не так-то просто найти хорошую работу в Москве.

Я покачала головой и почти бегом бросилась прочь. Если бы я могла убежать от себя, от своих мыслей, от того, что собиралась сделать.

ГЛАВА 30

В самолёте я вспомнила, что в суматохе забыла попрощаться с Варькой. На самом деле я не знала, что ей сказать. Я не знала, вернусь ли я в Москву или останусь в Париже. Возможно, после объяснения с отцом уеду куда-нибудь в другое место, в другую страну, где ничто не будет мне напоминать о случившемся. Лишь свою любовь к Андрею и тому, чему он меня научил, я бы хотела взять с собой. Всё остальное забыть. О, если бы можно было забыть.

В аэропорт Шереметьево меня отвёз Эмиль. Он позвонил совершенно случайно, когда я упаковывала вещи. Предложил сходить куда-нибудь, выпить вина. Его голос звучал спокойно, от чего у меня навернулись на глаза слёзы.

- Я не могу, Эмиль, я уезжаю.

- Уезжаешь? – в его голосе послышалось разочарование. – Домой?

- Домой, - вздохнула я.

- Наверно, тебе там будет лучше.

- Я так не думаю, - вырвалось у меня. – Необходимо уладить одно дело.

Мы оба молчали. Мне не хотелось ничего объяснять, а он был слишком деликатным, чтобы расспрашивать.

- Когда у тебя самолёт? Я отвезу тебя, - наконец, придумал он.

В том состоянии, в котором я находилась, я бы предпочла ни с кем не встречаться. Но мне не хотелось обижать Эмиля. У нас сложились хорошие отношения, и я ценила его дружбу. Не так-то много у меня было друзей в этой жизни. И ещё меньше теплоты и заботы.

Мы сидели в толпе пассажиров, ожидающих регистрации, когда он повернулся ко мне и как-то серьёзно сказал:

- Я буду скучать. Ведь, если я правильно понял, ты не вернёшься?

- Не спрашивай. Я сама не знаю, что будет. – Совершенно неожиданно для себя я уткнулась ему в плечо и расплакалась.

Он обнял меня.

- Лиза, ты просто устала. Я понимаю, что ты чувствуешь. Время – хороший лекарь. Всё пройдёт.

- Прости. Это нервы, - я отстранилась и достала из кармана платок, вытирая глаза.

- Понимаю. Тебе нужно успокоиться и научиться жить с тем, что произошло. Я знаю это трудно, но жизнь продолжается, – он горько усмехнулся. – Я стараюсь жить без Гали. Правда, иногда задумавшись, по привычке сворачиваю к больнице. Потом понимаю, что её здесь больше нет. И надо жить.

- Надо жить! – эхом повторила я. И тут же в голове возник вопрос: «Только как и зачем?»

На табло появился мой рейс в Париж, и тут же из громкоговорителя заученный женский голос объявил о начале регистрации.

- Ты позвонишь мне, когда доберёшься до дома? – застенчиво спросил Эмиль. – Ну, чтобы я знал, что ты долетела и всё в порядке.

- Позвоню. - Я достала из сумки свою визитку и протянула ему. – Здесь мобильный и домашний телефоны в Париже. Ну и адрес, на случай, если соберёшься в гости.

- Я никогда не был в Париже, - грустно сказал Эмиль.

- Вот и приезжай. Париж стоит того, чтобы на него посмотреть.

- Ты приглашаешь?

- Конечно. У меня огромная квартира, много свободных комнат. Тебе нужно только взять билет и получить визу. Если хочешь, я пришлю приглашение.

- Не надо. По работе я часто езжу в Германию в командировки, так что у меня открыта шенгенская виза. Так не забудь – ты меня пригласила, - он улыбнулся.

- Конечно, - я подняла голову и поцеловала его в щёку. Ощутила лёгкую небритость и слабый запах туалетной воды. Неожиданно Эмиль прижал меня к себе и поцеловал в губы. Очень быстро и сразу отстранился. Я даже слегка покачнулась.

Сейчас я вспоминала этот поцелуй, и мне было приятно. Не так уж часто в моей одинокой жизни меня целовали мужчины.

В самолёте я отказалась от обеда, лишь взяла кофе и отвернулась к окну. Рядом со мной проплывало облако, пушистое и белое. Я стала думать об отце. О наших странных и непонятных отношениях, которые я всю жизнь принимала, не пытаясь ничего изменить. Так же как и его характер: властный и независимый, которым он буквально поработил меня. С тех пор как умерла мама, я не знала нежности и тепла. Я лишь стремилась ему угодить, жертвуя собой, теряя свой мир и себя.

ГЛАВА 31

Я открыла дверь парижской квартиры своим ключом. Консьерж внизу, с трудом признав меня в джинсах и новой причёской, предупредил, что отец дома. Конечно, я хотела бы побыть одной и немного успокоиться. Возможно, даже выпить немного виски и продумать свою обвинительную речь. Хотя о чём думать? Единственное, что я хотела знать – зачем? Всё остальное не важно.

Войдя в холл, я бросила сумку на пол. Откуда-то из глубины квартиры моё чуткое ухо уловило звук приближающихся шагов. Как хорошо я знала его, слегка пошаркивающую походку. Я прислушивалась к ней по ночам, когда он, страдая от бессонницы, вышагивал в своей спальне, вынашивая очередные финансовые авантюры. Моя жизнь казалась мне совершенно бессмысленной без моего блестящего и сурового отца.

- Ну, здравствуй, Элоиза! – отец остановился в трёх шагах от меня. Мне показалось, что если бы его не остановил мой взгляд, он поцеловал бы меня в щёку. Но то время, когда я жаждала отцовской ласки, кануло в небытие.

Я холодно кивнула и повернулась к зеркалу, мгновенно отразившему мои испуганные глаза, бледное лицо и подёргивающийся уголок рта. Бог мой! Да я до сих пор боюсь его. Я пригладила волосы и снова повернулась к нему. Слов не было, они застряли в горле, словно кость, которой я подавилась и с которой не могла вздохнуть.

- Я рад, что ты вернулась! – в уверенных нотках его голоса сквозило торжество, и я чуть не задохнулась от гнева. Неужели он подумал, что я, как побитая собачонка, не справившаяся с самостоятельной жизнью, виляя хвостом, вернулась к хозяину?

- Надо поговорить! – процедила я сквозь зубы и прошла мимо него в гостиную прямо к бару. Налила в стакан виски и сразу выпила. Только бы перестали дрожать руки. Только бы появились силы. Да что творится со мной, в конце концов?!

- Налей мне тоже, - послышалось из-за моей спины. – Надеюсь, ты ещё помнишь, что я пью виски с яблочным соком?

Конечно, я это помнила. И эта гостиная, в которой я пробыла несколько минут, уже давила на меня своими воспоминаниями наших одиноких вечеров перед телевизором с напитками в руках. И наши неспешные разговоры о бизнесе. И его поучающий голос. И мои слёзы по ночам, потому что я опять где-то прокололась, вела себя глупо и недостойно.

Я протянула ему стакан с напитком. Надо заметить, что раньше он предпочитал пить неразбавленный виски со льдом. Но после появившейся несколько лет назад тахикардии стал разбавлять его яблочным соком.

Стараясь держаться спокойно, я села напротив него в кресле. Мы не виделись около трёх месяцев, и мне показалось, что он постарел и сдал. Хотя всё ещё живо смотрели карие глаза из-под тяжёлых век, но как-то сильнее опустились щёки складками, старчески изогнулись губы.

- Как тебе Москва? – немного насмешливо спросил он, прихлёбывая из стакана.

- Я приехала не для того, чтобы вести светскую беседу, - холодно сказала я. – У меня есть к тебе несколько вопросов, - я готова была прикусить себе язык от собственной глупости. Какие вопросы? Я пришла сказать, что знаю, что ты убийца. Я уговаривала себя произнести эти слова всю дорогу, чтобы посмотреть, как разом слетит с него уверенность и респектабельность. Как затрясутся руки и выпадет стакан на пол. Но Роман Петушинский не был бы таким, какой он есть, если бы не перехватывал инициативу любых переговоров.

- Если ты хочешь спросить, почему я лишил тебя финансовой поддержки, так я могу это легко обосновать. То, что ты решила остаться в России, явилось большой глупостью и некоторым ударом для меня и нашей корпорации. Мне стоило больших трудов, чтобы найти тебе достойную замену. К тому же я устал придумывать объяснения для наших знакомых, почему моя единственная дочь, на старости лет бросила меня одного, в то время как я остро нуждаюсь в уходе. Хорошо, что ты одумалась.

Наверно, я бы рассмеялась, если бы мне не стало так горько от его слов. Какой же мой отец эгоист.

- Если ты думаешь, что я одумалась, то ты ошибаешься. Я осталась в Москве ни по своей прихоти, а потому что хотела найти убийцу.

Отец расхохотался мне в лицо. Правда, его смех показался мне наигранным.

- И с каких пор ты решила поиграть в следователя? – он поставил стакан на стол и в упор смотрел на меня. На его лице не дрогнул ни один мускул. – Может и хорошо, что ты нашла своё признание? - находил в себе силы издеваться он. - Потому что, честно говоря, ты не тянешь на человека, который должен встать на моё место.

Меня охватила злость. Такая хорошая злость, что я второй раз в жизни перестала его бояться. Первый раз был, когда после убийства Андрея отказалась возвращаться в Париж. Накормив всех своими проклятыми деньгами, Роман Петушинский просто уверен, что всё сойдёт ему с рук. И сошло бы, если бы не моя странная связь с прошлым и с Фаиной Гурьевой. И ещё, если бы не Эмиль с его новой технологией.

И если бы тогда, вернувшись в дом, призрак Степана не положил на стол передо мной книгу писателя Конькова. Впрочем, писатель был здесь не при чём. Степан просто использовал такой способ, чтобы заставить меня думать. Преступление. Роман. Я до сих пор помню тот ужас, когда прочитала короткое слово из пяти букв. РОМАН. Лучше трудно было придумать. Он фактически назвал мне имя убийцы в ответ на мою просьбу.

- Игра закончена, Роман Фёдорович! – спокойно сказала я. – И не надо делать вид, что ты этого не понимаешь.

- С каких это пор, ты стала называть меня по имени отчеству?

- А разве я могу назвать убийцу отцом?

Стакан всё-таки выскользнул из его рук и упал на пушистый белый ковёр, оставив коричневое пятно.

- Что ты мелешь? Откуда ты взяла такую чушь?

- Прямых доказательств, если тебя это волнует, у меня нет. Только мои домыслы. Я знаю о том, что ты платил Свете из «Марко Поло», чтобы она сообщала тебе обо всех моих перемещениях. И около музея, где нашли тело Андрея, ты оказался не случайно, а потому что догадался, куда я побежала, после того, как Светлана тебе позвонила. Тогда ты перепугался и решил увести меня оттуда. А ещё я знаю, что ты заплатил Жану за то, чтобы он на мне не женился. – Отец сделал протестующее движение, но я остановила его. – Не отпирайся, он мне рассказал. И ты знаешь, что поскольку дело уже почти закрыто, я не буду сдавать тебя в полицию, хотя могла бы. – Я остановилась и сделала ещё глоток виски. Посмотрела на отца. Он съёжился на диване и казался сейчас дряхлым стариком. Глядя на него, у меня опять перехватило горло. И конец обвинительной речи затерялся и стал ненужным.

Внезапно он выпрямился и его глаза опасно блеснули.

- И что ты хочешь за своё молчание? Денег? – он схватил какую-то папку и вытащил оттуда бумаги. Бросил их на стол. – Так я уже всё переписал на твоё имя. Ну почти всё, - поправился он. Тебе звонили, чтобы сообщить, но твой телефон не отвечал.

Я посмотрела на него с жалостью. Неужели он предполагает, что можно купить даже собственную дочь? Неудивительно, что моя мать предпочла покончить с собой.

- Единственное, что меня интересует, - начала я, пытаюсь справиться с подступившими слезами, - это ответ на вопрос: «Зачем ты убил Андрея?»

Он снова сгорбился и стал меньше ростом. Наверно, понял, что меня не интересуют деньги. А что он ещё мог предложить людям кроме денег? Возникла пауза. Он посмотрел на меня и каким-то просящим тоном сказал:

- Будь добра, налей мне ещё виски. Мне трудно говорить.

Я с трудом поднялась и добрела до бара. На меня нахлынуло странное спокойствие, смешанное с обречённостью. До последнего момента я надеялась. Ведь у меня, как я уже сказала, кроме подсказки Степана и разговора с девушкой из гостиницы, не было никаких доказательств. И я надеялась, что он скажет, он уверит меня в том, что я ошиблась. А он ... даже не спорил.

Я поставила стакан перед ним и остановилась у окна. Мне тяжело было сидеть с ним в одном пространстве. Он сделал маленький глоток и каким-то надтреснутым голосом начал говорить. Каждое его слово раздирало в клочки моё сердце.

- Ты спрашиваешь: зачем? Ответ на этот вопрос прост. Ты полюбила его! – Я дёрнулась как от удара, но он остановил меня. – Если ты хочешь услышать правду – молчи! Я всегда любил тебя, Элоиза. И ты даже не подозревала об этом. Я ловко маскировал свою любовь под придирками и унижениями. Считал, что для тебя такое воспитание только на пользу. Ты станешь сильной и сможешь занять моё место. Когда твоя мать покончила с собой, мы остались с тобой вдвоём. Я почувствовал к тебе нежность. Нежность, которой я испугался. Когда ты выросла и стала девушкой, я почувствовал страх, что однажды ты выйдешь замуж и покинешь меня. Я любил тебя и не мог тебе этого позволить. Я хотел, чтобы ты осталась со мной. Я вырастил тебя для себя. Я держал тебя в строгости, не разрешал встречаться с молодыми людьми, не отпускал одну отдыхать. Убедил себя в том, что мужчины только и жаждут твоих денег, поэтому будет большим благом, если я буду убирать их с твоего пути. И убирал их одного за другим. – Он замолчал, глядя на моё залитое слезами лицо, и протянул ко мне руку. К тому времени, ноги уже не держали меня, и я повалилась на кресло. – Когда его пальцы коснулись моей руки, я вздрогнула. – Как-то ты спросила меня, почему я снова не женюсь, ответ всё так же прост. – Потому что люблю тебя. Все эти годы мне стоило большого труда держать себя в руках и не показывать своего желания.

Я выдернула руку и вскочила. Мой отец не только убийца, он ещё и извращенец.

- Но как же так? – выкрикнула я. – Ведь ты мой отец!

- Да, но иногда бывает, что мы не справляемся со своими чувствами. Справившись с вожделением, я не смог справиться со своей эгоистической любовью. Одна мысль, что ты будешь принадлежать мужчине, сводила меня с ума. Пришлось утешать себя тем, что ты их не любила.

- Когда ты понял, что я полюбила Андрея, ты его убил, - тихо закончила я. – Что-то подобное я предполагала. Ему ты не мог предложить денег, он бы их не взял. И он был тем единственным мужчиной, который на самом деле меня любил. Правда, узнала я об этом уже после его смерти. Но как же так, отец? - выкрикнула я в отчаянии. – Ведь ему было всего тридцать лет, и он был лучшим из всех людей, которых я знала. Как у тебя повернулась рука?

Отец молча смотрел на меня. Не как на дочь, как на женщину. Признавшись, он перестал скрываться. Мне стало тошно. Но я ещё не могла уйти.

- Как ты это сделал? Почему всё это произошло в музее?

- Ты хочешь это знать?

- Да, чтобы составить себе полное представление, какой ты... - я замолчала, подбирая слова.

- Не трудись, Элоиза, подбирать слова. Любовь – страшная штука. Сколько убийств произошло на любовной почве. Если бы я не оказался твоим отцом, это воспринималось бы нормально. Мужчина уничтожил своего соперника из-за женщины. Так смотри на меня как на мужчину, а не как на отца. Я не виноват в том, что судьба подвергла меня подобному испытанию. Полюбить плотской любовью своего ребёнка! И ты ещё упрекала меня в том, что я тебя не целовал?

- Боже мой! – я закрыла глаза. Хотела бы заткнуть уши. И не слышать. Не думать, не воспринимать. Между тем, он продолжал:

- Когда я убедился, что ты влюблена в Андрея, я понял, что надо действовать. Я не знаю, как бы поступил, если бы предмет твоих чувств, не был при этом нашим семейным родственником. Ты знаешь моё отношение к Степану. Меня вырастили с мыслью о том, что он предатель. Таким же предателем я считал Сергея.

- Но ты же знал, что Андрея усыновили. Он не имел никакого отношения к Петушинским.

- Усыновлённые имеют те же самые права, что и родные. И наследовал бы он наш особняк наравне со мной. Тебя, между прочим, не задевало, что это наш семейный дом, построенный одним из лучших архитекторов семьи. И тут вдруг какой-то недо... ну, в общем, не имел он никакого отношения к этому. А ведь, поди ж ты, не собирался от наследства отказываться. Хотя ему предложили достаточную сумму. Но где там? У него же не было никакой совести, он понимал, что при продаже он получит значительно больше.

- Неужели ты не знаешь, что он не собирался продавать этот дом? – закричала я. Со мной всегда происходило что-то странное, когда при мне кто-то начинал говорить плохо об Андрее.

- Это он тебе говорил! А ты и уши развесила. Продал бы как миленький.

Мне было горько его слушать. Горько и противно. По какому закону природы мне выпала участь родиться его дочерью?

- Продолжай! – я откинулась на спинку кресла и поджала под себя ноги. Надеюсь, что коленки перестанут дрожать.

- В тот вечер мы ужинали с тобой в итальянском ресторане. И тебе позвонил он. Я понял это по твоему лицу, ты разговаривала с ним и улыбалась, пока я сходил с ума от ревности. Понял, что ты влюбилась и не вернёшься ко мне. Это случилось уже после того, как я расслабился и перестал опасаться, что ты выйдешь замуж и оставишь меня. Ты отправилась в туалет, оставив на столе мобильный. Я узнал его номер. Мне стоило больших трудов, дожидаться окончания ужина. Мы вместе дошли до отеля и разошлись по номерам. Ты пожелала мне спокойной ночи. Но разве я мог оставаться спокойным, видя тебя такой влюблённой? К тому времени, в голове у меня созрел план. Ты знаешь, я всегда вожу с собой заряженный пистолет. На всякий случай. Ни разу им не воспользовался. Я позвонил Андрею и попросил его о встрече. Сказал, что мне нужно поговорить о тебе. Он клюнул на это. Мы встретились возле ворот. Я пытался посмотреть на него твоими глазами и не смог. Мы поднялись в гостиную. Не знаю, что ты чувствовала в этом доме, я понял, что он весь пронизан болью. Ты ведь ничего не знаешь. Дядя Сергей, который заменил мне отца, рассказывал мне историю своей любви. Степан соблазнил его невесту, она осталась из-за него в России, а он сдал её.

- Всё не так! – не выдержала я. – Степан любил Фаину и всю жизнь не мог себе простить её гибели. Он её не сдавал!

- Откуда ты это взяла? Ещё одна сказка от Андрея, которыми он тебя потчевал в изобилии, чтобы жениться на тебе и прикарманить твои деньги?

Доказывать, что произошло с Фаиной, вдруг показалось мне бесполезным. Да и отец, для которого самым основным были деньги, не смог бы понять, что в жизни существуют другие ценности.

- Когда Андрей сказал, что любит тебя, - продолжил отец, - я не выдержал. Степан погубил Фаину, а уж этот, я в этом был совершенно уверен, погубит тебя. А я хотел сохранить тебя для себя.

- И ты просто вытащил пистолет и выстрелил в него?

- Он испортил бы нам жизнь, Элоиза. Таким, как он лучше не рождаться на свет. Считаю, что я спас тебя от разочарований. Неужели ты настолько глупа, что поверила в его сомнительную любовь?

По щекам текли слёзы. Теперь я знала всё. Вот и конец. Мой отец убийца, и мне придётся жить с этим. Жить, потому что несмотря ни на что я не смогу предъявить никакого обвинения. Он слишком стар для тюрьмы.

Я встала с кресла и ещё раз посмотрела на него. Жалел ли он о том, что сделал? Не думаю. Он по-прежнему считал себя правым.

- Не уходи, - он тяжело поднялся с дивана и подошёл ко мне. Мне казалось, что если он дотронется, меня вырвет.

Он остановился в шаге от меня и долго смотрел мне в глаза.

- Ты нужна мне, Элоиза. Останься со мной.

Мне было бы легче, если бы он попросил прощения за то, что сделал с нами. Но он как всегда думал только о себе.

ГЛАВА 32

Не знаю, в какой момент я почувствовала, что больше не хочу жить. Первый раз, когда увидела Андрея мёртвым. Но тогда мною двигало желание найти убийцу и отомстить. Оно возбуждало меня, придавало сил. Шаг за шагом, путаясь и ошибаясь, я прошла весь путь. Теперь я знаю, кто убил Андрея. И не могу с этим жить. Мой отец убил его из любви ко мне. Что может быть гнуснее и противнее? Разве только то, что он мог бы сделать меня своей любовницей. Ну что же спасибо ему, что он хотя бы справился со своей похотью.

Я знаю, что больше никого не полюблю. Имеет ли моя жизнь какой-то смысл? Нет. Я вспомнила о маме. Наверно, в какой-то момент, она узнала, что её муж – монстр. И тоже не смогла с этим жить.

Маленькие белые таблетки легко высыпались в руку. Уснуть и не проснуться. Больше не жить с этим грузом. Самое страшный грех – самоубийство. Но я никогда не верила в Бога. Будем считать, что я в очередной раз не справилась, не дотянула жизнь до конца. Мне уже сорок, и я хочу закончить свою никчёмное существование. И если с меня кто-то спросит за это по полной программе, то пусть это будет потом. Нет сил.

Я взяла стакан в руки, прикидывая, сколько таблеток смогу проглотить за один раз. Телефон разорвал зловещую тишину бодренькой мелодией, и я чуть не уронила стакан. Кому я могла понадобиться за минуту до смерти? У меня же никого нет. Почему-то вдруг мне захотелось услышать человеческий голос. Голос из другого мира. Даже если кто-то ошибся.

- Лиза! Я так боялся, что ты не ответишь. Что я не успею. Меня здесь не пускает ваш консьерж. Нужно твоё согласие, чтобы подняться к тебе.

- Эмиль?! – я не могла поверить, что он здесь. - Но откуда ты взялся в Париже?

- Не знаю, что произошло, но когда ты ушла, я понял, что не могу отпустить тебя одну. Что-то толкнуло меня к кассам. Вместо того, чтобы поехать домой, купил билет на следующий рейс. Выйди ко мне. Или скажи этому проклятому консьержу, что ты меня ждёшь. Сделай же что-нибудь, Лиза.

- Я иду, - крикнула я в трубку, вдруг отчётливо понимая, что не хочу, чтобы он поднялся и увидел разбросанные таблетки. Выкинула их в окно. Посмотрела на себя в зеркало, слегка подкрасилась и зачесала спутавшиеся волосы в хвост.

Надо жить! Несмотря ни на что или вопреки. Андрею бы никогда не пришла в голову мысль наглотаться таблеток. Он любил жизнь, и он учил этому меня. Андрей! Которого убил мой отец. Я зажала себе рот, чтобы не дать вырваться рыданию. Не думать сейчас об этом. Потом. Позже. Когда будет не так больно. В голове появилась мысль: а ведь это же Андрей послал ко мне Эмиля, чтобы удержать меня на краю пропасти. Странная идея. Но мне стало легче. Спасибо, Андрей!

Закрыла дверь своей комнаты и прошла мимо гостиной, где всё ещё сидел тот, кого я больше никогда не смогу назвать отцом.

